

Академия наук Республики Таджикистан
Институт истории, археологии и этнографии
имени Ахмади Дониш
Научно-исследовательский институт проблем
архитектуры и градостроительства

АБДУЛЛОДЖОН МИРБАБАЕВ

ИСТОРИЯ МАДРАСА ТАДЖИКИСТАНА
(часть первая)

Издание научное

Ответственные редакторы:
Н.Н.НЕГМАТОВ, Р.С.МУКОМОВ

Спонсор издания:
ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА
"ДЖАМАЛ И К^О"

МЕРОС
ДУШАНБЕ - 1994

СОДЕРЖАНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5..... 4
ГЛАВА I. Место мусульманских институтов в системе Среднеазиатского города	5.....32
ГЛАВА II. Мадраса Северного Таджикистана по исто- рико-расспросным сведениям	33.... 76
1. Мадраса Худжанда	33....53
2. Мадраса Уратобе и Пенджикента	54.....64
3. Мадраса Канибадама и Исфари	64.....70
4. Сельские мадрасы	70.....76
ГЛАВА III. Историко-культурное исследование мадрасы Северного Таджикистана	
1. Вопросы статистики, хронологии и архитектуры мадрасы	76.....84
2. Социальный состав и материальная база мадрасы	84.....97
3. Роль и место мадрасы в общественно-поли- тической и культурной жизни города	97.... 110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	III....113
ПРИМЕЧАНИЕ	II4...118
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	
ИЛЛЮСТРАТИВНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	119 - 125

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена и эпохи духовную основу и моральное благополучие всякой земной цивилизации составляли школа и педагогика. Именно от совершенства обучения и воспитания, нравственного и эстетического вкуса воспитателя зависел уровень образования и культуры. В свою очередь, образование и духовная культура находились в диалектической взаимосвязи с трудом земледельца и ремесленника, создавших материальную основу общества. Часть их прибавочного труда шла на вознаграждение людей, занятых в сфере литературы, искусства, врачевания и обучения. Так было всегда. Думая, что это останется неизменным и в будущем. История мировой культуры и цивилизации доисламской эпохи не знает такого примера, чтобы просвещение и образование, искреннее желание человека возвыситься в своем интеллекте и разуме, называвшемся в то время емким словом "фархангдон", находили столь широкий размах среди народа, и чтобы они стали неотъемлемой частью психического склада человека. В этом феномене культуры особое место принадлежит мадрасе. Царившая в ней атмосфера академизма, желание познать все лучшее, что имелось в науке того времени, сделало мадрасу одним из признанных очагов городской культуры X-начало XX вв. Мадрасы этих веков являлись сосредоточием духовности, городской культуры Ирана, Хорасана, Мавераннахра и Индии. Научная и литературная, а также вообще духовная жизнь населения этого обширного региона Среднего Востока была неразрывно была связана с функцией мадрасы. Сюда, в мадрасу городов, стекалась всякая знания городская и сельская молодежь. Здесь, в стенах мадрасы, которая, кстати одновременно и всеобщим клубом, юноши получали первые навыки упражнения в стихах, словесности и в других науках. В то же время мадраса служила обителью для странствующих ученых и беднейших учащихся-мустатафов, она давала им на время учебы приют и пропитание. Словом, мадраса была тем универсальным центром культуры и образования, откуда каждый выносил для себя, а значит и для общей культуры, что-то полезное и нужное для общества.

Мадраса, конечно, являлась верховным стражем своей эпохи. Там господствовала официальная идеология ислама. Надо признать, что ислам сумел создать обширную сеть институтов духовной культуры и воспитания человека, на чем мы подчас слишком остановимся ниже.

В истории мадрас были время злата и падения. Многие предпо-

даватели, они не ведущие ученые своей эпохи, хорошо сознавали, что именно светские науки способны обеспечить динамичное развитие общества. Устод С. Айни, например, назвал мадраса Самарканда и Герата эпохи Джамии и Навои-университетами. Застой в уровне преподавания мадраса, характерный для периода XVIII-XIX вв., был вызван, по нашему мнению, прежде всего, общим кризисом, охватившем социально-экономическую и политическую жизнь ханств Средней Азии, когда после всемирных географических открытий XVI в. край оказался в изоляции. И даже в этой критической ситуации таджикские просветители в лице джадидов и другие поборники необходимости обучения находили мужество выступить с требованиями коренной реформы одряхлевшей системы образования края, в том числе и мадраса.

Нелегко пришлось мадраса и в эпоху советского строя. В годы сталинских репрессий 30-х годов многие здания мадраса были снесены, а уцелевшие были превращены в склады и казармы для заключенных. Постепенно многие здания мадраса, являвшиеся прекрасными памятниками истории и культуры, исчезли вообще. Например, из 54 мадраса старого Худжанда не уцелело ни одной. В Уратобе была снесена мадраса Рустембека и частично Конгумбаз. Такая же участь постигла мадраса Конибадама, Исфары, Пенджикента, Душанбе, Хисара, Куляба и других городов и селений Таджикистана.

Проблема истории мадраса входит в число малозученных историко-культурных тем в Средней Азии. Ее разработка впервые была начата и завершена в Таджикистане. Во всех статьях и исследованиях мы рассматривали мадраса как явление городской культуры. Нам была чужда попытка идеализации деятельности мадраса. Последняя, как и другие институты духовной культуры ислама, содержалась на добровольные пожертвования частных лиц, в том числе ремесленников, торговцев, просто благочестивых людей. Ибо в то время целевой государственной материальной поддержки сферы образования и науки не существовало. Те же, кто учреждал мадраса и жертвовал для ее плодотворного функционирования часть своего имущества, делал это искренне. В то время образование считалось "лицом разума" - "Оннаи хирад", угодным также богу. И было бы безнравственно, неуважительно к памяти предков, как это было в недавнем прошлом, огульной критике подвергать деятельность мадраса.

ГЛАВА I. МЕСТО МУСУЛЬМАНСКИХ ИНСТИТУТОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА.

К приходу арабов и исламизации края, населения Варазруда, т.е. исторического Восточного Ирана, уже обладало сложившейся системой обучения и воспитания, включающей дабистан/начальная школа/, да-сиристан/высшая школа/, а также школы рыцарства, где юноши из числа свободных сословий граждан, - озодагон, асиядагон и др., под руководством специальных воспитателей и ученых обучались военному искусству - стрельбе из лука, метанию пращи, фехтованию, езде на лошади, игре в поло на траве и другим навыкам, необходимым для несения службы в качестве чакира. Обучение начиналось с 5-6 лет. Еще Геродот писал, что персы "детей с пяти до 20-летнего возраста... обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. До 5-летнего возраста ребенка не показывают отцу: он среди женщин" /Геродот. 1972. - с. 55/. Эти данные согласуются и с текстами Авесты. Некоторые черты педагогической мысли иранских народов Центральной Азии отражены в Авесте, возможно, в ее сасанидской редакции. Так, по Авесте, как только ребенок подрастал, родители обязаны были отдать его в школу. Если они этого не делали, их поступок приравнивался совершению большого греха. В той же Авесте Заратустра назван учителем. К учителям, как правило, предъявлялись очень строгие требования. Они были обязаны ночь проводить в чтении и подготовке к утреннему занятию. В одном из фаргардов Авесты читаем следующее: "Зей, Заратустра, определи место учителя такого, который бы провел ночь в чтении и познании учении мудрецов с тем, чтобы его мысли не занимали хлопоты по хозяйству, а в день страшного суда сердце его было наполнено радостью и весельем, а в вечном грядущем мире ему было обеспечено райское блаженство" /Сухан. 1332. - с. 61/.

Существовали традиционные ритуалы посвящения ребенка в школу. Например, по достижении мальчиком семи лет ему в торжественной обстановке надевали священный халат, именовавшийся "ситра", посвящали неяс-"хаста" /Рависид М. 1990. - с. 120/. Только после исполнения этого ритуала ребенка принимали в среду подростковой молодежи и он получал право свободного посещения дабистана. На этом ритуале завершалось домашнее воспитание ребенка. Второй этап воспитания ребенка наступал с 7 лет, а длился до 14 лет. В течение семи лет юноша под руководством учителя и специальных педагогов обучался различным наукам, в том числе военному делу. В дабистанах дети по-

лучали в первую очередь основные познания в чтении и письме, а также в навыках счета, геометрии, астрономии и медицины. Круг детей, которые могли попасть в школу, был весьма ограничен. По словам Фирдавси, ни детям низшего сословия доступ в дабистан был затруднен. Они в основном обучались профессии родителей и передавали ее своим потомкам. Дабистаны помещались при храмах огня-аташпаде.

В дабистане, наряду с женщинами, обучались и дети. Так в наставлении Озарбада сыну своему Заману говорилось следующее: "Не наводи препятствия стремлению жены в получении образования, как бы потом уныние и печаль не охватили тебя за содеянное". Среди согдийских "старых писем", обнаруженных в Восточном Туркестане в 1907 году имеются письма дочери и жены, находившихся в Дунхуэне, к матери и мужу, жившим в Самарканде/Розенберг Ф. А. 1932. - с. 446/.

В "Шахнаме" Фирдавси начало обучения ребенка определено с семи лет. Однако согдийцы, по словам китайского посла Вей Цзе, уже в пятилетнем возрасте начинали учить детей письму, после чего приступали к обучению счету/Джалилов А. 1976. - с. 38/. В дабистане обучали не только родному языку, но и иностранному. Раскопки городища древнего Пенджикента выявили образцы письменности на шести языках. При раскопках цитадели того же городища были обнаружены керамические кие черепки с согдийским алфавитом и упражнениям в письме. Там же, правда, находили черепки с образцами упражнений в арабском письме. В городище Пайкенда, близ Бухары, обнаружены черепки с арабскими надписями, которые датируются 30 июня 790 г. Ранее такие же надписи были арабским письмом были найдены на цитадели Пенджикента и среди согдийских документов из горы Муг и городского зороастрийского храма огня/Бешеницкий А. М., Исаков А. 1982. - с. 132/. Эти надписи являются первыми образцами распространения арабской грамоты в Мавераннахре, выполненными рукой местных писцов. Аналогичные образцы упражнения в письме на языке пахлави и арабской азбуке были найдены в цитадели городища Старого Мерва и в Нисе.

Материалом для письма часто служили обломки разбитых сосудов, трубчатые кости, а также простые дощечки. Дощечки для упражнения в письме у жителей городища Топрак калы в Хорезме очень напоминали позднейшие так называемые "тахтаче" мактабов, которыми пользовались в мактабах исторического Таджикистана до начала XX в. Конечно, отсутствие удобной для письма писчей бумаги сильно сдерживало развитие образования. Согласно некоторым источникам, согдийские купцы уже в первые века нашей эры для своей деловой переписки использовали китайскую бумагу. В китайской летописи 105 год н. э. считается годом

изобретения бумаги/Терентьев-Катанский А. П. - 1990. - с. 22/. В Мавераннахре и Хорасане с секретом изготовления бумаги познакомились лишь во второй половине VIII в., после известной битвы арабов с китайцами в 751 г. на берегу реки Талас, где в числе пленных арабы захватили и несколько мастеров-бумагоделов. Вскоре город Самарканд стал центром бумагоделия на всем Среднем Востоке. Более тысячи лет, - с середины VIII по конец XIX в. - здесь в Самарканде из растительных волокон и трепья выработывалась бумага различных сортов, которые в большом количестве вывозились за пределы Мавераннахра, в том числе в Европу. Самаркандская бумага вскоре вытеснила из употребления для письма пергамент, деревянные и глиняные таблички и дал сильный импульс развитию школы и образования. Однако хорошая бумага оставалась такой же редкостью как и шелк. В школах Хорасана и Мавераннахра до начала XX в. для упражнения в письме использовались дощечками, образцы которых обнаружены в ряде памятников Хорезма У-VIII вв.

Так уж исторически сложилось, что даже в середине VIII в. и в более поздние эпохи, обучение в Бактрии и Тохаристане протекало на бактрийском и тохарском языке, в Хорезме на хорезмийском, в Согде, Уструцане, Чаче, Фергане на согдийском в Хотане на хотано-сакском языке. Причем каждый из восточно-иранских языков обладал собственным алфавитом. Например, в согдийском алфавите насчитывалось 23 буквы-знака, в пахлавийском - 22 знака, в манихейском - 29, в хотано-сакском алфавите - 27 знака/Фридрих И. - 1979. - с. 166-167/.

Варзруд периода У-VIII вв. был характерен идеологический плюрализм, что особенно наглядно проявилось в сфере религиозных представлений. Здесь наряду с официальной религией зороастризма, были распространены также буддизм, христианство, манихейство и другие религиозные течения. Например, в буддийских монастырях Айратана, Каратапа, Аджинатана и других функционировали школы. Ученики наряду со священными текстами обучались и светским наукам. Каратапинские надписи и сведения с монахе Дхармамित्रе показывают, что монахи буддийских храмов кушанского Термеза обучались индийской и местной грамоте, буддийской литературе и философии, а также ряду светских наук - арифметике, медицине, логике и другим знаниям/Ставиский Б. Я. - 1973. - с. 105/. В буддийском пещерном комплексе Бамиана успешно функционировала большая библиотека/Хабиб А. - 1950. - с. 27/.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что в рассматриваемое время образование в школах было доступно всему сво-

бодному населению Варазруда. В Хорезме в некрополе городища Токкала и на ряде других памятников пространными надписями снабжались даже костехранилища-танбары. Мы не исключаем и факта существования профессиональных писцов, специализировавшихся на выполнении именно таких текстов.

Дабиристан Как известно, средоточием грамотности были города. Непосредственные потребности феодального государства обусловили сложение дабиристана, особой школы для подготовки различных канцелярских чиновников, ведущих переписку и учет в государственных учреждениях. Дабиристаны являлись особой формой высшей светской школы поэтапного и факультативного воспитания служилого придворного аппарата. Дабиристаны вобрали в себя некоторые элементы раннесредневековых университетов Ближнего и Среднего Востока, которые еще и при Сасанидах и первых арабских халифах находились в полном расцвете/Мирбабаев А.К. -1983. -с.73/. В частности, заслуживает внимания уцелевший трактат "Ануширван и его слуга", где молодой дабир из знатного рода излагает Хосрову I перечень знаний, полученных им в школе дабиров. В частности, он докладывает шаху: "В определенном возрасте родители отправили его в школу дабиров, где он под руководством наставника заучил тексты Авесты. После чего приступил к изучению светских наук-истории, литературы, философии, а затем приступил к овладению искусством верховой езды, стрельбы из лука, метания копья, игры в чавган, затем приступил к музыке, так что стал играть на лютне, барабанах, каное, кроме того, состязаться в бок на ногах-джанги лагатак, в нарды, шахматы, хорошо обучен искусству куличарии, отлично разбирается в разновидностях садовых цветов и получении из них различных духов". Как видно из этого неполного перечня знания, приобретенные молодым дабиром в дабиристане, они были весьма обширными. Программа школы дабиров IX-XIII вв. фактически ничем не отличалась от таковой в сасанидскую эпоху. Так, философ-моралист Мухаммад Газзали рекомендовал будущему дабиру изучение искусства составления деловых бумаг и стилистики, причем умение сочинения деловых бумаг в XIII в. оставалось важнейшим показателем уровня образованности. Далее Газзали рекомендовал молодому дабиру в совершенстве изучить географию, математику, геометрию, астрономию, медицину, теорию литературы-аруз, методы определения лекарственных растений, а также разновидностей подземных вод. Низами Арузи Самарканди считал, что "слово дабира не достигнет такой силы, если у него не будет доли от каждой науки и он не запомнит по одному искусному выражению от каждого мастера, не услышит по одному афоризму от каждого мудреца и не

позаимствует по одному редкостному примеру от каждого писателя"/Низами Арузи Самарканди. -1963. -с.39/. Согласно "Шахнаме" Фирдавси, место дабира при царских дворах занимали нередко мобеда храмов огня, которые обладали широчайшим образованием.

Исходные дабирь по завершении учебы в дабиристане поступали на работу в канцелярии правителей областей, районов и городов. На работу их нанимали купцы, торговцы. Должность дабира была наследственной. Отдельные писцы, обладавшие весьма незаурядными способностями, могли достичь и должности везира-министра/Кабуснаме. -1958. -с.222/. Много дабиров было занято при газневидском дворе. На их содержание газневидский двор ежегодно расходовал до 70 тысяч дирхемов/Байхак. -1969. -с.218/. Все это дало основание В.В.Бартольд называть дабиристаны "светской начальной школой для подготовки чиновников"/Бартольд. -1966. -с.111/.

Специальные правила подбора и подготовки дабира, его статуса при дворе были составлены еще в VII в. С ним хорошо знакомы были автор "Кабуснаме" Кейкавус и автор "Четырех бесед". В этих произведениях есть специальные разделы, касающиеся специальности дабира. В эпоху Саманидов, а затем Арабского халифата, сильно возросла потребность в хороших дабирах. О том, какое важное значение придавалось функции писцов и их роли в системе государственного аппарата, свидетельствует их высокое гражданское и общественное положение в высшем эшелоне власти/Мец А. -1973. -с.72/. При Сасанидах существовало специальное учреждение "Эрон дабирбанд", в Халифате оно называлось "Девон ал-инша", которое полностью контролировало работу местных и центральных отделений дивана дабирез/Фрай. -1972. -с.297/. Ряд профессиональных дабиров, писавших на согдийском, в том числе на языке адресата, выявили документы из горы Муг. Позже, уже в середине века, термин "дабир" был повсеместно заменен арабскими словами "катиб", "мунши", "мирза" и другими.

Приход арабов и тотальная исламизация населения, недавно исповедовавших зороастризм, повлекли за собой уничтожение людских, производственных памятников письменности и литературы. Завоеватели фактически истребляли также носителей местной и зороастрийской культуры. Так, в Хорезме, по свидетельству Бируни Кутайба ибн Муслим уничтожил хорезмийских писцов, мобеда, сжег их чанги и свитки/Бируни. 1957. -с.63/. В Бухаре, Пайкенде и в других городах, согласно словам Мухаммада Наршахи, арабами были разграблены храмы огня и капища идолов, в металл были расплавлены хранящиеся в храмах идолов из золота и серебра. В наше время этот акт вандализма подтверждается мате-

риалами археологических раскопок.

Место мусульманских институтов духовной культуры в системе города. Мечеть. С приходом ислама центрами богослужения и общественных собраний стали мечети. Первая мечеть появилась в Бухаре в 712г., ее построил Кутайба ибн Муслим на базаре Мох, на месте храма огня. Автор Канди Абу Хафс Самарканди пишет, что в Самарканде первая мечеть появилась в 708г. Она была известна по имени Диванья. Соборная мечеть Диванья согласно данным источника во времена "неверных" был капищем идола и местом поклонения. В халифстве эмира правоверных Османа/Усмона/ был завоеван Самарканд, тех идолов разбили и перевернули вниз головой, а капище обратили в соборную мечеть города/Абу Хафс Самарканди.-1906.-с.250/. Вскоре мечеть Диванья стала центром науки всей области Мавераннахра. В первой пятничной мечети мечети Бухары ученый Абу Хафс Бухари в окружении учеников проводил занятия.

Мечети делились на два типа: приходские и пятничные. Пятничные мечети размещались на главных базарных площадях, перекрестках дорог, в центре гузаров и являлись важными элементами градостроительного начала. По пятничным мечетям можно судить о динамике роста города и его населения. Согласно словам Макдиси из Ферганы, городов, имевших соборную мечеть, было 40. Для Макдиси пятничная мечеть служила критерием для определения города как такового/Беленицкий и др.-1973.-с.202/. Архитектура ранних мечетей отличалась большим размахом. Например, сообщается, что в соборной мечети города Бата было множество разных деревянных колонн, поддерживаемых базами из черного камня. Мечеть города Данданикана источники характеризуют как "чрезвычайно красивую". Первая пятничная мечеть Нишапура появилась при Абдулла Умар Разкулле, который возглавил осаду города Нишапура. Разрушив храм огня, находившийся на утадеди/кухандизе/ города, он построил на том месте первую пятничную мечеть. Другая мечеть была построена при наместнике Ибн Махлабе на улице, носившей название "Кучан оташкада"///улице храма огня"/. Большая же пятничная мечеть в мансура Нишапура появилась в середине VIIIв. при Абу Муслиме Марвази. Мечеть простиралась на площади более трех дариба и имела 1000 колонн, в ней одновременно могли молиться более 60 тыс. горожан Нишапура. Мечеть имела проточную воду, несколько водоемов, погреб для льда-"яхдон" и другие служебные и подсобные помещения. При мечети имелось более ста служак и рабочих.

Пятничные мечети X-XIIвв. и более поздних эпох отличались богатым убранством, изысканной архитектурой. Об этом можно судить по

михрабу из Ашта, Искандара, колоннам из Оббордона и Чорку. Здесь нашли яркое воплощение и образцы из доисламской мифологии/Воронова.-1985.-с.254/. Остатки ранних мечетей археологически открыты также в Газни, Афрасиабе, поселениях Чильдустарон и Калаи Сар в Таджикистане. Остатки мечети Хв. открыты также при кладбище Талхатан Баба в Мерве. На городище Мисриан открыты сразу остатки двух мечетей. На первых порах была высока общественная функция мечетей. Там размещалась казна и канцелярия арабов. Языком богослужения были арабский и персидский языки.

Мактаб. В 741г. вышел указ, по которому делопроизводство в Хорасане и Мавераннахре было переведено на арабский язык. Указ запрещал немусульманам работу в канцелярии/Фрай.-1972.-с.330/. Эту дату можно принять за отправную точку отсчета начала истории мактаб и мусульманского просвещения в исследуемом регионе. Источники не донесли до нас прямые сведения об архитектуре и программе ранних мактабов. По-видимому, они изначально помещались при квартальных и соборных мечетях. Указание на мактабхона есть в отдельных юридических документах X-XIVвв. и последующих эпох. Ценные материалы об интерьере, учебных принадлежностях, порядке поведения ученика и учителя-мактабдара, можно почерпнуть из миниатюр школ Шираза и Герата эпохи XIV-XVвв., для которых школьная тематика была весьма популярной.

Мактабы учреждались как при приходской мечети, так и в доме самого учителя, где он и его супруга раздельно занимались с мальчиками и девочками. Основные концепции методики обучения и воспитания в мактабе последовательно и тщательно рассмотрены в трактате Абуали ибн Сино "О домоводстве" в главе "О роли учителя в обучении и воспитании детей", книге "Кимён сеодат" философа и моралиста Газзали/XIV./, в труде Бурхониддина Зарнучи "Таълими ул-мутаъаллимин тарикат-таълими"/XIV./, "Ахлоки Носири" Носириддина Туси/XIV./, "Ахлоки Мухсини" Фомана Кошифи, "Ахлоки Давони" Джалолиддина Давони/XV-XVIвв./, а также в многочисленных назиданиях поэтов-классиков персидско-таджикской литературы-Рудаки, Дакки, Фирдавси, Носири Хусрава, Саъди и Хафиза Ширази, Абдурахмана Джами, Дониша и других поэтов и мыслителей.

Содержание и воспитания и обучения, предложенное Ибн Синой, сводилось к следующему: умственное воспитание, физическое оздоровление, которому служит также наука врачевания, эстетическое воспитание, нравственное воспитание, обучение ремеслу. Ибн Сина рекомендовал отдавать ребенка в школу с шестилетнего возраста. Ученый

считал, что в этом возрасте родителям необходимо повсюду ребенку хорошего учителя и воспитателя, который бы был мудрым, верующим, зрячим, осведомленным в методах нравственного и умственного обучения, а также гордого, волевого, великодушного и чистоплотного, обладавшего навыками ведения дискуссии и убеждения/Ибн Сина.-1980.-с.24/. Ибн Сина придавал большое значение учебному процессу и говорил, что не следует сразу привязывать ребенка к книге. Обучение должно протекать поэтапно.

В X-XII вв. и последующие эпохи, несмотря на широкую сеть мактабов, обучение подчас носил кустарный характер. Значительное число семей довольствовались домашним обучением, а наиболее самостоятельные семьи, как например родители Ибн Сины, нанимали на дом домашних учителей. Таких как Нотии странствующих ученых-педагогов в то время было немало. Ибн Сина же выступал против индивидуального обучения детей/Мирбабаев А.-1980.-с.63/. Ибн Сина считал, что обучение в отрыве от школы в равной степени утомительно как ученику, так и преподавателю. В "Трактате о домоводстве" он высказал ряд мыслей о преимуществах совместного обучения школьников, которое сводилось к следующему:

1. Учащиеся, как правило, стремятся к науке, литературе и морали. Они с завистью следят за успеваемостью товарища по классу, нередко переживают его неудачи. Самолюбие побуждает их не отставать от сверстников.
2. Учащиеся сообща проводят беседы и диспуты, способствующие совершенствованию их разума, развитию воображения и расширению горизонта их познания. И поскольку все услышанное при этом передается другим, то это служит основой распространения полезных знаний и советов среди детей.
3. При совместном обучении укрепляется дружба учащихся, прививаются чувства уважения, мера долга, а также вырабатываются навыки свободной полемики. В программе обучения детей от 6 до 14 лет Ибн Сина включил изучение Корана, метафизику, язык, поэтику/эдаб/, этику и навыки ремесла. Мухаммад Газзали, соперник и идеологический противник Ибн Сины, был решительно против преподавания в школе курса поэтики, считая ее сферой женского характера. Газзали рекомендовал обучать детей Корану, писаниям мудрецов, знакомить их с рассказами о главных сподвижниках религии ислама-сахобгах. Ученый советовал учителям школы и родителям вообще поддерживать ребенка все то положительное, что проявляется в юношеском возрасте у детей в их поступках, характере, а если нужно, похвалить ребенка при людях и одаривать их подар-

ками.

На втором этапе обучения, который Ибн Сина называл периодом специализации, учащиеся по мнению ученого должны были приступать к овладению навыками ремесла. Ибн Сина рекомендовал обучать детей ремеслу независимо от социального положения учащихся. На этом переходном этапе, советовал Ибн Сина, учителя или воспитателю необходимо быть предельно внимательным и предусмотрительным, необходимо учитывать возрастные особенности учащихся, а также их душевное состояние. Ибн Сина писал, что по натуре дети бывают разные. Например, одним ученикам легко дается учение, другим ремесло, третьим литература, а кому-то суждено быть проповедником. Каждый юноша стремится к одной профессии или роду занятия, к которому имеет больше влечения. "А когда удалишься от многочисленной отрасли языка, - писал ученый, то убеждаешься в том, что одни выбирают медицину, другие геометрию, и так каждая группа людей совершенствуется в какой-нибудь одной профессии, которая близка ему по душе."/Ибн Сина.-с.25/.

Ибн Сина отдавал предпочтение обучению ремеслу, под которым в то время подразумевали общественно-полезную деятельность людей. "Ремесло, - писал Ибн Сина, в отличие от купечества, более надежное, меньше подверженное опасностям занятия. Оно более благонадежно и в нем больше гарантий. А торговля и купечество, поскольку они связаны с товарами, являются более рискованными, они легко могут выскользнуть из рук и сделать нищим ее владельца. Иное дело ремесло, им владеющий при любых обстоятельствах найдет своим знаниям сферу применения".

Ибн Сина советовал переходить к обучению ремеслу сразу по завершению обучения Корана и прохождения курса грамматики арабского языка. Ученый советовал родителям особенно не опекал ребенка и не проявлять к нему излишнего любопытства в то время, когда он учится ремеслу. Напротив, необходимо поощрять его и заинтересовать конечным результатом его труда. "Когда же подросток обучится ремеслу, - писал Ибн Сина, пусть ему не препятствуют пользоваться плодами своего труда. а когда он окончательно освоит ремеслу и добьется получения гарантированного дохода, то пусть его женят и отдадут маленький дом, тем, чтобы он не поддавался греховным делам".

В учении Абуали Ибн Сина по отношению к школе и воспитанию как лакмусовой бумаги запечатлелись духовные потребности эпохи ученого. Его мысли о прогрессивной роли коллективного обучения и в наши дни сохраняют свою актуальность.

В системе дидактики Газзали, Насириддина Туся, Кошифи, Давоки и других моралью средневековья большое место отводилось также на

воспитание и обучение девушек. Упомянутые ученые запрещали девушкам чтение книг. "Им/т.е. девушкам/...непозволительно читать и писать", - рекомендовал Джалолиддин Давони. Однако как Насириддин Туси, так и Давони не отрицали необходимости воспитания девушек вообще. Например, Давони пишет: "В воспитании девушек следует обратить внимание на обучение их домашнему хозяйству, скромности, благочестивости, стыливости и другим необходимым для женщины качествам и искусствам"/ Мирбабаев М.-1992.-с.85/.

Знания, выносимые учащимися IX-XV вв. из стен школ стояли на уровне самых высоких требований своей эпохи, считавшейся началом Восточного ренессанса. В том, что в указанный период идея всеобщего образования охватила всю передовую часть интеллигенции средневекового города Центральной Азии, немалая заслуга и мактаба-школы, в программе которой были еще очень устойчивы рационалистические традиции античных и раннесредневековых школ, чего трудно сказать о мактабах более поздних эпох. В рассматриваемое время все было подчинено духовному обогащению ребенка, общественному прогрессу. Историк Байхаки/XIV./ считал безграмотного и духовно опустошенного человека "большой бедой для общества"/Байхаки.-с.104/. Почет за ум да за образованность, не за род и не за происхождение, - вот таково был в целом основное кредо рассматриваемой эпохи, когда формировались первые ростки мусульманской образованности-мактаб и мадраса.

Корихона. Культ святых в исламе, сложившийся уже в VII в. и нашедший распространение также в Мавераннахре и Хорасане в конце VIII в., уже тогда вызвал потребность в профессиональных чтецах Корана, т.е. в хефизах-чтецах или кори/Бартольд.-1963.-с.142./ .Еще в IX-X вв. каждый мазар, гробница, мечеть, мадраса, госпиталь и другие институты духовной культуры ислама располагали известным штатом кадровых и щедро оплачиваемых чтецов Корана. В услугах чтецов Корана нуждались также и городское население, особенно имущий класс, который не очень утруждал себя заучиванием целиком низусть всех частей Корана. Однако корысть и честолюбие, вечный страх как бы не оказаться в забвении, тем более если в семье отсутствовал продолжатель рода по линии мужского пола, - это обстоятельство толкало многих горожан, а также и сельчан, обратить часть своего имущества или дохода в "Вакуф" или "Вануф махсури" и тем самым добиться регулярного и гарантированного на многие десятилетия поминания при чтении Корана-"Хатми Куръон" наемными чтецами Корана за упокой души родителей и самого зафундатора, если он стоит на иной мир. В то же время полное заучивание низусть Корана считалось

обязательным уделом всякого образованного правоверного мусульманина. Но тем не менее, поставщиками профессиональных чтецов Корана выступали специально учреждаемые на благотворительных началах корихона и далохилхона. Корихона занимали промежуточное звено между мактабом и мадрасой. В корихона в основном поступали осиротевшие дети и слепцы. В городах спрос на профессиональных чтецов Корана был всегда очень велик. Например, в Худжанде в XIX в. имелось до 70 ваффов Корана и Махсури. По статистике 1892г. в Худжанде функционировало 40 корихона. По всему краю, за исключением территории Бухарского Эмирата, имелось более 333 корихона. Эти сведения можно ретроспективно перенести и на рассматриваемую эпоху и убедиться в том, что несколько корихона занимали большое место в городской культурной жизни той эпохи. В каждой из корихона занимались от 5 до 10 ученика. Срок обучения не был твердым. Окончивший курс корихона должен был наизусть и нараспев прочесть Коран на тридцати частей. Из числа профессиональных чтецов Корана вышло немало поэтов, деятелей культуры ислама. Например, поэт классик персидско-таджикской литературы Хафиз Ширази, который за умение читать Коран получил прозвище "Хафиз", т.е. чтец Корана.

Хорошее знание текста Корана использовалось многими деятелями нередко как средство защиты себя от нападки схоластов и фанатично настроенных исламистов. Абу Али ибн Сина отвечал своим недругам, обвинявшим его в безбожьи, словами:

Меня в безбожьи обвинять-заведомый обман,
Нет веры крепче, чем моя, везде, где чтут Коран.
И если я глуп, тогда вы можете считать,
Что правоверных больше нет на свете мусульман.

Далохилхона. В далохилхона учащиеся поступали после завершения курса обучения в корихона. Здесь в далохилхона они под руководством опытных чтецов Корана непродолжительное время упражнялись по всем двенадцати способам произношения, интонации и ударения при чтении Корана нараспев. В городе Худжанде далохилхона существовали лишь в двух кварталах-Маддохон и в квартале Масчиди Сурх.

Мадраса. Первой школой в мусульманском мире была мечеть, построенная якобы пророком Мухаммедом и его сподвижниками в Медине в начале VII в./Ародаки.-1978.-с.35/. С тех пор мечети несли людям знания как по теологии, так и по светским наукам о чем мы остановились выше. Но однако, по мере постоянного усложнения социальной структуры, а также системы общественных ценностей и правил мусульманское общество становилось, как полагает Ародаки, с новыми проб-

лением. Столетия спустя после смерти Мухаммеда/632 год н.э./ возникла необходимость в новых формах обучения: кружки по обучению создавались уже не только в мечетях, но и во дворах, на улицах и даже на базарных площадях. Обучение уже не ограничивалось изучением только Корана, а распространялось также на литературу, поэзию, грамматику и другие области знаний. На площади Мирбад, в Багдаде, собирались группы грамматиков, учеников, либо просто любопытные, часто в мечети создавались классы по изучению законовещения, поэзии и грамматики. Эти классы и учебные группы представляли собой своеобразный "свободный университет", поскольку педагоги не были связаны какими-либо особыми обязательствами или запретами, а ученики были вольны в выборе существующих классов, дискуссионных групп и учебных кружков.

Во время правления династии Аббасидов/750-1258 гг./ религиозное образование становится самостоятельной дисциплиной; некоторые учителя специализировались на Коране, хадисах, а также в области юриспруденции, другие изучали арабский язык, литературу и историю. Именно в этот период разрастается число учебных кружков и происходит их качественное обогащение. Позже они-то и составили ядро будущих медрес-коледжей для взрослых, многие уже получивших начальное образование в частных школах или в мечетях.

В X в. медреса становится самостоятельным институтом, отделившимся от мечети, хотя медреса, по крайней мере на первых порах, были созданы либо для подготовки отдельного специалиста, например, в области права, либо для обучения принципам определенной правовой школы./Ароаки.-с.35/. Так родилось новое учебное заведение, которому суждено было стать в будущем центром богословского и светского обучения в мире ислама, местом воспитания представителей чиновничьего сословия в духе мусульманской ортодоксии и привести к тесному объединению и слиянию бюрократического сословия с мусульманским духовенством/Гафуров.-1972.-с.397/.

На восточных окраинах Арабского халифата, в частности в Мавераннахре, медреса также появились не раньше X в. Этот термин впервые был зафиксирован в известном труде Мухаммеда Нершахи "История Бухары". Автор при рассказе о пожаре, имевшем место в Бухаре зимой 937/938 гг., к слову упомянул о медресе Фаридана, пострадавшей от пожара. Позже этот материал дал повод В.В. Бартольд называть местности по обе стороны Амударьи, примыкавшие к Балху, родной медресы/Бартольд.-1964.-с.30/. Для В.В. Бартольда истоки медресы были не столь темны, как истоки нижней ступени мусульманского

образования-медресы/Бартольд.-1966.-с.111/. Ученый под влиянием работ А.Калмыкова и других исследователей склонялся к мысли, что медреса сложились под влиянием буддийских вихар. Он в частности писал: "...высшие мусульманские духовные училища-медреса появились на восточной окраине халифата раньше, чем в его центральных областях; очень вероятно, что ислам в этом отношении находился под влиянием буддизма"/Бартольд.-1964.-с.30/. Позже эта идея всемерно развита и поддержана Е.А. Литвинским в связи с вопросом о генезисе архитектуры четырехайванной композиции/Литвинский, Зеймаль.-1971.-с.55/. Он предлагал искать генезис такой планировки исключительно в архитектуре монастырей буддийского круга. Г.А. Пугаченкова рекомендовала истоки четырехайванной композиции "в глубине античной поры". Дальнейшее развитие этой схемы она связывала с исключительными успехами развития сводчатой техники/Пугаченкова.-1958.-с.341 и 1971.-с.241/.

В ту пору, когда были выдвинуты теоретические предположения В.В. Бартольда о якобы функциональной связи медресы с буддийскими вихарями, местности по обе стороны Амударьи до Балха, о которых писал ученый, как об одном из возможных регионов расположения архитектуры медресы, представляло собой белое пятно на археологической карте Центральной Азии. Положение изменилось к лучшему в конце 50-х годов, когда на юге Средней Азии, а 70-х годах и на Севере Афганистана были развернуты широкие археологические работы, давшие обильный археологический материал, в том числе и по планировке и архитектуре гражданских и культовых сооружений региона. Сегодня уже очевидно, что архитектурно-планировочные схемы, которыми пользовались приверженцы буддийской религии при постройке своих монастырей и кумирен, существовали еще задолго до появления в II-I вв. до н.э. первых буддийских общин на территории Центральной Азии. В литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что буддийские монахи, оказавшиеся в Среднеазиатском регионе по неизвестным нам пока мотивам, просто умело и творчески приспосабливали под свой культ ранее имевшиеся в наличии архитектурные формы и сооружения. Наглядный тому пример-сооружение храма на городище Дильберджин/Кругликова.-1974.-с.16/. Архитектурно-планировочные элементы Храма с дискурсами Дильберджина имеют близкие аналогии с остатками храма I-II вв. на городище Мансур дэпе в Туркменистане/1970.-с.11-12/. В обоих случаях здания располагались на небольшом искусственном возвышении. В плане представляют квадрат. Внутри больших квадратов располагаются малые, отделенные от внешних стен системами обводных коридоров. Типичная

для иранских храмов огня квадратная cella, система обводных коридоров, купольное перекрытие—все эти элементы в равной мере характерны и для ряда культовых сооружений Таджикистана и Узбекистана/Пулатов.—1977.—с.78/. То же самое можно сказать о ряде памятников архаической эпохи Ирана, где наблюдались элементы архитектуры, характерные и для планировки медреса. Это наглядно видно на многих памятниках Фирузабада, Сарвистана—горной местности близ Шираза в Иране/Сухан, 1323, № 2.—с.112/, а также храмовые сооружения Грузии II—III вв. до н.э., появившихся под влиянием ахеменидского зодчества./Тогошидзе.—1981.—с.107/.

Более точное время возникновения архитектурно-планировочное решение медреса помогли определить выдающиеся открытия Советско-Афганской археологической экспедиции в песчанной пустыне левобережье Амударьи, в работе которой посчастливилось принять участие и пишущему эти строки. В 1971 г. отрядом во главе В.И. Сарвианиди в местности к юго-востоку от дворцового храмового комплекса Дашли-3, при участии автора этой книги, были раскопаны остатки парадного многоколонного здания Алтыи-Ю, объекта-2. Рядом же в 50—60 м к северо-востоку от этого летнего дворца были вскрыты остатки постройки с замкнутым двором и секционной застройкой по периметру двора. Здание прямоугольное в плане, состояло из замкнутого квадратного двора с небольшим бассейном в центре двора/рис. 1/. По периметру всего обводного коридора располагалось двадцать семь продолговатых помещений типа худжры медреса. Оба памятника датируются ранним железным веком, т.е. конец—начало I тыс. до н.э./Сарвианиди.—1977.—с.126/. Отметим, что композиция замкнутого дворцового комплекса характерна также и для планировки архитектуры гимнасии Айханума/Комеленко.—1972.—с.155/ и для многих других античных сооружений Фирузабада, Давлятабада того же Северного Афганистана, которые с развитием, в первую очередь сводчатой техники, купола и других архитектурных конструкций очень зримо воплотились в архитектуре Среднеазиатского медреса. Весь накопленный материал убедительно свидетельствует о том, что истоки генезиса планировки медреса края необходимо искать прежде всего в архитектуре гражданских построек.

Другим вопросом, тесно переплетаясь с генезисом медреса, является определение родины медреса, исторических и культурных аспектов ее возникновения в Средней Азии. В.В. Бартольд и в этом вопросе был сторонником восточной ориентации. Он писал: "...несмотря на арийское происхождение слова ханака/ханках/и семитическое проис-

хождения слова медреса, распространение ханаки шло в мусульманской Азии с запада на восток, распространение медресе—с востока на запад"/Бартольд.—1964.—с.430—431/. Постепенное распространение медреса в Месопотамии, Сирии и Северную Африку В.В. Бартольд связывал с сельджукинской эспансией, которая, по его мнению, способствовала распространению в этих странах восточноиранской культуры/Бартольд.—1966.—с.621/. М.Е. Массон также считал рубеж XIV в. началом организации первых медреса в западных регионах мусульманского мира/Массон.—1926.—с.3/. Действительно, культурная миссия сельджукидов, интеллектуальную часть которых составляли иранцы и таджики, была очень существенной и охватывала все сферы духовной жизни общества. Но все же основу так называемого медреса "сельджукидского типа"/Сурдель-Тимин Е.—1981.—с.275/ составлял мавераннахрский тип. Сельджукиды позаимствовали и перенесли на запад уже готовый, сложившийся тип медреса. А. Мец указывал на Нишапур как на родину первых учебных заведений этого типа/Мец А.—1974.—с.155/. Критикуя отношение А. Меца к вопросу о происхождении медреса, В.В. Бартольд писал, что А. Мецу совершенно не удалось выяснить суть происхождения медреса/Бартольд.—1966.—с.621/.

В этом принципиальном вопросе иранские ученые разделяют позицию А. Меца. При этом в истории медреса они выделяют два периода—медреса, построенные до "Низомия" Багдада, и после. Р. Фрей же рассматривает сообщения Мухаммада Наршахи как анахронизм. В то же время имеются неопровержимые факты того, что когда Низам ал-Мульк строил знаменитое Низамие Багдада, он просто скопировал бухарские образцы планировки медреса. Например, иранскому ученому Наджи Маэруфу удалось собрать из источников сведения о 33 медреса, учреждений главным образом в Нишапуре, а также в Бухаре, Газни и Бухендже задолго до появления первого медреса в Багдаде/Наджи Маэруф.—1993/.

Сельджукиды прежде чем обратить свой меч на запад, они очень много медреса учрежили в Хорасане и Мавераннахре. Так, в II30 г. после занятия Самарканда Санджаром, по его поручению рядом с гробницей Кусамы ибн Аббаса было построено медреса Кусамие. Абу Тахир Ходжа со ссылкой на "Историю Нишапура" писал, что "медреса эта находилась на возвышенности рядом с крепостным рвом Самарканда, близ рынка Оби Машхад, к западу от него. В настоящее время следов от этой постройки не осталось. Низамие Багдада была не последней благотворительной инициативой сельджукинского министра Низам ал-Мулька. Для широкой и открытой пропаганды идей секты ша-

ризма/Мандиси.-с.174/,им великим везиром,были построены такие же медреса в Исфагане,Низапура,Герате,Мерве и в других городах,где воспитывались именно сторонники секты шаритов.По свидетельству Хафиза Абури,в Хорасане сельджукидами было основано более 70 медреса/Сабити М.-1335.-с.28/.Ныне уцелевшие сооружения медреса в странах,захлестнутых в XIIв.волной сельджукидской экспансии,такие как Мустансирия в Багдаде,Ан-Нурия,Ал-Кубра и Аджилия в Дамаске,Саффария в Фесе,а том числе медреса при мемориальном комплексе Калауна в Каире,датируются XII-XIIIвв./Воронина.-1969.-с.37,42,43,62,96/.Таким образом,сведения письменных источников и остатки самих архитектурных сооружений медреса свидетельствуют о том,что родиной медреса были Хорасан и восточно-хорасанские владения Саманидов,т.е.Мавераннахр.

Внимание историков и филологов занимали также исторические предпосылки возникновения медреса в Хорасане и Мавераннахре.Например,русский ориенталист Н.П.Остроумов полагал,что медреса в XIIв. были созданы правителями для искусственного поддержания интереса людей к научным знаниям,которое в XIв.претерпело некоторый упадок/Остроумов.-1914.-с.154/.Что же касается того же А.Меца,то он считал,что главной причиной появления медреса явилось видоизменение метода преподавания.В Хв.,-писал он,филологи отказались от диктования и ограничились толкованием/тадрис/произведений.Видоизмененный метод преподавания создал в свою очередь новый тип учебных заведений и благодаря преобладанию тадриса в это время возникает медреса/Мец А.-с.154/.Другие исследователи считают,что причиной сложения медреса была теснота мечетей.Таким образом отметим,что ни один из исследователей не увидел в формировании медреса тех великих перемен,которые происходили в IX-Xвв.в Восточном халифате,где уже полновластно правили Саманиды,считавшие себя продолжателями рода Сасанидов.Универсальный для данной эпохи Иранский ренессанс берет свое начало от времени правления династии Тахиридов и достигает своего наивысшего апогея при Саманидах.Примечательно,что центром возрождавшейся культуры была столица Саманидов город Бухара.Рудави отметил эту нежданную в истории перемен культуру словами: "Мироз ба хар хол Равдод Бухорост"/"Сегодня все же Багдад-это есть Бухара"/А.В.В.Бартольд назвал время правления Тахиридов и Саманидов "эпохой просвещенного абсолютизма".Упоминанные династии создали в центре и на окраинах такую стройную систему государственного управления,функционирование которой прямо зависело от наличия образованных людей.Например,в первой половине

Хв.Низапурский диван воды имел в своем штате свыше 10 тыс.служащих.Примерно такой же штат специалистов имел диван воды города Мерва с отделением Кастафзуд.Различных диванов и управлений,подобных диванам воды Низапура,Мерва и в Бухаре,по всей саманидской империи,включая и десять центральных диванов/Бартольд.-1963.-с.285-294/,имелось несколько сот,возможно,более тысячи.Все эти и другие учреждения государственного аппарата нуждались в высокообразованных чиновниках.Со времени правления Тахиридов шел активный процесс реорганизации старой и отбор новых форм организации государственного аппарата,включая и высшую школу,доступную широким слоям трудящихся.Особое внимание уделялось людям науки,которые,по замыслу деятелей шуубитского движения,отвечали бы культурным запросам возрождавшейся новой местной интеллигенции.В связи с этим среди интеллигенции и в придворных кругах росло стремление преодолеть гегемонию арабского языка в науке,литературе,а также в области преподавания/Бартольд.-1963.-с.112/.В наметившемся политическом и духовном перевороте школе отводилось первостепенное значение.Организаторами новой школы выступили еретические секты ислама.Организаторы новой системы обучения пытались вновь возродить традиции древнего дабристана,университетов Искандария,Хирона,Гунди Шапура и других,которые и в первые годы ислама и Арабского Халифата функционировали соответственно своему назначению/Мирбабаев.-1983.-с.73/.Ослабление мощи Арабского халифата и возникновение на его восточных окраинах в IX-Xвв.ряда самостоятельных государств Тахиридов и Саманидов обусловили хозяйственный и культурный подъем Мавераннахра/Негматов.-1980.-с.14/.Таким образом,появление медреса явилось результатом общественного движения,духовных запросов восточно-иранских народов.Медреса удовлетворяла государственный аппарат в грамотных чиновниках.

С возникновением медреса в учебном процессе произошло определенная их дифференциация:право преподавания высшего богословского и светского образования закрепилось за медреса.Начальная-за мактабами,которые находились в основном при мечетях.К этой же эпохе,по-видимому,относится формирование широко распространенного в средние века и новое время "мечеть-медреса",что является живым доказательством того,что мечети,особенно пятничные,всегда оставались важнейшими общественными центрами городов.

В X-XIIIвв.медреса,как высшая форма школьной организации,распространилась во всех областях Хорасана и Мавераннахра и стала не

темлемой частью архитектурного облика феодального города. Так, в Хв. при Саманидах в Самарканде имелось 17 медрес, принадлежавшие ерети-ческим сектам ислама/Самарканди Ан-Насофи. -1906. -с. 263/. В X-XIV вв. многочисленные медреса с книгохранилищами функционировали в Бухаре, Гургандже, Кяте, Мерве, Нисапуре, Балхе, Газни, а также области Хутталая. По свидетельству историка Байхакки, в области Хутталая существовало свыше 20 медрес/Байхакки. -1969. -в. 290/, в области Балха свыше 400 медрес, в Газни вместе с мечетью -12 тыс. медрес/Исфизори. -1338. -с. 361/. К нашему времени из 20 медрес области Хутталая уцелела лишь медреса Ходжа Махмуда в селении Сайёд Шартузского района/Мирбабаев. -1988. -с. 22/. В городе Балхе во времена жизни ученого Абу Харуна Катиба/умер в 810 г./имелось более 400 медрес и 900 хабистанов/Воззи Балхи. -1350. -с. 111/. Согласно словам другого историка Мухаммеда Салиха, в Балхе до его завоевания монголами имелось более 400 медрес/Мухтаров. -1980. -с. 65/. Многочисленные медреса находились также в Мерве и Нисапуре. Географ Махдиски, говоря о медресах Мерва писал, что "каждому, читающему там лекции, выдавался жалование"/Махдиски. -1939. -с. 194/. В Нисапуре в рассматриваемое время существовало более 20 медрес, принадлежавших двум крупным сектам ислама - ханифитам и шафитам. К памятникам этой эпохи принадлежат также руины медреса близ города Мадау в Южном Туркмении, датированные XI-XII вв./Путаченкова. -1967. -с. 118/. Большое количество медрес медрес действовало также в Нисапуре - столице Хорасана и одном из центров научной мысли Востока. Из них крупнейшей считалась медреса, построенная в честь ученого Абу Исфарайна/ум. 1027/. Несколько позже была построена медреса Ибн Турана/Ибн А. -с. 155/. Многие медреса Нисапуре владели большими книжными фондами. Когда в 1153 г. городом овладели гузы, то все книги были сожжены, а оставшиеся продавались по цене бумаги/Буллиет. -1981. -с. 107/. Нисапур являлся опорой Низам ад-Мульк для открытой пропаганды идей суннизма. В Нисапуре в X-первой половине XIV в. действовала также медреса Байхакки, в которой преподавал Утби, Саидия, Собуния и др. В Нисапуре оплотом суннизма являлась медреса Низамийя. Здесь преподавателем был ученый Джувейни, который по уровню знания традиционных наук своей эпохи не имел себе равных. В Низамийе преподавал также философ-моралист Мухаммад Газзали. Более года преподавателем Низамийи был сын самого Низам ад-Мульк - Тахр ад-Мульк. В Нисапуре действовала также медреса "Саррохон", т.е. мастеров-медальников. Сугубо светское название медреса указывает на то, что в городе имелись и такие медреса,

которые стояли в стороне от фракционной борьбы/Мирбабаев. -1980. -с. 53/. В медреса города Кяте преподавателем состоял наставник Бируни, известный ученый-математик Абу Наср Мансур ибн Ал-Ираки. В то время мударрисами-профессорами большинства медреса были исключительно ведущие ученые эпохи. Например, в самаркандских медреса Хв. преподавание велось учеными Абулкасымом Хакими Самарканди, Абу Мансуром Мухаммадом Мотуруди Самарканди, Абу Лайс Самарканди и другими учеными/Абдуллаев и Валиходжаев. -1970. -с. 44/. В Газнийской медреса XIV в. Джомеи Аруси Ал-Фаваке учащиеся получали образование по "иликом мазахоби" и иликом медреса/Гулом Джалол. -1351. -с. 184/. Под первым предметом, видимо, подразумевались духовные науки, а вторым - традиционные науки своей эпохи. В.В. Бартольд указывал, что упомянутую медресу ученики и преподаватели приходили только для слушания лекции и занятия науками.

Монгольское нашествие нанесло невосполнимый урон духовной культуре, разобщило творческие силы, нарушило на некоторое время преемственность культуры. Ибн Батута, побывавший в Бухаре в 1333 г., писал, что "этот город когда-то был столицей городов, которые находились за рекой Джайхун, и проклятый татарский Тингиз/Чингизхан/... разрушил его, так что сейчас его мечети, медресе и базары в развалинах за исключением немногих. Дителы унижены, их свидетельство не принимается в Хорезме и других странах из-за того, что они известны своим фанатизмом, лживыми притязаниями и отрицанием истины. В настоящее время среди людей там нет никого, кто был бы сведущим в науке и ни-кого, кто проявлял бы внимание к ней"/Ибрагимов. -1988. -с. 27/. Другой очевидец монгольского разгрома историк Джувейни с грустью писал следующее: "Все просвещенные люди оказались погребенными, и только у земли следует теперь справляться о ремесле, науке и культуре Бухары"/Джувейни. -1329. -с. 131/.

При первых монголах, правителях Ирана и Мавераннахра Мунке каане и Масудбеке, после их успешной денежной реформы вскоре оживилась деловая жизнь в городах Ирана и Мавераннахра. Эти же деятели поощряли точные науки, видя в них, как отмечал В.В. Бартольд, практическую пользу. В отмеченном культурном подъеме особое предпочтение отдавалось организующей роли медреса, центра консолидации возрождавшейся литературной и научной мысли. Уже при Масудбеке в Бухаре были построены два парных медреса, где по словам того же Джувейни обучались по тысяче учащихся. Однако во время междоусобиц войн 1273-1274 гг. когда в течение семи лет Бухара была фактически опусто-

шена, мадраса Масудбека и ее библиотеки были сожжены/Чехович.-1979.-с.14/.

В рассматриваемое время еще более существенно преобразился общественно-образовательный характер мадрасы, отличающий ее от городских построек типа мавзолея, хонако, мусалло и др. В XIV-XV вв. наблюдались тенденции к интеграции и специализации, а отдельные мадрасы Самарканда, Герата, Тегриза и других под влиянием сформировавшихся при мадраса научных кружков качественно изменялись, обретая еще более четкую и совершенную структурную организацию как основной научно-образовательный центр, ведущий исследования по всем отраслям традиционной науки, в том числе математику, астрономию, медицину, философию, богословие, языки, литературу, теорию музыки и др. Например, в мадраса Носириддина Туси, функционировавшая при марагинской обсерватории, преподавала большая группа ученых-астрономов во главе с самим Носириддином Туси. Мадраса обладала самым крупным книжным фондом, достигавшим более 400 тыс. томов рукописей. В упомянутой мадраса занятия проходили факультативно, главное предпочтение отдавалось светским наукам.

Научный и учебный городок Рубъи Рашиди в предместье Тегриза являлся подлинным центром науки того времени. Он являлся прообразом современных академгородков. В городке функционировали II мадраса, 24 каравансарая, около 2 тыс. торговых лавок, библиотека, насчитывавшая 30 тыс. томов рукописей, множество бань, мельниц, мастерские. Городок Рубъи Рашиди был запланирован и построен так, что представители каждой отдельной науки занимали особый квартал. Так, квартал Хафизов, т.е. чтецов Корана, был заселен чтецами Корана. В квартале улемов жило около 400 богословов и факихов, в квартале табибов, т.е. студентов, - около 1000 весьма одаренных учащихся, ищущих знания. "Каждый из них, - писал Рашид ад-Дин, на поприще знания и учености был способен нанести поражение целой армии, и все они являлись звездой на небосводе науки"/Рашид ад-Дин.-1971.-с.345/. В квартале врачей проживали врачи являвшиеся выходцами из Индии, Китая, Египта и Ливана. К каждому врачу были приставлены по пять учеников. Врачи обучали их искусству лечения разных болезней, в том числе хирургии, ремеслу костоправы и другим специальностям. В научном городке Рубъи Рашиди одновременно обучались 6 тыс. учащихся. В их обязанности входило ежедневное посещение мадрасы Рашид ад-Дина и его десяти сыновей.

Развитие науки и образования в Хулагидском государстве был неразрывно связан с именем ученого и государственного деятеля Рашид

ад-Дина и философа Носириддина Туси. Последнему принадлежит написанное в 633г.х./1240-1241гг./на персидском языке "Ахлки Носкри"- "Носиридова этика", где он, продолжая лучшие традиции педагогической мысли народов Хорасана и Мавераннахра, дает изложение основополагающей теории воспитания и обучения. В 657г.х./1257-1258гг./ Носириддин Туси по указанию Газанхана приступил к строительству и оборудованию обсерватории на высоком холмистом месте северной окраины города Марога. Строительство и оснащение обсерватории обошлось хулагидскому двору в 20 тыс. динаров. По велению Хулагидхана в доход обсерватории было передано часть доходов вакфа хулагидского ханства. В обсерватории города Марога был сосредоточен основной научный потенциал государства. Здесь под руководством самого Туси работали свыше ста ученых различных национальностей. Многие из них являлись крупными мыслителями, сыгравшими серьезную роль в развитии науки, как своей, так и последующих эпох. Астрономическое наблюдение в Марога продолжалось более 15 лет. На основе наблюдений ученых этого центра науки Носириддин Туси впоследствии написал свой ценный труд "Ильхонев календарь", заверченный в 663г.х./1264-1265гг./. Как мы отметили, при обсерватории действовала мадраса. Занятия в мадраса проходили факультативно, они тесно были увязаны с потребностями обсерватории. Мадраса состояла из философского, медицинского, инженерного и теологического отделения. Туси вел определенную дифференциацию в получении стипендии. Например, учащиеся философского отделения в день получали 3 дирхема, медицинского-2, теологического-1, инженерного-0,5 дирхема стипендии в день. В упомянутой мадраса, помимо Носириддина Туси, преподавателями также состояли Адлома Кутби дин Ширази/1240-1311/, Наджиддин Катиби Казвини/ум. в 1277г./. Последний был одним из четырех главных астрономов Марагинской обсерватории. В мадраса преподавали также Муъид ад-Дин Арэви Димашки, Мухи ад-Дин Магриби, Фахр ад-Дин Мароги и другие.

Важными вехами в истории строения мадрасы в Средней Азии стали XV-XVI вв. Число мадрасы, воздвигнутых в это время в Мавераннахре и Хорасане достигло свыше тридцати. Мадраса Улугбека в Самарканде, Вухаре и в Гиздуване, мадраса Ихлосия и комплекс построек у моста Инджил, мадраса Гавхаршада, Шахруха, Гиясиа и другие в Герате и многие другие были построены именно в эту эпоху. Алишер Навои писал, что

Там мадраса, как мадраса небес,
Ключи познания и живых словес.
Строителям, сумевшим их создать,

Поистине, присуща благодать.

С. Айни отмечал, что медреса Алишера Навои имели для своего времени университетский характер/Айни.-1948.-с.145/.

Как известно при Тимуридах, особенно Шахрухе, Улугбеке, Султане Хусейне Байсункаре и других, Самарканд и Герат, два города с давней культурной и литературной традицией, вновь стали центрами оживленной внутренней и внешней торговли, ремесла, науки, литературы и искусства, сосредоточием военной знати, государственных и административных учреждений.

Одной из первых построек Самарканда на рубеже XV в. была медреса любимого внука Тимура Мухаммеда Султана. Медреса занимала восточную часть нынешнего двора Гури Эмира. Здание было небольшим, оно имело 29 хуфт, две аудитории и два входа. Характерной особенностью первых тимуридских медрес было то, что в них хорошо угадывается сочетание учебного центра с усыпальницей. Например, в той же самой медресе, помимо Мухаммеда Султана, его жены и дочери были погребены также очень много людей из рода тимуридов.

Самой значительной постройкой Самарканда XV в. была также медреса Улугбека на площади Регистана. Строительство началось в 1417 г., а пришло к завершению в 1420 г. Фасих сообщает, что здание состояло из сооружения медресы и ханак, расположенных друг против друга. По признанию современника Улугбека Давлатшохи Самарканди, медреса по своей красоте, соразмерности и пропорции не имела себе равных, и в ней получали образование более ста учеников. Среди преподавателей медресы были такие выдающиеся корифеи науки как Мавлоно Хавофи, Козизода Руми, Гиясиддин Джамшид, Муиннидин Коши и другие. Один из активных деятелей научной среды Самарканда Гиясиддин Джамшед в письме, адресованное своему отцу, писал следующее: "...сейчас в Самарканде собрались самые знаменитые ученые и очень много мударрисов, обучающихся всем наукам. Большинство из них заняты математикой. Из этого числа людей в настоящее время четверо написали всего лишь до половины комментариев к "Уподоблениям об арифметике"... другой написал трактат о геометрическом доказательстве по вопросу двух ошибок. А Казим-заде Руми, который является самым знающим среди них, составил комментарий к "Чагини", а также комментарии к "Обоснованным предположениям". Здесь собралось также много астрономов и вычислителей"/Исупова.-1979.-с.46/. Гиясиддин Джамшед далее отмечает прекрасные знания и эрудицию Улугбека в области законоведения, математики, арабского языка, теории и литературного стиля, а также теоретических основ музыки. Улугбек, получивший в юности отличное вос-

питание у поэта-сарбадора Хамза бин Али Малика Туси, родом из Байхак, а также у Коза Зода Руми, позднее, в зрелые годы, уже будучи у власти, вновь окружил себя учеными и просвещенными людьми не родственного сана, постоянно впитывал в себе лучшие гуманистические традиции персидско-таджикской литературы и культуры в целом.

Слушат лекции знаменитого Козизода Руми в Самарканд приезжал дважды Абдурахман Джами. Известна келье-худжа в медресе Улугбека где он жил. Здесь в медресе Улугбека и за ее пределами он получил блестящее для своего времени образование. Второй раз Джами прибыл в Самарканд в 50-е годы XV в. в качестве мударриса-профессора. Джами установил тесный контакт с самаркандскими поэтами и учеными, в том числе Ходжа Хисровом, Адои Шохи, Файзуллою Абулайси, Рифаии Самарканди, Джавхари и другими просвещенными людьми города. А. Ю. Якубовский, Т. Н. Кары-Ниязов отмечали, что улугбековская медреса была не только местом преподавания высших богословских дисциплин, но и наук точных, в том числе астрономии/Якубовский.-1946.-с.18/.

Как уже отметили Герат эпохи тимуридов, а затем и Джами, чем-то напоминал город науки и студенчества, где начиная от дукана ремесленника до медресы, ханак и мечети все было проникнуто духом науки и литературы. Среди тимуридских правителей Герата ревностными строителями медресы и других общественных центров выступали Шахрух, Султан Хусейн Байкара и конечно же Алишер Навои. Из построек Султан Хусейна красотой и изяществом композиции отличались ханак и медреса, построенные им в Хиябана, у южного берега канала Индахи. Постройка была осуществлена под руководством архитектора Астан Султана. Мрамор для облицовки цоколя был прислан правителем Тебриза Якуб беком. В этом обиталище науки для чтения лекций были приглашены лучшие ученые города, в том числе автор трактата "Мухсиновая этика" Хусайн Воизи Кошифи/ум. в 1504 г./, а всего в упомянутой медресе преподавали восемь мударрисов. Бабур и его сородичи, остановившись в Герате, нашли приют именно в этой медресе/Мирза Бабур.-1958.-с.220/.

В ряду архитектурных сооружений Герата постройки Алишера Навои занимали особое место. В дарственной записи "Вафийа", составленной Навои в 1481-1482 гг., пишется, что в 1476 г. Султан Хусейн Байкара подарил ему земли к северу от Герата, близ горы Гузаргах. Это был хорошо орошаемый участок площадью тридцать джарибов. Навои окружил его стеной, обсадил деревьями, разбил множество клумб и цветников. В центре участка Навои построил комплекс архитектурных зданий. В него входили ханак "Хеласия", медреса "Ихласия", госпиталь

"Шафая", здание "Дар ал-хуфоз", т.е. корихона, предназначенная для воспитания чтецов Корана. В комплекс в том числе входили мечеть и мавзолей Кудсия, а также ряд гражданских построек — баня, жилые дома "Унсия" и другие/Мирбабаев. —1981. —с.131/.

В исследуемую эпоху несколько видоизменились функции ханаки. По замечанию С. Айни, хотя они по традиции назывались по-прежнему ханака, на самом деле выполняли функции медреса. В этих медресах и ханаках, по свидетельству историка Хондамира, занималось много учащихся молодежи. Для их успешного обучения Навои привлечен самых именитых ученых Герата. Так, в медресе "Ихлосия" преподавали Мавлоно Гиясуддин Хайрабади, Мавлоно Мухаммад Хавафи, Мавлоно Мухаммад Табризи, Мавлоно Камалиддин Масъуди Ширвани, Амир Бурханиддин Нишапури и много, много других ученых века. В ханаке "Халасия" преподавателями состояли Амир Джамалиддин Асила, Амир Садриддин Машхади, Ходжа Имамиддин Абхари, а в медресе Низомия города — Амир Бурханиддин и Мавлоно Каримиддин, в лечебнице Шафийе — Мавлоно Мухаммад Муъин, Низомиддин Абдалхайр, Мавлоно Абдулхамид и другие/Хонадмир. —1345. —с.15/.

Алишер Навои был сторонником светского обучения. В поэме "Возлюбленный сердец" поэт писал, что "он/т.е. мударрис/ должен духовные науки знать, а людей светским наукам обучать"/Навои. —1990. —с.21/.

К этой же эпохе относится появление специализированных медрес по преподаванию медицинских наук. Учреждение медреса — госпиталей наибольший размах получило в Герате. Лишь в этом городе в начале XVII в. имелось пять. Одна из госпиталей была основана вдовой сына Тимура Омаршейха — Милькаат агаой, ставшей затем женой Шахруха. Другой госпиталь был основан внуком Шахруха по имени Мирза Валиад-Давла. Эти лечебницы были приведены в хорошее состояние стараниями Навои/Мирбабаев. —1992. —с.115/. По словам географа Хафиза Абури, к югу от соборной мечети Герата существовала еще одна больница — Доралшифо, "не имевшая сравнения по степени изящества и красоты". Другая лечебница, известная под названием "Шифоня", находилась несколько западнее медреса "Ихлосия", учреждение ее приписывается Алишеру Навои. В период пребывания в Герате Бабур эта лечебница была еще действующей. Еще одна медреса — госпиталь располагалась в районе медреса и мусаллы Гавхаршода. Полагают, что эта лечебница была учреждена самим Шахрухом. В этом госпитале, по словам Хондамира, бездомным ежедневно выдавали горячее питание.

Доралшифо являлись лечебницами, в которых удачно соединялись теория и практика врачевания. Заведовали этими лечебницами опытные

врачи и педагоги.

В средние века и новое время медреса по существу были основными учебным центром, ведущим такую научную работу. В ранних медресах духовные науки органично сочетались с прикладными/Монтгомери Уотт. —1976. —с.29/. Многие преподаватели, они же ведущие ученые своей эпохи, хорошо сознавали, что подлинны науки, а не религиозные, способны обеспечить динамичное развитие общества. Ибн Сина откровенно писал, что не Коран и Хадисы вскрывают тайны природы, а естественные науки/Султанов. —1972. —с.14/. В трактате "Ихсон ал-улум", служившем пособием медреса, Фараби сознательно, изучающей общие принципы бытия бога, отводил одно из последних мест/Фараби. —1348. —с.22/. Ученый Майсари утверждал, что существует четыре основных науки, в том числе медицина, которая нужна самой науке о религии, поскольку нельзя изучать религию, будучи больным./Жильбер Лазар. —1958. —с.99/. Полагают, что Майсари был одним из первых, кто в пропаганде наук и знания провел определенную дифференциацию. В свое время В.В. Бартольд также отмечал, что в X—XIV вв. светская наука занимала ведущее место в духовной жизни мусульманского мира/Бартольд. —1966. —с.162/. Исследования последних лет в частности подтверждают, что преподавание прикладных наук и в особенности математики, проводилось по определенной системе, выработанной видными учеными Средней Азии. Например, лучшими из руководств по математике, игравшими роль учебников медреса, были труды Мухаммада ал-Хорезми/Ихв. — "Краткая книга исчисления алгебры и ал-мукабала"/Ал-киتاب ал-мухтасар фи хисаб ал-джабр ва-л мукабала/, "Сердцевина счета" Махмуда бен Вусуди/ум. в 1228 г./, "Вычисление при помощи доски и пыли" Носириддина ал-Туси/ум. в 1265 г./, "Солнечный трактат об искусстве вычисления" Низомиддина Нишапури, "Ключ арифметики" Гиясиддина ал-Кашги/ум. в 1427/, "Книга ал-Мухаммадия" Алауддина ал-Кушчи/ум. 1473/, "Краткий курс арифметики" Бохоуддина Амули/начало XVII в./ и многое другое/Бадалов. —1965. —с.6-7/.

В программе медреса X—XIV вв. большое место отводилось также преподаванию адаба — курса, вобравшего в себя ряд отраслей рациональных знаний — философию, математику, астрономию, химию, медицину, историю и поэтику. Например, в "Вахфнома" Ибрахима Тамгачхана/1040—1068 гг./ об основании им медреса в Самарканде сообщается, что здание состоит из нескольких помещений для преподавания адаба, причем там же указывается, что годовое жалование преподавателя адаба составляет 1200 дирхем в году/Гольцаков. —1971. —с.172/. Институт адаба, который в высшей мере отражал мировоззрение и нравственные нормы интел-

интеллигенции IX-Xвв., по мнению А. Меца, начал приобретать свой собственный научный стиль и метод еще в IX в. В позднем средневековье и в новое время преподававшиеся в медресах положительные науки приобрели схоластический характер и подчинялись авторитету прочно державшихся мусульманских традиций, что видно из воспоминания устода Аш-Ши и других представителей старой интеллигенции. Тем не менее слушатели медреса получали солидную подготовку по арабской грамматике, часть полностью владела арабским языком, многие становились знатоками таджикской классической литературы, и прежде всего поэзии. Знаком культурной жизни Бухары А. А. Семёнов, подытоживая свои наблюдения за состоянием преподавания в бухарских медресах, писал, что "среды людей, преодолевших в течение пятнадцати, двадцати лет все тяготы схоластического обучения, было немало хороших знатоков арабского языка, калама и прочих предметов, преподававшихся в медресах. Многие из окончивших курс действительно любили науку, книги, интересовались литературой и поэзией. И вообще начитанных было немало и из бесед с ними всегда можно было почерпнуть много интересного и поучительного/Семёнов. -1960. -с. 990/.

В медресе преподавание велось на двух языках - арабском и персидском. В. В. Бартольд, ссылаясь на сообщение историка Самаркандия, писал, что в X в. арабский язык вытеснялся персидским даже из области преподавания/Бартольд. -1963. -с. 112/. В завершении этого раздела отметим, что история мировой культуры и цивилизации доисламской эпохи не знает такого примера, чтобы просвещение и образование, искреннее желание человека возвыситься в своем интеллекте и разуме, называвшемся в то время емким словом "тархангдон"/"тирдави"/, находили столь широкий размах среди народа, и чтобы они стали неотъемлемой частью психического склада человека. В этом феномене культуры особое место принадлежало мактабу и медресе. Царившая в ней атмосфера академизма, желание познать все лучшее, что имелось в науке того времени, сделало медреса IX-XVII вв. одним из признанных очагов городской культуры.

Медресастроение развивалось и в последующие эпохи, хотя, как уже отмечалось, методы и содержание обучения находились на относительно низком уровне. Во второй половине XIX - начале XX в. наибольшее развитие медресастроение получило в городах и селениях, подвластных Туркестанскому генерал-губернатору. По неполным сведениям, здесь в начале XX в. функционировало более 600 медрес. Рост медреса в крае был обусловлен коренными социально-экономическими переменами, произошедшими в результате присоединения края к России. На этом новом

этапе приверженцами продолжения курса медреса выступали не столько эмиры, беки и духовенство, сколько представители возрождающегося в стране нового промышленного и купеческого сословия/1968. -с. 399/. Одним словом, численный рост медреса в конце XIX - начала XX вв. был вызван не засильем духовенства, как часто пишут, а был стимулирован стабилизацией экономики, дальнейшим общественным и культурным развитием края, вовлеченного в общее русло российской капиталистической системы хозяйства. Например, в городе Худжанде в этот период пять медреса были учреждены старшинами ремесленных цехов, которые именовались устоками.

Первые два десятилетия колониальная администрация Туркестана проводила в отношении медреса и других институтов духовной культуры ислама тактику невмешательства, но с обязательной регистрацией вновь учреждаемых медреса. В частности, открытие новых медреса допускалось не иначе, как с разрешения учебного ведомства, и одним из неперемennых условий ставилась задача учреждения при новых медресах классов русского языка и обеспечение их материальным содержанием. Однако сеть медреса все же увеличивалась: в 1875 г. она достигла 1637 вместе с мактабами, а количество учащихся - 19695/ЦГА Уз. ССР. Ф. 47, оп. I, д. 717, л. I/. Инспекторам школ не рекомендовалось вмешиваться в дела местных мусульманских школ/Акрамова, Акрамов. -1973. -с. 79/.

До 1890 г. в крае не было органа, осуществлявшего надзор за деятельностью медреса и мечетей. Учебное ведомство Туркестана все же пыталось осуществить общий контроль над медреса, чтобы в них не прививались учащимся как отмечается в документах "антирусское настроение". Приказом министра народного просвещения от 24 марта 1890 г. была учреждена должность Инспектора мусульманских школ. По мнению учредителей этого органа, она должна была служить "связывающим звеном между русской жизнью и туземными школами". В том году на эту ответственную должность был назначен надворный советник и востоковед В. П. Наливкин/ум. в 1921 г./ в Ташкенте. За три учебных сезона /1890-1893/ В. П. Наливкин сам провел обследование медреса Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской областей, хорошо изучил учебную жизнь мактабов, корыхона, даломхона и медреса, стал принимать деятельное участие в их работе. В 1896 г., по итогам этой инспекции были изданы "Инструкция инспекторам народных училищ по заведению мусульманских школ Туркестанского края", "Инструкция старшим муаллимсам туземных медреса Туркестанского края". В мае 1895 г. было принято решение о запрещении в пределах Туркестанского края купли и продажи худур медреса, которое очень широко практиковалось

в мадраса Бухары и Коканда. Все упомянутые мероприятия царского аппарата затрагивали лишь внешнюю деятельность мадраса. Структура, организация и программа мадраса оставались по-прежнему неизменными. Инспектора, которым были доверены контроль и надзор за деятельностью мадраса, в большинстве случаев не могли серьезно вникать в содержание преподаваемых там наук, ибо они почти не знали местных языков и литературу. Правда, среди инспекторов находились и люди, глубоко вникавшие в свое дело. Так, М. С. Андреев, который с 1914 по 1917 гг. исполнял должности инспектора народных училищ 2-го района Самаркандской области, писал, что "Я затруднялся бы сказать, куда я отдавал больше внимание и времени. Любопытное дело: русские учителя считали, что я состою только для надзора над русскими школами, а муэдарины — что я заведу только мадраса" /Писарчик. — 1980. — с. 9/. Царское правительство с большой подозрительностью и раздражением встретило наметившиеся в начале нашего столетия по инициативе джадидов реформы мактабов и мадраса и попытку включения в их программу общеобразовательных предметов. Например, в резолюции межведомственного совещания в 1912 г. по вопросам образования нерусских народов Туркестана указывалось, что "уклонение мадраса в сторону усиления общеобразовательных предметов и создание под видом конфессиональных вероучительных школ национальных общеобразовательных заведений представляется недопустимым. Эта резолюция еще раз свидетельствует о заинтересованности царского режима в неприкосновенном сохранении форм и организации мадраса, видя в нем удобное орудие угнетения народных масс края /Раджабов З. — 1970. — с. 156/.

Тысячелетняя традиция обучения в мадраса была прервана окончательно в 1932 г. На всех этапах своего развития мадраса был центром образования и просвещения в городской структуре мусульманского восточного города. Последнее 70 лет эта непрерывная нить восточной формы образования и обучения была прервана. Идеологи нового строя придали ей религиозную окраску, якобы неприемлемую для советских республик Центральной Азии. В результате религиозное образование людей было отпущено в руки мулл-самоучек, которые во многих случаях функционировали подпольно. Это обстоятельство способствовало еще большему нарастанию религиозного фанатизма немевшего ничего общего с подлинной религией ислама.

Только принятия закона о независимости Республики Таджикистан, свободе совести и вероисповедания стало возвращаться прежнее положение значения мадраса как учебного заведения, как исламского института /Чукимов. — 1992. — с. 3/.

ГЛАВА II. МАДРАСА СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА ПО ИСТОРИКО-РАСПРОСНЫМ СВЕДЕНИЯМ.

1. Мадраса города Худжанда.

В худжанде к нашему времени не уцелело ни одного сколько-нибудь целого здания мадраса: некоторые были снесены в период реконструкции центра города Худжанда, другие были переоборудованы в склады и под жилье, от чего многие утратили свой первоначальный облик, а третьи в 30-х годах были разобраны и на их месте построены новые школы советского образца. В то же время среди построек мадраса города было немало сооружений, имевших историко-культурное и архитектурно-художественное значение. Методом опросов и локализаций нам удалось выявить в Худжанде 50 мадраса, из которых 24 приходится на Мазарскую/Центральную/, 16 — на Раззакскую/Западную/, 8 — на Калайнаускую/Восточную/ части города. Лишь два мадраса остались не локализованными /Мирсабаев. — 1977. — с. 116/.

Мадраса Хазрати Бобо. Располагалась на северной прибрежной полосе Мазарской части, в квартале Бобо. Бобо напротив одноименного архитектурного комплекса, датируемого XIV-XIX веками /Негметов и Хмельницкий. — 1960. — с. 16/. Мадраса была сооружена в 1852 г. на средства худжандских благотворителей Абдунудуса и Наврусбая /ЦГА Тадж. ССР. — Ф. I, оп. I, д. II 76, л. 16/. Постройка не уцелела, была снесена в середине 60-х годов XX в. в связи с реконструкцией главной городской магистрали, ведущей в правобережную часть города. Постройка была из сырца, по периметру прямоугольного двора располагались 10 худжир, дарсхона и мечеть. Вход был выделен невысоким порталом, обращенным на запад, в сторону мазара Хазрати Бобо.

Вакфное имущество мадраса состояло из 13,5 танана земли в Улджинской волости, 1 тан. в Дигмае, 1,5 тан. в Кулабшо, 1,5 тан. рисового поля в Кугуке /ЦГА Тадж. ССР. — Ф. 6, оп. I, д. 90, л. 130-131/, 1 сарай в торговом центре Пандшанбе с арендной платой 40 руб., 4 тан. земли на рынке Чорсу с годовым доходом 20 руб. /Там же. Ф. I, оп. I, д. 1216, л. 20/. По данным 1895 г. годовой расход мадраса составил 32 руб. /Там же. Д. 320, л. 17/. Из дохода 1/10 получал мутаваллий, 2 части муэдарины, остальное делилось между учениками согласно их курсу и успеваемости.

Всего же в мадраса обучалось 15-20 учеников, до 1893 года муэдарином состоял Мирзо Абдулхамид, с его кончиной таковым был утвержден Мирзо Саидхон /ЦГА Уз ССР. — Ф. 47, оп. I, д. 361, л. 78/. В 1909 г. по состоянию здоровья был уволен муэдарином Саид Сулеймиков и новым муэдарином был утвержден Слимхон Махдум — выпускник бухарского мад-

раса Кунальтеп. При вступлении на эту должность последний был про-
экзаменован в присутствии главных мухаддисов и начальников Худ-
жандского уезда/Там же. д. 953. - с. 54-60/.

Мадраса Хиттин. Располагалась в квартале Ходжа Камол Мазар-
ской части города. Стремительство качеств в на-
чале 20-х годов XVIII в. худжандским беком Амбути, усердно заботив-
шемся об укреплении оборонительных сооружений города/Негматов Н. -
1959. - с. 81/. Однако работы по строительству мадраса закончила его
жена Изат Амм/Костенко. - 1880. - с. 446-447/. Сооружение не уцелело,
оно было из жженого кирпича, состояло из 28 худир дарсхона, хона-
ки и мечети. Мадраса была прямоугольной планировки, по облику ар-
хитектуры походила на позднесредневековые сооружения мадраса фер-
генского типа.

Мадраса Хиттин считалась самой доходной в Худжанде. Доход ее
в году составлял 400 руб./ЦГА Тадж. ССР. - Ф. I, оп. I, д. 320, л. 17/. На
них 1/10 получал мутавалий, 1/18 - мухаддис, 1/16 - имам, оставшееся
получали ученики, дворник и циркльник. Мутавалийем одно время сос-
тоял Кары Мирниёз.

В мадраса обучалось свыше 50 учащихся в возрасте от 20 до
30 лет. Мухаддисом одно время состоял Эмоми Бузурухходжа, одновре-
менно замещавший и должность казми города. В 1893 г. на должность
мухаддиса был избран Саид Ахмед Ходжа/Там же. - д. 1402, л. I/.

Мадраса Ходжа Камол. Располагалась в одноименном квартале
Мазарской части города, к югу от гости-
ницы "Худжанд", снесенной в 1992 г. Строилась мадраса в 1870 г. на
средства благодетеля Домулло Абдулкосиме. Постройка была из сыр-
цового кирпича и легкой деревянной каркасной конструкции и состо-
яла из 9 худир, дарсхона и мечети. При мадраса действовала корыхона,
содержавшая на средства Домулло Эмондхона. Приходская мечеть име-
нуемая "Масжиди Мавок", находилась в 50-60 м западнее мадраса в низ-
менности.

Доход мадраса был невелик, он состоял из 10 тал. земли в селе-
ние Куркат/ЦГА Тадж. ССР. - Ф. 6, оп. I, д. 90, л. 133-134/, 0,5 сагг ороси-
тельной воды при доходе 56 руб. на арыке Курук, а также 2 тал. земли
с доходом 8 руб. Из общего дохода 1/10 получал мутавалий, 1/2 - му-
хаддис, оставшиеся средства получали ученики.

В мадраса согласно данным 1886 г., занимались 8 учеников.

Мадраса Намозгох. Располагалась в одноименном квартале Раз-
закской части города, ныне к северо-западу
от центрального городского универмага. Строительство мадраса Намоз-

гох, по некоторым известиям, произошло еще в годы правления Худжанд-
ского бека середины XVIII в. Фазылбоя/Негматов. - 1967. - с. 47/. В 1782 г.
уже новый правитель Худжанда Халикуш Мирзо, и юго-востоку от ансам-
бля Намозгох основал описываемую мадраса. Постройка не уцелела, она
была из сырца и деревянной конструкции и состояла из 20 худир, по
другим сведениям - 23/ЦГА Уз ССР. - Ф. 18, оп. I, д. 10247, л. 43/, одной
дарсханы и мечети. Худир южной половины двора уцелели до конца
50-х годов XX в. и были заняты под складскими помещениями Облиспол-
кома.

В начале 70-х годов XIX в. в районе мадраса и прилегающей к
ней площади Намозгох, образовался второй по величине торгово-ремес-
ленный центр Худжанда под названием Чоршанбе. В 1873 г. сюда по ре-
шению администрации города был перенесен и заново застроен рынок
Чоршанбе, ранее находившимся у стен восточного фасада цитадели Худ-
жанда. Рынок Чоршанбе был очень древним и крупным, в нем имелось бо-
лее 290 торговых лавок. Однако 14 апреля 1872 г. в Худжанде вспыхну-
ло восстание, свыше 10 тыс. восставших горожан заняли большой сад
/Стеценко. - 1963. - с. 96/ мадраса Намозгох в качестве плацдарма, ими
был убит аксакал города Мухаммад Собир альлам. В отместку за убий-
ство аксакала со стороны администрации края была сделана попытка
ликвидации мадраса, но в результате переговоров мадраса Намозгох
тогда не был разрушен.

Худжандский бек Халикуш Мирзо снабдил мадраса обширным вакфом.
Вакфный документ перечисляет более 20 вакфных имуществ, завещанных
Халикуш Мирзо в 1224 г. х. /1809-1810 гг./. Вакфнома утверждена хан-
ской печатью с освобождением всех завещанных недвижимых имуществ
от всякого рода податей и сборов/ЦГА Уз ССР. - Ф. 18, оп. I, д. 10247, л.
49/. Приложенная к документу печать Амира Саида Худоярхана помещена
в 1274 г. х. /1857-1858 гг./. Вакф был очень значительным: полторы ме-
ры воды с земель в селении Хитойреза с 12-ти суточным периодом
орошения из арыка Чордон, две меры воды с земель в селении Хитой-
реза с 15-ти суточным периодом орошения из арыка Акил, одна мера
воды с земель в том же селении с 12-ти суточным периодом орошения
из арыка Хитойреза, один участок земли в местности, называвшейся
"Дойка", одна мера воды с земель с 16-суточным периодом орошения
из арыка Аучи Калача, 9,5 меры воды с земель с 12-ти суточным пе-
риодом орошения из арыка Баклан, полтора меры воды с земель с 16-
ти суточным периодом орошения из арыка Куланбан, полтора мерова
мельницы, находящейся на арыке мадраса Байх Бурхониддин, одна кру-
порухна на том же арыке, четверть мельницы на арыке Козы, одна мель-

ница на рынке Чорчирог, то же на рынке Курхона внутри. Намозгох, один участок фруктового сада рядом с Намозгох, один участок земли "Дойка" меров в 16 чойракс в местности Курук, одна крупорушка в местности Сойи Читгарон, один участок земли меров в один джуфтигон на том же Сойи Читгарон, один сад с двором в городском квартале Ходжа Камол, одна тутовая роща на Джума базаре, один участок земли в местности Пули чукур, две лавки около самого мадраса Намозгох, урюковый и персиковый сад рядом с Намозгох размером около 400 кв. саж., другой сад в городском квартале Ходжа Камол длиной в 110 арш. и шириной в 41 арш., находившимся в арендном пользовании Мирзо Хашима мулло Ородикова. Этим арендатором был построен на выкупной земле хлопкоочистительный завод и за аренду он платил 30 руб. Указанные в вакфнома торговые лавки приносили каждая по 12 руб. дохода в году. Каждый участок земли арендовался одним лицом на 30 лет, хотя по правилу срок не должен был превышать три года. Он платил ежегодно 20 руб. арендную плату и 3,50 коп. налога. За аренду двух танайов земли в местности "Дойка", которая орошалась 1/3 мерой воды из арыка Хитофреза с 16-ти дневным периодом орошения, арендатор платил 10 пудов пшеницы и 8 пудов самана. Еще дополнительно арендатор вносил 4 руб. поземельного налога. За землю у сая Читгарон арендатор платил 40 руб. Арендатор земли "Дойка" в районе Курука платил 20 тиллей.

Вакф был потомственным, его доходы делились следующим образом: в первую очередь вырученные средства расходовались на ремонт здания мадраса, освещение, подстилку худжр мадраса и помещений мечети. Из оставшихся средств 1/10 получал мутавалий, 1,5-мударрис. Учащимся мадраса содержание выдавалось согласно их курса. Например, по расходной тетради за 1903г. мударрису было выдано 80 руб., мутавалий 40 руб., учащимя первого разряда по 17 руб., 7 ученикам 2-го разряда по 12 руб. 75 коп., 6 ученикам 3-го разряда по 8 руб. 80 коп., 4 ученикам того же разряда по 4 руб. Размер стипендии каждый раз устанавливался сособранием учащихся с участием мударрисов, причем, кроме курса учитывалось еще и прилежание ученика, исправное посещение им лекций мударриса. Всем имуществом мадраса заведовал Мулло Слим Ходжаев.

Согласно информации Л.Е. Костенко в мадраса обучалось 50 учеников, а мударрисов было двое. По другим источникам число учащихся было 40 в возрасте от 15 до 36 лет/ЦГА Уз ССР. -Ф.1, оп.18, д.18, л.210/. Мударрис Мулло Абдурахим был большим знатоком креспруденции, астрономии, медицины, географии и музыки. В числе учеников мадраса

был признанный поэт-лирик ХЕХв. Мухаммадамиходжа Кошиф/Кошиф. -1962 -с.4/. Позднее мударрисами здесь состояли Мулло Мухаммад Бсуйф и Мулло Мухиддин Махдуми Намозгохи.

Мадраса Шерби. Располагалась к северо-востоку от мадраса Намозгох, у въезда в квартал Миршабхона. Постройка принадлежит худжандскому сеновнику ХУIII в., известному по имени Шерби./ЦГА Тадж. ССР. -Ф.1, оп.1, д.320, л.17/. Мадраса известна также по имени "Мадрасаи бозори сабан".

Сооружение было из сырца на деревянной каркасной конструкции, состояла из 9 худжр, дарсхон и мечети. Вакф был небольшим и состоял из одного участка земли в кишлаке Овчи Калача и восьми участков фруктового сада общей площадью 200 тан./Там же. -Ф.6, оп.1, д.90 л.59/. Вакфный документ сдан в Самаркандское областное правление в 1887 году за № 368. Мутавалиями в разное время состояли Мулло Хайдар Саидходжаев, его сын Болтуходжа Хайдарходжаев и Мирзомасъуд Мирзомахмудов/ЦГА Уз ССР. -Ф.18, оп.1, д.12653, л.1-2/. С 1907 по 1916г. мударрисом состоял также Саидхошим Мулло Саидкамоллов, однако, по его беспечности мадраса отвели под чайхану и постоянный двор, за что он дважды был наказан выговором инспектора народных училищ Самаркандской области М.С. Андреевым/ЦГА Уз ССР. -Ф.47, оп.1, д.1491, л.17/. Вскоре после избрания мударрисом Олимхон Махдума занятия в мадраса стали проводиться регулярно. Занимались в мадраса ученики в количестве 13 человек в возрасте от 15 до 30 лет.

Мадраса Шохи. Располагалась в квартале Таги Савр Мазарской части города, ныне к северо-востоку от главного корпуса ЛГПИ им.С.М.Кирова. Постройка худжандского правителя первой четверти XIXв. Шохи Кушбеги или Шохи додхо/Наливкин. -1889. -с.120. В честь завершения постройки историк и поэт Имом Али ал-Куханджи сложил следующую хронограмму:

Чу эи сангу кабри хишти пухта Шохи Додхо,
Аз барои толибони или карда ни дарстох.
Бахри таърихаш бикун фикират Коми худ,
Гуфтам зебо мадраса бунёд карда додхо

/Из массы камней и кирпичей Шохи додхо, соорудил учащимся аудиторию эту. Коми подумай сам о дате ее, сказал красивое мадраса выстроил додхо. -Коми. -Таворихи манзума/.

Расшифровка хронограммы, заключенной в последней строке стиха, означает цифру 1240г. х. или 1824-1825гг. н.э. Сооружение к сожалению не уцелело, в 1926-1927гг. оно было разобрано на кирпич. Постройка была из жженного кирпича, имела 23 худжры, дарсхону и мечеть, фасадом

были обращены на запад.

Шохи додхо одарил медреса огромным количеством недвижимого имущества, включавшего более 1000 тан. пахотной земли с годовым доходом 1040 руб. в кишлаке Тамочо Кокандского уезда, Сарои Шохи с 40 лавками, приносящим в году 480 руб. дохода. Каравансарай Шохи располагался в торговом ремесленном центре Пандшанбе. Часть имущества находилась в Худжандском районе. Так, на арыке Румон находилась 2,4 тан. земли с доходом 24 руб., 4 тан. земли с доходом 40 руб. на арыке Курук, две меры оросительной воды в Янгикишлаке с арендной платой 40 пудов пшеницы/ЦГА Тадж. ССР. - Ф. I, оп. I, д. 65, л. 35/. Для ремонта медреса и других вакфных учреждений был завешан отдельный вакф с годовым доходом 600 руб. Во время своего правления Худоярхан на вакфные земли, расположенные в кишлаке Тамочо вдоль арыка Сарысу он незаконно поселил несколько десятков семей, обложив их налогами в свою пользу. Однако медреса по-прежнему оставалась самой доходной в Худжанде. Ее годовой доход составлял 3780 руб./Там же. - д. 1535, л. 120/. Из общего дохода 1/10 получал мутавааллий, 1,4 - мударрис, 1,6 - имам, суфи, цирильники и дворник, оставшуюся 1/5 часть получали ученики.

По сведениям 1870г. в медреса Шохи два мударриса обучали 50 ученика. В 1893г. старшим мударрисом состоял Абусайд Ходжа, вторым или младшим - Хидоят Ходжа. Последний одновременно замешал должность народного судьи Унджинской волости, ввиду чего он был отстранен от права быть мударрисом медресы. Но в 1897г. он вновь вернулся к прежнему занятию. Осенью 1906г. был обновлен состав мударрисов, вместо скончавшегося второго мударриса таковым был избран его сын Иброхим Хидоятходжаев, старшим - Муллохон Кози Махмудхонсов. В 1912г. мударрисом был утвержден Мирзо Ксуфхон Мирзо Бурихонсов вместо Саид Мавлоно Домулло Махмудхонова.

Медреса Шохи считалась центром культуры старого Худжанда. Известный поэт-демократ Топоходжа Асири до переезда в кокандское медреса Ханим четыре года занимал одно из худжр этой медресы/Раджабов. - 1974. - с. 21/, у него нередко проездом бывал узбекский поэт-демократ Зокирдхон Буркат/Буркат. - 1980. - с. 124/. В первые годы советского строя медреса стала очагом культуры нового строя. В частности, в 1919г. постановлением национального отдела Худжандского Совета там организовалась вечерняя школа, где курс арифметики преподавал сын мударриса медреса Шохи Абусайд Ходжи Валихон Абусайд Ходжаев/Хайдаров. - 1957. - с. 94/. До сноса в кирпич в 1926г. здание медреса было занято под склад Горпромторга.

Медреса Рубохон. Располагалась в центре Мазарской части города в квартале Рубохон, ныне к западу от здания Треста северной электросети, в переулке Энергетиков. Постройка некоего Муллобосова, возведена в 1845г. Сооружение глинобитное, по периметру квадратного двора размещались 10 худжр с купольным перекрытием. Вход был выделен невысоким порталом, открывавшимся в сторону улицы ведущей в квартал Чорбог. Доход медреса невелик: в год он составлял всего 150 руб., по другим данным - 76 руб. Один мударрис обучал 12-15 учеников. По расспросным сведениям мударрисом медреса состоял Домулло Иброхим из квартала Эшонон города.

Медреса Охуни Вали. Располагалась в квартале Таги Сада Мазарской части города, ныне район "Дом профсоюзов". Сооружена в 1845г. Охуни Мулло Валием/ЦГА Тадж. ССР. - Ф. I, д. II76, л. 16/, сооружение не уцелело. По словесному описанию старожилов города, здание было сырцовое, фасадом обращено на восток, его северный имел два этажа, на первом этаже размещались бакалейные лавки торговцев. Сооружение состояло из 11 худжр, дарсхон и мечети. Медреса располагала солидным имуществом: на арыке Козы-5 тан. земли с годовым доходом 72 руб., на арыке Шайхбурхон-10 тан. с доходом 100 руб., на арыке Чорбог-2 тан. с доходом 28 руб., в селе-ни Исписор-100 тан. земли. Из общего дохода 1/10 долю получал мутавааллий, 1/3 мударрис, 1,5 - имам и суфи, а оставшаяся сумма распределялась между учениками/Там же. - д. 65, л. 17/. Всего в медреса обучались 25 ученика. В 1893г. мударрисом был избран Домулло Абдугани Ходжаев/Там же. - Ф. I, оп. I, д. 90, л. 12/. После его смерти в 1900г. таковым стал Маъдалихон Абдуфатоев, в его избрании участвовали 24 ученика/ЦГА Уз ССР. - Ф. 47, оп. I, д. 568, л. II3/.

Медреса Ёвкшти Ходжа. Располагалась на юго-востоке Мазарской части города, в квартале Дукчи-2, ныне ул. Озоди, в районе домов № 12-12^а. Время сооружения неизвестно, впервые упомянуто в сводках 1870 года. Основатель Ёвкшти Ходжа. Постройка была из сырца, состояла из 10 худжр, одной дарсхон с террасой и мечети. Прямоугольный замкнутый двор тянулся с юга на север.

Вакфное имущество состояло из 30 тан. земли в Науской волости с доходом 76 руб., 90 тан. в Янгикургане, 1,2 тан. на арыке Козы/ЦГА Тадж. ССР. - Ф. I, оп. I, д. 65, л. 35/. Половину дохода получал мударрис, остальное делилось между учениками. Вакфнома в 1887г. была сдана в Самаркандское областное правление. По сведениям информаторов в медресе занимались от 15 до 20 ученика, мударрисом состоял Мулло Охун Мирхакимов, одновременно совмещавший и должность мутавааллия.

Мадраса Ходжа Почо

Калоя

Располагалась в квартале Абдурафи Мазарской части города. Выстроена в

1837г. и названа по имени учредителя. Постройка из сырца на деревянной конструкции, состояла из 8 худжр, а также дарсхонь.

Вакф был учрежден в месяце раджаб 1246г. х./декабрь 1830-январь 1831гг. /Документ утвержден печатью Худоярхана. Вакфный документ в 1887г. был сдан в Самаркандское областное правление под № 602/ШГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 10443, л. 6/. В данном архиве хранится перевод документа, выполненный В. Д. Вяткиным. Оригинал, видимо, утерян.

Согласно документу, вакф включал: одну суточную воду из селения Говхона, двухсуточную воду из селения Актепа, все земли, орошаемые этой водой, а также участок земли на рынке Козы, один сад с двором в городском квартале Абдурафи. Вакф был потомственным, при жизни им заведовал сам вакфодатель, затем свыше 30 лет Мирзо Саид Носиров, а 1 июля 1905 года указом Самаркандского областного правления мутаваллием был определен Усмон Мирмуллоев/ШГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. I, д. 90, л. 248/. В мадраса занимались не более 10 учеников, в возрасте от 15 до 23 лет. До 1900 г. мударрисом состоял Домуллобей Мухаммад Ксупов, с его смерти таковым был избран Домулло Абдусаммад Муллобоев.

Мадраса Ходжа Располагалась на юго-западе квартала Оголикон Мирсалима. /Господские/ Мазарской части города, ныне ул.

Шуро. Мадраса возведена в 1231 г. х./1815-1816гг. / названа по имени учредителя. Постройка из сырца, на деревянной каркасной конструкции. Основным организующим центром сооружения была мечеть. Худжры располагались к югу и западу от мечети, в центре двора находился пруд.

Вакф был потомственным и состоял из 1,5 тан. земли на рынке Маррузорак с доходом 20 руб., а также три участка земли в местности Даштак. Весь доход от вакфа составлял 120 руб. /ШГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 320, л. 17/. По воле учредителя первым мударрисом был назначен Схунд Муллошох. Позже мударрисами состояли Мулло Шариф Ахмадбоев, Мулло Абез Мухаммад, Ходжа Мирзо Ёдгор и жорж Нур из селения Яява. Всего же в мадраса занимались 30-35 ученика.

Мадраса Шайх Располагалась в квартале Панчванбе Мазарской части города, южнее архитектурного комплекса

Шайх Муслихиддина, датируется XIX в. В 1877г. некий Мирзо Хаким из Худжанда построил на территории, прилегающей к комплексу Шайх Муслихиддина, 10 худжр и пожаловал соответствующий вакф. Постройка была из сыпцового кирпича на деревянной каркасной конструкции, худжры

были орнаментированы росписью, резьбой по ганчу и дереву. Исследования показывают, что район мазара, равно как и мадраса, был обжит еще в XI-XII вв. В середине 20-х гг. в одной из худжр мадрасы размещалась коллекция худжандского антикара Ходжи Антика/Марафиев. - 1968. - с. 60/, положившая основу краеведческому музею.

Вакфное имущество состояло из 45 лавок и одного навеса в торговом центре Панчванбе с годовым доходом 498 руб., 3,4 тан. земли на рынке Козы с арендной платой 16 руб., 5,8 тан. земли на рынке Шайх Бурхон с арендной платой 6 руб. и 1,5 тан. земли на рынке Румон. Весь доход от вакфа по неполным подсчетам составлял 2000 руб.

Вакф мазара был отдельным, он включал 33 участка земли, пожалованных в разное время и оформленных в 1848г. мутаваллием Мирзо Каландаром/Маджлисов. - 1967. - с. 125/.

В мадраса занимались около 30 учеников, в возрасте от 17 до 26 лет. Мударрисами в разное время состояли Мирзо Шокир Носиров, Домулло Махмудходжа, Камол Ходжа Азизходжаев, а также Абдулрафур Фавзи/Мурадов. - 1971. - с. 128/.

Мадраса Ладжомтарон. Располагалась в квартале Чакари Курпа

Мазарской части города, у самой южной оконечности ремесленно-торгового Пассажа Палдшанбе, недалеко от сарая Джухудон. С севера и юга к зданию мадрасы примыкали ремесленные цеха уздечников, ювелиров, кожевников и бакалейщиков.

Время постройки и личность учредителя установить не удалось.

Согласно сообщению старожилов в 1907-1908гг. торговец Зохидабий Фараит, произвел капитальный ремонт обветшавшей мадрасы и снабдил ее надлежащим доходом. Вакфное имущество мадрасы состояло из 1 сарая и 2 тан. земли на рынке Шайх Бурхон, которым заведовал Дадобой Абдужабборов. Всего в мадраса занимались 10-15 ученика в возрасте от 25 до 30 лет. Мударрисом состоял Мулло Рафур Ибрагимов, утвержденный на эту должность 7 октября 1902г.

Мадраса Коп Располагалась на юге одноименного квартала

Масчид. Мазарской части города, на берегу канала Мазар, ныне ул. Самаркандская. В перечне кварталов Худжанда у А. Е. Маджи названный квартал обозначен термином "Бовори асп"/Конский рынок. - Мадж. - 1945. - с. 142/.

Время постройки и имя учредителя неизвестны, впервые о нем упоминается в сводках за 1892г. /ШГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 65, л. 35/. Сооружение было из сырца, имело 12 худжр, дарсхону. Последние

остатки мадраса снесены в 1971г.

Вакфное имущество состояло из 1,5 тан.земли на арыке Румон с годовым доходом 20 руб., 6,5 тан.земли на арыке Ходжа с годовым доходом 12 руб., одна торговая лавка на базаре Панчшанбе с доходом тоже 12 руб., 0,5 тан.земли на арыке Ява с доходом 12 руб. Из общего дохода 1/10 получал мутаваллий, 1/4 - мударрис, остальное раздавалось ученикам/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.65, л.35/. Всего в мадраса занималось не более 15 учеников в возрасте от 15 до 20 лет/ЦГА Уз ССР.Ф.18, оп.1, д.19, л.197/. Мударрисами состояли Домулло Миркобилов до 14 октября 1895г., затем Олихон Комилов, Домулло Мирходжи и Кози Абдулатиф из селения Унджи.

Мадраса Накиб. Располагалась на юго-восточной окраине квартала Шайх Ислом Мазарской части города, у дороги, ведущей к воротам Чорбог, ныне ул. Самаркандская № 35. Время постройки и имя учредителя неизвестно. В статистических сводках впервые упоминается в 1870г./ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.2275, л.10/.

Сооружение было из сырца на каркасной конструкции, имело 10-12 худжр, аудиторию/Инфор. Рахимов Умар, 1886г. рож./ Мечеть располагалась через дорогу, ныне она отведена под жилье. Помещение дарсхона состояло из комнаты размером в 13 балок, вместо обычного традиционного кухонного очажка по совету ученого Ходжи Ксуфа в нем был устроен камин с символическим названием "Рулханафруз"/Рахим Джалл.-1969.-с.10-11/.

Вакфное имущество состояло из 1,5 тан.земли на арыке Козы, один участок земли в местности Чорбог, участок земли в местности Олмазор, а также 150 тан.земли в селении Калахона Навского района //ЦГА Тадж.ССР.Ф.6, оп.1, д.90, л.134-135/. Вакфный документ был сдан в Самаркандское областное правление 30 июня 1897г. под № 408. По статистике 1891г. число учащихся доходило до 15, однако по рассказам старожилов там обучались свыше 50-60 учеников. В 1899г. в должности мударриса состоял Шосаховат Турз Назыров, затем таковым стал его сын Мухиддин Махсум Шосаховатов/ЦГА Уз.ССР.Ф.47, оп.1, д.513, л.15/.

Мадраса Таги Тути Располагалась на южной окраине одноименного квартала Мазарской части города, близ городских ворот Чорбог, ныне ул. Самаркандская. Мадраса возведена в 1870г. на средства Мирзо Абдулло.

Сооружение было из сырца, включало 10 худжр, дарсхону и мечеть.

Худжры не успели, сохранилось здание мечети, отведенное в настоящее время под Автоклубом, и невский минарет из жженого кирпича.

Вакфное имущество состояло из 4 тан.земли на арыке Чорсу, 1 земли на арыке Масчиди Савр, 1,5 тан.земли в селении Курораче, 1,5 тан.земли на арыке Козы, а также две лавки и наличными 320 руб./ Там же.Ф.6, оп.1, д.90, л.134-135/. Главным вакфодателем был некий Олимохбой. Количество учащихся не превышало 40 человек, до 1905г. должность мударриса занимал Мулло Раджаб, затем Мирзо Мухаммад Олимох Мирзо Фахриддинов.

Мадраса Шамсибоя. Располагалась на северо-востоке Мазарской части города в бывшем квартале Тупидузор, ныне ул. Камоли Худжанди, к юго-востоку от Стройбанка. Дата постройки не известна, впервые упоминается в сводках за 1870г. Мадраса названа по имени учредителя, который был одним из влиятельных улемов города. Шамсибоя принадлежит также постройка старинной бани на рынке Панчшанбе.

Сооружение было из сырца, на каркасной конструкции, имелось всего 12 худжр, дарсхона и мечеть. Ныне здание отведено под жилье, части перестройки утратили ее прежний облик.

Вакфное имущество незначительно, оно состояло из 8 тан.земли в Унджинской волости, а также дохода от бани. Вакфным имуществом заведовал Абдуманон Рафбаров. В среднем ученики получали в год 3-4 руб. доли дохода от вакфа.

В мадраса обучались не более 30 учеников. Первым мударрисом был Мулло Шамси Мухаммадов, в 1893г. новым мударрисом был избран Саид Мухиддин Камолиддинов, выпускник одной из бухарских мадрас. В протоколе собрания стоит 33 подписи учащихся. В 1909г. мударрисом избран Акрам Шамсибоев после того, как предыдущий мударрис вместе с учениками перешли во вновь построенную мадраса "Мир Хошим".

Мадраса Пуларкиш. Располагалась в одноименном квартале Мазарской части города, ныне на перекрестке ул. Стаханова и Содирихон Хофиза. Дата сооружения не установлена, впервые о нем упомянуто в сводках 1870г. Учредителем мадраса являлся Мулло Голту или Почо Болтубой.

Сооружение было из сырца на каркасной деревянной конструкции, всего имелось 7 худжр, дарсхона и мечеть. По данным старожилов, худжры были балочными, оштукатурены гачевым раствором, имели кладовую для хранения припасов питания. Двор был невелик, его центр был разбит на участки для посадки цветов./Инфор. Мулло Миркомилов, 1899 года рождения/.

Вакфное имущество состояло из 2,5 тая земли в кишлаке Розийн и одной лавки в районе рынка Панчшанбе. По сведениям 1870г. в мадраса занимались 35 учеников, в 1899г. менее 30. Мударрисом до 1899г. состоял Мулло Исо Мухаммад, в том же году по просьбе учеников вместо 38-летнего мударриса таковым был избран Шокир Мирзо Носиров/ЦГА Уз ССР. Ф.47, оп.1, д.513, л.104/. 30 октября 1912г. новым мударрисом был утвержден Собир Махдум, 28 лет от роду/Там же. - д.1151, л.278-280/. Передают, что Собир Махдум был крупным знатоком математики/риёзиёт/, на его лекциях присутствовали ученики многих других мадраса города.

Мадраса Дегрезон Располагалась на юго-востоке Мазарской части города, в бывшем квартале Нияз Декча, в районе нынешнего здания Историко-краеведческого музея. В сводке за 1870г. она упоминается как мадраса "Бозори Хасиб". Учредитель мадраса некий Мулло Кохир, а по сведениям старожилов - Абдувахоб бай, выходец из селения Лучи Костановской волости.

Сооружение было из сырца, всего имелись 7 худир, дарсхона и мечеть. Нюкогда через двор мадраса протекали воды канала Мазар, у западного угла мадраса, впритык к ее стенам стояли четыре лавки-мастерские по выделке кожи.

Доходы мадраса от вакфа были невелики, всего 16 руб., что очень сказывалось на посещаемости мадраса.

7 января 1895г. приказом 3-го инспектора народных училищ мударрисом мадраса был утвержден Мулло Косым Ходжа/ЦГА Тадж. ССР. Ф.1, оп.1, д.1516, л.10/. В июне 1914г. вместо скончавшегося мударриса Мирзо Хошима Рустама был избран таковым Коры Олимдомулло/ЦГА Уз. ССР. Ф.47, оп.1, д.1304, л.422/. Однако, не прошло и года, как по причине малочисленности дохода Коры Олим покинул мадраса. В декабре 1915г. рапортом инспектора народных училищ М.С. Андреева мударрисом был утвержден бывший мударрис и репетитор мадраса Мир Аюрбая Миролли Мирхусайнов/Там же. Д.1491, л.97/.

Мадраса Кокибобон-2. Располагалась в одноименном квартале Мазарской части города, ныне переулком Чайкиной, в районе Детской поликлиники. Введена в строй в 1853г. на средства некого Мулло Исмата. Сооружение было из сырца, состояло из 8 худир, дарсхон и мечети с навесом. Вход был оформлен невысоким порталом и двухстворчатыми воротами с тамбуром. В Худжанде подобное оформление входа называли "дарвозаи чиллахоналор".

Вакфное имущество составляло всего 10 руб., учащихся было 20, им преподавал Мулло Косым из Костанова.

Мадраса Мирзоби. Располагалась в одноименном квартале Мазарской части города, у перекрестка нынешних ул. Чайковского и Мусы Джалила. Возведена в 1870г. на средства Мирзо Абдулхосима. Сооружение было из сырца на каркасной конструкции, имелись 9 худир, дарсхона и мечеть, располагавшаяся в западной части двора.

Весь доход от вакфа составлял 40 руб., по статистике 1870г. - 80 руб. Обучались в мадраса 15-16 учеников, в 1897г. мударрисом был утвержден Мулло Аюб Мухаммадов, последним мударрисом - Мулло Абдурахмон./Инфор. Махмудов Рустамхон, 1884г. рож./.

Мадраса Кумбозор. Располагалась в бывшем квартале Бозори асп, ныне по ул. Ленина, в районе Центральной аптеки. Мадраса основана Мирзо Хандбюе, время постройки установить не удалось, впервые упоминается в сводке за 1895г./ЦГА Тадж. ССР. Ф.1, оп.1, д.320, л.17/.

Сооружение было из сырца, имелось 12 худир и дарсхона. Худир южного крыла имели два этажа, к югу от мадраса располагалась пятничная мечеть с тем же названием, что и мадраса.

Годовой доход мадраса составлял 30 руб., обучались всего 7-10 учеников. До 1895г. преподавал Домулло Миркобилов, затем мударрисом был утвержден Коры Олимхон Ходжа Комилов/Там же. - д.1516, л.26/. В списке мударрисов Худжанды и Худжандского уезда указано лишь на имя Домулло Мирходжи/Там же. - д.1341, л.7/.

Мадраса Мир Ялуб Располагалась в квартале Миршабхона Мазарской части города, недалеко от кинотеатра "Таджикистан". Основатель мадраса Мирмахмудбой, дата постройки не установлена, впервые упоминается в 1895г. Сооружение было из сырца, имелось 8 худир, дарсхона.

Вакфное имущество состояло из 3-х торговых лавок на базаре Чорганбе с годовым доходом 36 руб., а также 3 меры воды в кишлаке Овчи и 150 тая земли/ЦГА Тадж. ССР. Ф.6, оп.1, д.90, л.132/. Всем имуществом заведовал Мирусмон Миррахметов.

Мадраса Киркон. Располагалась на южной окраине одноименного квартала Раззакской части города, ныне по ул. Своди, туп. Дальняя №1. Среди населения известна под названием "Мадрасаи Сафедорзор". Мадраса сооружена в 1754г. недалеко от квартальной мечети на средства Мухаммад Собира аълама/ЦГА Тадж. ССР. Ф.1, оп.1, д.1176, л.15 и 16/. Сооружение представляло собой прямоугольное здание, выстроенное из сырца на легкой каркасной конструк-

ции. Всего имелось 10 худир и дарсхона. Сооружение отведено под жилье. К началу 70-их годов уцелели лишь часть худир восточной половины двора. Здание мечети по настоящее время стоит к северу, обособленно от мадраса и тоже занято под жилье.

Вакфное имущество состояло из 2,5 тан. земли на рынке Козы, приносящее 30 руб. дохода, 4 тан. земли на рынке Раззак с доходом в 40 руб., 1 тан. земли на рынке Курхона с доходом 16 руб., участок земли в квартале Киркон, 1 лавка в квартале и торговом центре Панчанбе, 20 тан. земли в селении Курун, 90 тан. земли в селении Аучи, а также наличными 40 тилло/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 65, л. 32/. Из дохода 1/10 получали мутавалий, 1/3-мударрис, остальное делилось между учениками. Два мударриса обучали 20 учеников, до 1899г. старшим мударрисом состоял Мухаммад Рахми, затем Мулло Мухаммад Зариф. В августе 1892г. вместо скончавшегося второго мударриса Мулло Охун-ходжа мударрисом был избран Мирзо Охунд Хакимов/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 361, л. 8; Д. 330, л. 222/.

Мадраса Бойи. Располагалась на юго-западе одноименного квартала Раззакской части города на бывшей ул. Мопр, ныне ул. Максудхони Таибури. Мадраса построена в 1876г. на средства Мулло Бободхона и состояла из 15 худир, дарсхон и мечети. Здание мечети стояла юго-западнее мадраса. Ныне здание мадраса отведено под жилье, отчего совершенно утратило свою прежнюю форму.

Вакфное имущество состояло из 2,5 тан. земли на рынке Козы с доходом 30 руб., 4 тан. земли на рынке Раззак с годовым доходом 40 руб., 1 тан. земли на рынке Курхона. Из дохода 1/10 получал мутавалий, 1/3-мударрис, оставшуюся часть-ученики. Указанной мадраса принадлежали также еще 1 тан. земли на рынке Ява с доходом 12 руб., на рынке Масчиди Савр-3 тан. земли с доходом 40 руб., на рынке Раззак 2 тан. земли с доходом 12 руб., на рынке Мазор 1 тан. земли, а также участок земли размером 1 тан. близ самой мечети. По статистике 1891 года общий доход мадраса составлял 136 руб. Два мударриса обучали 30 учеников. Последним мударрисом состоял известный прогрессивный таджикский поэт и просветитель Мухаммадминходжа Кокит.

Мадраса Купруки Баланд. Располагалась на северо-восточной части одноименного квартала Раззакской части города, на пересечение ул. Оводи и Хаким Карима, на левом берегу канала Раззак, в районе построек детского сада. Мадраса построена в 1889-1890гг. на средства некоего Миршурбая жителя квартала

Бойи. Здание представляла собой сооружение прямоугольной формы с фасадом на юг. Постройка была из сырца, включавшая 10 худир, дарсхону и корыхону. В 1929г. на месте обветшавшей мадраса была выстроена новая школа.

Вакфное имущество состояло из 1 сарая и 1 лавки на базаре Панчанбе, 17,5 тан. земли в Ундиинской волости/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 320, л. 120/. Весь доход вакфа составлял 160 руб./Там же.-Л. 17/. В мадраса один мударрис обучал 26 учеников, по сведениям 1893г. мударрисом состоял Ходжа Миребдулло, жившем недалеко от здания мадраса. Последним мударрисом состоял Ходжа Мухиддин из квартала Чорчирок/Инфор. Мулло Набиджон, 1882г. рожд./.

Мадраса Отабойбека. Располагалась на западной окраине квартала Фармон Раззакской части города, на пересечении улиц Оводи и Гайдара. Мадраса сооружена в 1880-1881гг. на средства крупнейшего землевладельца Худжанда Валами Отабойбека. В статистических сводках 1892г. особо подчеркивается, что мадраса еще новая/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 65, л. 31/.

Сооружение было из сырца, состояло из 7 худир и дарсхон, прямоугольный замкнутый двор тянулся с запада на Восток. Вакфное имущество состояло из 6;5 тан. земли в селении Дигмай, приносящее 56 руб. дохода, 1 тан. земли в селении Курун, а также 1 сарай в самом городе/Там же, д. 90, л. 121/. По статистическим сводкам общий годовой доход мадраса равнялся к 100 руб./Там же, д. 320, л. 17/, фактически же доход мадраса был значительно больше. Мутавалийем состоял сам учредитель Валами-бек Отабойбеков, а мударрисом Ходжа Абдулло Мулло Мирзоев. В мадраса занимались около 20 учеников.

Мадраса Бободхона. Располагалась в одноименном квартале Раззакской части города, по улице, ведущей к воротам Масчиди Савр, ныне ул. Камсли Худжанди. Мадраса построена в 17 Зульхеда 1302 г. х./28 августа 1885г./ на средства Усто Мирзобоя маслобойши/ЦГА Уз ССР. Ф. 18, оп. I, д. 10432, л. 4/. С запада мадраса граничила с часнопладельческим домом, на юге-с общественной дорогой, на востоке с участком земли Мирзо Мухаммеда, на севере-с землей Усто Мирраджаба.

Постройка была из сырца на каркасной конструкции, имелось всего 9 худир и одна дарсхона. К нынешнему времени уцелело лишь здание мечети.

Вакфное имущество состояло из 2,5 тан. земли с доходом 28 руб. на рынке Ява, 3 тан. земли с доходом 44 руб. на рынке Чорсу, 2,4 тан. земли в Ундиинской волости. Из дохода 1/10 получал мутавалий, затем

остальное делилось на три части, из которых две части выдавалось мударрису, одна часть делилась между учениками согласно их успеваемости. Мутавалялиями были сыновья учредителя вакфа Мирзо Шариф и Мирзо Турсун. По воле учредителя медреса первым ее мударрисом до 1884 г. состоял Мирзо Саид Мирзоев, после его смерти — Мулло Абдумулло /ИГА Тадж. ССР. Ф. 1, оп. 1, д. 238, л. 1-2/. Затем до 1912 г. преподавал Саид Насим Мулло Энонов, которого сменил в том году же Мулло Абд Мирзохон /ИГА Уз ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 2176, л. 16/.

Медреса Гузари Замон-1. Располагалась в одноименном квартале Раззакской части города, на правом берегу канала Раззак, ныне ул. Камоли Худжанди, в районе музыкального училища им. Содирихон Хофиза. Медреса была построена в 1860 г. на средства Мирзо Хонима /Инфор. Рахимов Атоходжа, 1892 г. рожд. /.

Сооружение было из жженого кирпича, вокруг замкнутого двора располагались 22 худир, дарсхона и мечеть. Вход был оформлен небольшим порталом, фасадом на юг, в центре двора имелся водоем. В здании медреса долгое время размещалось Музыкальное училище и лишь в 1964 году сооружение бывшей медресы было отдано на слом.

Вакфное имущество состояло из 2 сангов воды в кишлаке Хитойреза с доходом 100 пудов пшеницы и рисовые поля в Куруме размером 2,5 пуда семеноместности с доходом 25 пудов риса и 15 руб. деньгами. Вакфная грамота была составлена в 1277 г. х. /1860-1861 гг. / . Из дохода 1/10 получал мутавалялий, 1/3 мударрис, остальное делилось между учениками. Вакфами заведовал Носирбойбача из квартала Каландгари. По сведениям старожилов в медресе занимались 40-45 ученика, которым читал лекции Кори Тура из квартала Кукхаза /Инфор. Алиев Рафурдон, 1889 г. рожд. /.

Медреса Гузари Замон-2. Располагалась напротив первого медреса, в районе здания "Дома культуры". Медреса построена в 60-х годах XIX в. на средства Мулло Авеза, по другим источникам — Авеза Мухаммеда. Сооружение было из сырца на каркасной конструкции и состояло из 18 худир, дарсхоны и мечети. Здание мечети было снесено в конце 50-х годов XX в.

Вакфное имущество состояло из 1 сарая в городе, 32 тан. земли в Уджинской волости, там же 6 тан. земли, 2 фруктовых сада и 200 тан. земли в Хитойреза /ИГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. 1, д. 90, л. 114/. Вакфная грамота составлена в 1278 г. х. /1861-1862 гг. н. э. / . Мутавалялий Мулло Хусейнбой Турсун Мухаммадов. С 1907 по 1910 гг. мударрисом состоял Мулло Маъруф Домулло Хошимов /ИГА Уз ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 1150, л. 94/.

В 1911 г. медреса некоторое время оставалась без мударриса, однако по просьбе учредителя вскоре мударрисом был назначен Мулло Саид Мухиддинхон Саид Камолхонов. В приговоре учеников об избрании нового мударриса стоит 39 подписей /ИГА Уз ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 1150, л. 96/.

Медреса Дари Шикоф. Располагалась юго-западнее городской цитадели, ныне ул. Хаким Карима в районе одноименной мечети, датируемой XVIII в. /Костенко. — с. 446/. Медреса построена в 1732 г. на средства Мухаммад Босуфа или Мир Босуфа.

Сооружение сырцовое и состояло из 6 худир, а также дарсхоны. Мечеть считалась пятничной, она декорирована резьбой по дереву и росписана многотонной краской.

Вакфное имущество состояло из 2 тан. земли на арыке Чорсу. Весь доход от вакфа составлял 80 руб. В 1900 г. медреса под видом упадка была упразднена, по сведениям 1891 г. там обучалось 12 учеников, которым преподавал Коримунин Мирзо Хайтбой.

Медреса Масъиди Сурх. Располагалась в одноименном квартале Раззакской части города, ныне ул. Т. Асир, в районе средней школы № 3. В источниках и литературе второй половины XIX в. нередко выступает под названием медреса "Кызия" /ИГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. 1, д. 90, л. 114/. Возведена в 1774 г. на средства некоего Паррибоя, по другим сведениям Кози Сайфуллина.

Сооружение одноэтажное, выстроено из жженого кирпича, упревшие худир опубликованы в небольшой книжке С. Вализода // Вализода. — 1975. — с. 18 /.

Вакфное имущество состояло из 4 тан. земли в Назской волости, приносящей 24 руб. дохода, рисовое поле в Янгибургане, давшее 30 пудов риса в год. По рассказам старожилов в медресе занимались 20-25 учеников, последним мударрисом состоял Энонхон тура.

Медреса Ортукходжа эмона. Располагалась в квартале Козихон тура Раззакской части города, ныне ул. Рова Ликсбургга. Построена в 1878 г. и названа по имени ее первого мударриса, однако действительным учредителем медресы был Мулло Зокирходжа /ИГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. 1, д. 90, л. 119/.

Сооружение было одноэтажным, из сырца, на каркасной конструкции, имелось 7 худир, одна дарсхона. Замкнутый прямоугольный двор тянулся с запада на восток. Медреса фасадом была обращена на север.

Вакфное имущество состояло из 1 санг воды в кишлаке Хитойреза, за аренду которой давали 50 пудов риса, 1/8 санг воды с доходом 50 пудов пшеницы, 2,4 тан. земли в городе, 3,5 тан. рисового поля в киш-

маке Янгигурган с доходом 10 пудов рисовой крупы. Весь доход от вакфа составлял 88 руб. Один мухаддис обучал 20 учеников, до 1893г. преподавателем состоял мулло Аюб Ходжимухаммадов, с 1893г. по 1895г. Корн Хоним Мирраджабов.

Мадраса Мирразизбой. Располагалась в квартале Таги савр Раззакской части города, на улице, ведущей к кокандским воротам города. Мадраса была построена в 1865г. на средства Мирразизбой и представлял собой сооружение, состоящее из 6 худжр и 1 аудитории.

Вакфное имущество состояло из 1/2 части дохода караван-сарая на базаре Панчанбе с ежегодным доходом 140 руб., 12-ти участков земли в городе с доходом 140 руб.

В мадраса занимались всего 16 учеников, которым преподавал, начиная с 1909 года Корн Турсун Мухаммад Ражабов/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 1005, л. 81/. По сведениям информаторов в мадраса занимались 45-50 учеников, мухаддисом состоял Мулло Шарифи Пулчукур, совмещавшем должностные мухаддиса с ремесленным трудом/Мулло Абдурауф Султоф 1910г. рож. /.

Мадраса Ходжи Бобо. Располагалась на южной окраине квартала Чорчирок Раззакской части города на правом берегу канала Раззак. Мухаддисом состоял Ходжа Мухиддин Мулло Мухаммад Зиббобов, который согласно рапорту М.С. Андреева имел "достаточное образование" в мусульманской науке / ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 1491, л. 36/. Мадраса не располагала вакфным имуществом и все расходы по мадраса брал на себя ее мухаддис.

Мадраса Конн Сурон. Располагалась на восточной окраине одноименного квартала Калайнавской части города, ныне ул. Комсомольская. Постройка Халифа Миринуса, впервые упоминается в 1870г. Сооружение было из сырца, имелось 10 худжр, дарсхону и мечеть. Постройка была снесена в 1929г. и на этом месте была построена новая светская школа.

Вакфное имущество состояло из 1,3 тан. земли в городе, 20 тан. земли на арыке Курук, 90 тан. земли в кишлаке Костакон/ЦГА Тадж. ССР, Ф. 6, оп. I, д. 90, л. 135/. Решением Самаркандского областного правления от 9 июня 1898г. мутаваллием был утвержден Мулло Охун Бобоев. В статистике 1906г. указан Почокадон Бобокалонов. Один мухаддис обучал 15-20 учеников, по сведениям тех же архивных источников мухаддисом состоял Корн Охун, а в последний период - Носириддин Олимхонов.

Мадраса Мехтар. Располагалась на восточной окраине квартала Козн Дуччекон Калайнавской части города, ныне по ул. Ванцетти. Учредитель мадраса Мехтар впервые упоминается в 1870г. Сооружение глинобитное, состояло из 12 худжр, дарсхон и мечети которая уцелела до наших дней. Вакф состоял из 600 тилло кокандского чекана, принесенный в дар мадраса Мехтаром, уроженцем квартала. Вакфом заведовал Хасанходжа Камолходжаев. По данным 1870г. там обучалось 30 учеников, а в 1895г. - всего 10. Последним преподавателем был Охун Ходжа Мехтари. Некоторое время в одной из худжр мадраса жили Абдуллои Фаев и Ходжи Юсуф/Аминзода и др. - 1973, с. 13-14/.

Мадраса Чукуррак. Располагалась в одноименном квартале Калайнавской части города, ныне по ул. Ванцетти. В сводках 1870г. мадраса именуется как постройка Мухаммад Рахимбой, а в списке 1895г. - Рахмати аллоф, а в качестве основателя выступает некий Салимбой/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 320, л. 16/, основным занятием которого было якобы кулолгарн, т.е. гончарство.

Сооружение глинобитное, состояло из 8 худжр, дарсхон и мечети, которая ныне отведена под жилье.

Вакфное имущество состояло из 1,5 тан. земли на арыке Марғузорок с доходом 20 руб., а также 7,5 тан. земли в Унджинской волости. По некоторым данным весь доход от вакфа составлял 100 руб. В мадраса обучались свыше 15 учеников в возрасте от 15 до 22 лет/ЦГА Уз ССР, Ф. I, оп. 18, д. 19, л. 186/, которым преподавал Усмонхонтур.

Мадраса Ходжа Амин. Располагалась в квартале Дарвозан Козн Калайнавской части города, ныне по ул. Шарк, в районе Хлебобулочного комбината. Постройка Ходжа Амина или Амин Бия впервые упоминается в сводках 1870г.

Сооружение было из жженого кирпича, состояло из 24 худжр, 2 дарсхон и мечети. Фасадом было обояшено на север.

Вакфное имущество состояло из 13 тан. земли на арыке Шайхбурхон, 12 тан. земли на арыке Румон, 12,5 тан. земли на арыке Козн, 7,5 тан. земли на арыке Унджи, 1,5 тан. земли на арыке Даштак, 220 тан. земли в кишлаке Овчи Калача, 3 тан. земли на арыке Ходжа. Вакфные документы были сданы в Самаркандское областное правление 13 июня 1887г. за № 519. Имуществом заведовал Олимхон Мирабдулло Косимов. По статистике 1895г. в мадраса обучались 55 учеников, в 1893-1906 мухаддисами состояли Саид Усмонхон Мирзокалонов и Мулло Авез Мухаммад.

Мадраса Гузари Козн. Располагалась в одноименном квартале

Каланинавской части города, у дороги, ведущей к воротам Козы, ныне ул. Пари, в районе детского сада. Постройка Мулло Миркосыма, впервые упоминается в сводке 1870г. Сооружение глинобитное, состояло из 9 худир, дарсхон и мечети.

Вакфное имущество состояло из 4 тан. земли на арыке Ундия, 50 тан. земли в кишлаке Куланбон и небольшого участка земли в селой мадраса. Общий доход мадраса от вакфа составлял 70 руб. Мутаввалием был Мулло Бобо Мулло Вохидов. Обучались II-IV учеников, до 1907г. муадриисом состоял Мирзохон Эшон Мирзо Шовсуров, затем таковым стал Тура Ходжа Мирзохон. В приговоре учеников об избрании им нового муадрииса стоит 39 подписей/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 904, л. 123/.

Мадраса Саримсона. Располагалась в квартале Бектон Каланинавской части города, в районе Фабрики кулинару близ восточного угла рынка Панччанбе. Постройка Мулло Саримсона, впервые упоминается в сводке 1892г. Сооружение глинобитное, состояло из 15 худир, дарсхон и мечети.

Вакфное имущество состояло из 2,5 тан. земли на арыке Ундия и 10,5 тан. земли, расположение которой не определяется/ЦГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. I, д. 90, л. 134/. Весь доход от вакфа составлял 108 руб. Заведовал имуществом Ходжа Абдунахор Мулло Саримсон. В мадраса обучались от 40 до 50 учеников. В декабре 1892г. рапортом 3-го инспектора народных училищ вместо скончавшего муадрииса Мухаммад Рахима таковым был избран Мулла Хасан, в списке за 1906г. он назван Хасан Мирзобоев. В приговоре учеников об избрании нового муадрииса стоит 37 подписей. Мадраса считалась подписчиком газеты "Туркестан"./Там же. д. II50, л. 374/.

Мадраса Испараков. Располагалась в одноименном квартале Каланинавской части города. Постройка Халифа Мирзюса, впервые упоминается в 1870г. Сооружение глинобитное, состояло из 7 худир и одной дарсхон.

Вакфное имущество состояло из 13,6 тан. земли в Ундийской волости, 10 тан. земли в Гулякандове, I тан. земли в кишлаке Махрам Кокандского уезда. Вакфом заведовал Ходидхон Саидкрамов. Вакфный документ был сдан в октябре 1905г. под № 2849. Весь доход от вакфа составлял 132 руб. Один муадриис обучал II учеников. С октября 1903г. муадриисом был утвержден Мулло Насриддин Слимхон.

Мадраса Барнера. Располагалась в одноименном квартале Каланинавской части города, ныне ул. Комсомольская в районе Средней школы им. А. Янгельса. Постройка Мухаммад Али Киз-

дирака, впервые упоминается в сводке 1895г.

Сооружение глинобитное, состояло из 7 худир, дарсхон и мечети. По сведениям информаторов площадь мадраса была весьма обширной и равнялась 400м², худир восточного крыла имели два этажа.

Вакфное имущество состояло из одного дома в городе и наличными деньгами в размере 800 руб. Вакфом заведовал Коры Юсуф Якубов. Один вакфный документ на землю с годовым доходом 30 руб. был сдан в Самаркандское областное правление в 1887 г. под № II3. По данным 1899г. там занимались 17 учеников в возрасте от 16 до 24 лет, которым преподавал Мирзо Шокир муфти.

Мадраса Ходжамохру. Располагалась в одноименном квартале Мазарской части города. Постройка Амур Мухаммадбоя, время возведения установить не удалось. По сведениям 1898г. муадриисом состоял Мулло Зокир. В том же году после его смерти таковым был утвержден Мулло Абдулло/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. II76, л. 16/.

Мадраса Муллоджон. Располагалась в квартале Мулло Мазарской части города. Постройка Халифа Муллоджана, учреждена в 1749г./Там же. Ф. I, оп. I, д. 512, л. 166/. По материалам 1893г. муадриисом состоял Коры Хошим и два муадрииса обучали 34 ученика/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 362, л. 44/. В 1905г. там обучались 28 учеников, а муадриисами состояли Мулло Мирамин и Мулла Бонихон Козыхонов/Там же. д. 804, л. 246/.

Мадраса Денава. Располагалась в одноименном квартале Мазарской части города, ныне по ул. М. Горького. Постройка Боворидхон Мадаминбоева, учреждена в 1727г. В 1893г. выборным путем мутаввалием был избран Мулло Атаджан Муллобоев/Там же, ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 1341, л. II6/.

Мадраса Заргарок. Располагалась в одноименном квартале Раззакской части города. Учредитель Мехтар, время постройки неизвестно. Вакфное имущество состояло из 1,5 тан. тутового насаждения и наличных денег в размере 560 руб.

Мадраса Бисай Оголик. Место расположения и время постройки не установлены. Вакфное имущество состояло из I тан. земли на арыке Румон, I,3 тан. земли на арыке Шайхбурхон, 9 тан. земли на арыке Ходжа, I,3 тан. земли на арыке Ундия, 3 тан. земли на арыке Дафтак. По сведениям 1906г. муадриисом состоял Турахон Рамохон/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 90, л. 134/.

2. Мадраса Уратибэ и Пендикента. В Уратибэ зафиксировано 10 мадраса. Две из них монументальны: мадраса Кокгумбаз и Рустамбек. Остальные мадрасы были из сырца на каркасной конструкции и находились при мечетях.

Мадраса Кокгумбаз. Расположена в одноименном квартале Охунской части города, ныне по ул. Калинина. Памятник уцелел до наших дней в сильно разрушенном и несколько искаженном перестройками виде. Постройка шейбанида Абдулатиф Султана, дата возведения была начертана над главным входом, зашифрованная в хронограмме "Манзили хайр"/Место благодеяния или благополучия/, означавшей 937г. х./1530-1551гг. //Мухтаров.-1959.-с. 91/. Данные хронограммы отнюдь не противоречат материалам археологических и архитектурных исследований/Крыков.-1965.-с. 84/.

Первоначально памятник являлся мечеть галерейного типа с внутренним открытым двором, принцип планировочного решения которого имел аналогию с мечетью Гибн Ханым в Самарканде/ХУв./, мечети Калян/ХУ-ХУІв./ и Ходжа/ХУІв./ в Бухаре.

Исследования 190г. определили, что ансамбль пережил три крупных строительных периода, причем второй из них изменил функциональное назначение сооружения. Во второй строительный период, археологически датированный серединой ХУІв., мечеть была перестроена в мадрасу/Крыков.-с. 74/. По периметру квадратного двора вместо галерей строится закрытые, изолированные друг от друга 17 худир/Касталье.-1915.-с. 35/. Худир сводчатые, из квадратного жженого кирпича/26х26х4см/ с фигурной выкладкой, внутри имеются антресоли для ночлега, михраб, ниша, камин, декорированный лепным ганчем. Дверные проемы двусторонние, над ставнями расположены решетчатые окошечки "Тобдон". Мечеть мадрасы сильно пострадала от землетрясений 1897 и 1907гг., достигнувших 7 баллов. Туркестанская администрация предприняла некоторые шаги по реставрации разрушенного памятника/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, л. 631, л. 40-41/, но эти попытки не увенчались успехом и только в 1913г. памятник был отремонтирован усилиями самих горожан квартала Сорбон.

Мадраса считалась самым доходным учреждением города. По сведениям 1907г. ее вакфное имущество состояло из 25 десятин земли и 14 кулак воды в квартале Кавадж Уратибэ, 300 десятин земли и 50 дес. виноградника, а также 5,5 мера воды в районе кишлака Джармурган, 200 десятин земли, а также 15 дес. сада и 8 кулак воды в районе кишлака Сурхан Бешкент, 100 дес. земли, а также 1 ключевая вода в се-

лении Итбулак Саватской волости, 20 дес. земли и 4 кулак воды в районе кишлака Бекобод. По неполным данным общая земельная площадь мадрасы равнялась 3250 тан. земли, которая ежегодно приносила для мадрасы 1674 руб. дохода/ЦГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. I, л. 90, л. 160; Ф. I, оп. I, л. 631, л. 40-41/, по другим источникам-1058 руб./Там же. л. 1535, л. 17/.

Деление дохода производилось по разряду, согласно рассказам бывшего мутавадлия, мухаддисам доставалось в году 50-60 пудов верна, ученику высшего курса-30-35 пудов, среднего-19-20 пудов /Инфор. Сироджиддин Гадридинов, 1881г. рожд./.

По сведениям 1870г. там насчитывалось всего 30 учеников, в марте 1895г.-55, в 1899г.-44, которым читали лекции 8 мухаддисов/Мухтаров.-1975.-с. 47/. По списку мухаддисов, составленному в 1893г. там в мадрасе преподавателями состояли Домулло Миршаров, Мулло Мухиддин, Мулло Насриддин, Авлияхон, Зияуддин Ходжа, Мулло Боки, Мулло Норбой, Абдурахмон Ходжа, Мулло Шоносир и Мулло Шосафар/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, л. 1341, л. 7/. Мухаддис Мулло Мухиддин одновременно занимал должность народного судьи Саватской волости, за что рапортом В.П. Наливкина был освобожден от должности мухаддиса мадрасы Кокгумбаз./ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, л. 361, л. 162/. В марте 1895г. донесением старшего мухаддиса Зияуддин Ходжа был утвержден вторым мухаддисом, а Мулло Насриддин, Шоносир, Авлияхон, Абдурахмон Ходжа, Боки Мухаммад, Мулло Норбой и Мулло Шосафар были отчислены от преподавания по мотивам малочисленности учащихся/Там же. д. 373, л. III/. В мае 1905г. на место скончавшегося мухаддиса Мулло Миршароф Есупова таковым был избран Мулло Зуфархон/Там же. д. 804, л. 185-186/.

Саид Зуфархон Назмизода Истаравшани, псевдоним Джавахир, являлся одним из одаренных поэтов конца XIXв.-начала XXв. Его отец поэт Назми/ум. в 1888г./, ранее также занимал должности мухаддиса в этой мадрасе/Сатторов.-1966.-с. 181/. В 1907г. на место скончавшегося второго мухаддиса Зияуддин Юсуф Ходжаева таковым был избран старший мухаддис мадрасы "Саид Роза" Мулло Абдурахмон Якубов. По сведениям 1913г. мухаддисами состояли Мулло Эшон Тура Алихонов, Мулло Мухиддин Мулло Охунджонов и Шоносир Мулло Убайдуллоев/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, л. 1402, 227/. Мадраса считалась подписчицей газеты "Туркестан".

Мадраса Рустамбека. Постройка Уратибинского владельца середины XIXв. Рустамбека была сооружена в 1854-1855гг. в квартале Маскиди Сафед Охунской части города. Рустамбек среди часто менявшихся правителей отличился сооружением ряда благотворительных объектов: им помимо данного мадрасы были

построены также караван-сарай, мечеть, баня и салихона/"Дом приемов"/ в цитадели Уратобе на Муттепа/Кухандизм.-с.382-391 /.

Мадраса была построена из жженого кирпича, в ней имелись 49 худжр. Как явствует из двустопный поэта Надими Истаравшани, в комплексе мадраса включались также баня, мечеть, сарай и фруктовый сад /Надими.-л.309/. Здание, отличающееся изысканством оформления и красотой форм, было воснето в свое время уратобинским поэтами XIX-начала XX столетия.

Сооружение в плане имело форму квадрата, внешний вид фасада, судя по фотографии 70-х годов XIXв. выглядит следующим образом: Центральный портал целиком украшен ромбовидными фигурами геометрического орнамента, напоминающего очень близко местный текстиль. Отступая, в него вписано углубление-ниша, которая ниже переходит в арку. На тимпане входной арки изображены животные, обращенные головой друг к другу. Согласно мнению М.С.Гекчурина, это фигуры льва или леопарда/Гекчурина.-1872.-с.17-18/, а по другим версиям, фантастического коня/Мухтаров.-с.92/. Эта мозаичная композиция, согласно сведениям старожилов, была выполнена группой местных мастеров во главе с гончаром Мулло Курбоном и его учениками Амурмахмедом, Назармахмедом и Гоймухаммедом-все из квартала Хавази сангин. Далее над воротами располагаются 3 арочных ниши-окон, а ниже по обе стороны от входа видны по одному смотровому окну. Верхняя часть портала завершается стреловидными зубцами.

По обеим сторонам портала тянутся двухэтажные арочные галереи, по 8 ниш в каждой стороне. В отличие от верхних, которые сообщаются с помещениями-худжрами, галереи нижнего этажа представляют собой глухие ниши.

Высота боковых крыльев составляет 2/3 высоты портала. Крылья по фасаду фланкированы выступавшими минаретами, завершающимися фонарями-гулдаста. Памятник дважды сильно пострадал от землетрясения. В.А.Кастанье в 1914г. застал памятник в сильно разрушенном состоянии/Кастанье.-1915.-с.36/. Много лет спустя усилиями жителей квартала он был капитально отремонтирован и занятия в нем продолжались до 1923-1924гг., о чем свидетельствуют монетные находки.

На территории разрушенного мадраса, ныне находящейся под зданием и двором Средней школы № 3 им.М.И.Халикина, группой Северо-Таджикистанского археологического отряда были заложены раскопы IО и II/Негматов.-1974.-с.103/. Раскоп IО, размерами IО x 7м, был за-

ложен у юго-западного угла двора, ограниченного со всех сторон школьными постройками. Он выявил остатки двух худжр размером 3,40 x 4,10м. Стены худжр сложены из квадратных кирпичей 26 x 26 x 5 и 27 x 27 x 5см, сохранность стен неодинакова. Стены худжр № I, например, сохранились на высоту 0,45-50 см от основания пола, а худжры № 2-на высоту 120 см. Фундамент здания сложен из одного ряда рваного камня и четырех рядов кирпичей, по верху этих кирпичей по обеим сторонам стены проложены квадратные арочные бруссы/13 x 13/, которые на углах закреплены пластинчатой фигурной скобой. Остатки бруссов сохранились лишь в западной стене худжры № 2. В худжре № 3, которая с запада ограничена школьным гаражом, вскрыт только дверной проем с деревянным порогом у основания. Уровень залегания объекта от дневной поверхности различен. Например, в худжре № I, где стены сохранились лишь чуть выше уровня пола, она составляет 75-80см, а в худжре № 2 еще меньше-35-40см.

Весь завал состоит из обломков разбитых кирпичей в перемешку с глиной, отдельных фрагментов поздней поливной керамики и единичных израсцовых кирпичей. Характер завала ниже пола несколько иный, там чаще встречаются куски ганча. При раскопках худжры № I у ее северо-западного угла была обнаружена перевернутая кверху дном хумча с отверстием на дне, которая была обложена кирпичами на ганчевом растворе. Видимо, она служила водосливом канализационной ямы. При расчистке пола были обнаружены также две монеты выпуска 1924г. и 1940г., что близко соответствует времени прекращения занятий в мадраса и ее сносу на кирпич.

В юго-западной худжре № 2 был заложен шурф размером 2 x 2м. Во втором ярусе был обнаружен фундамент нижележащего здания, расположенный перпендикулярно по отношению к фундаменту худжр. Старожилы вспоминали, что некогда, до сооружения на этом месте здания мадраса Рустамбеке, там находилась обветшавшая мечеть мадраса Каршибая, снесенная последним беком, и квартал прежде именовался Каршибаем.

К северо-западу от раскопа № IО был заложен раскоп № II, который обнаружил фундамент мечети и трех помещений, обращенные фасадами на восток. Парадный вход вел, судя по рассказам старожилов, в просторное центральное помещение с барабанным перекрытием, по сторонам которого располагались еще два таких помещения с куполом. У главного входа сохранился порог из арчи/30 x 30см/ с гнездами для дверной подпятия, а по бокам были расчищены остатки квадратного пилона из жженого кирпича.

Вакфное имущество медреса состояло из 1250 дес. земли и 4,5 воды в кишлаке Муджум, 250 дес. земли и 8 воды в кишлаке Иторчи, 125 дес. земли и 1,5 воды в кишлаке Яхдон, 150 дес. земли и 1,5 воды в местности Ходжакишлак Уратибинской волости/ЦГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. I, д. 90, л. 160/, а также 5 лавок в самой гузаре. Заведовал вакфом Ниязирхон Тураев, утвержденный на эту должность в 1891 г. По некоторым сведениям ежегодный доход от вакфа составлял 1325 руб. /Там же. - д. 1535, л. 17/, из которых 12 руб. отчислялись в городской бюджет.

Исследуемая медреса считалась одной из крупнейших общественно-образовательных центров Уратйбе. Некоторое время лекции по фикху там читал ученый Домулло Тароймурод - отец поэта Мирзо Сиддика, по прозвищу Фано. /Султанов. - 1971/. Сам Фано начальное образование получил в Масжида Сафед, затем продолжил учебу в медреса Рустамбека. Фано был превосходным каллиграфом, после смерти Надиби Истаравшани Фано руководил поэтическим кругом уратибинских поэтов. Об этом сам поэт пишет следующее: "гурух-гурух, лайливатон ба сари мани маҷнун, азроки гул дар бустони фазл чам омадан, ва такози таълими илму фазл намуданд" /"Группами у меня, манджнува, собирались каждую неделю в цветнике науки и изъясняли желание учиться у меня" /Фано. - л. 9/.

По сведениям 1870 г. в медреса обучались 60 учащихся, в 1895 г. - 83, а мудarrisов было - 7. Костенко Л. Е., посетивший медреса в 80-х годах XIX в. отмечал, что там в медреса Рустамбека проживали 50 учеников, которых преподавали 4 мудarrisа /Костенко. - 1880. - с. 447/, по А. Мухиарову число учеников было всего - 40. В 1893 г. мудarrisами состояли Саид Фатхулло, Мулло Вафоходжа, Мулло Мирраджаб, Мулло Мирхонид, Мустафо Кулихон, Муллоджон и Саид Умарходжа /ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 1341, л. 7/. Репортом В. П. Наливкина от сентября 1893 г. два мудarrisа Вафоходжа и Саид Фатхуллохон были отчислены от занимаемых должностей в связи с тем, что они одновременно занимали должности судьи Ганчинской волости и города Уратйбе /ЦГА Уз. ССР. Ф. 47, д. 361, л. 164-170/. Однако в 1907 г. Мулло Вафоходжа вновь вернулся на преподавательскую работу. По мотивам сокращения штатов в марте 1895 г. младшие мудarrisы Саид Умарходжа и Мустафо Кулихон были отчислены из медреса Рустамбека. По сведениям 1913 г. там преподавателями состояли Саид Фатхулло, Мирзо Рахлиб Толибон и Раффарходжа Хонходжаев.

Медреса Ходжаджон. Располагалась в одноименном квартале Охунской части города, ныне ул. Победы. Сооруже-

ние из сырца на деревянной каркасной конструкции, состояло из 10 худжр, дарсонхы и мечети, которая богато орнаментирована росписью и резьбой по дереву. Худжры располагались к югу от мечети, вдоль восьмиметрового водоема. Мечеть сооружена примерно в 1830-1840 гг. /Мухтаров. - 1975. - с. 63/, ее расписали мастера Мирмулло Мансур влады Усто Бободжон и Мирфозил наккош из квартала Оби чаппа. Столярные работы /наччори/ выполнены мастерами Раджаби бухор, Абдулахад бухор и Абдулкарими бухор - все из квартала Гумбаз. Вакф медреса состоял из 25 десятинов земли и 1 меры воды в кишлаке Хаштаур, 17 десятинов земли и 3/4 меры воды в кишлаке Сарой Ганчинского района, 25 десятинов земли и 1 меры воды в кишлаке Яхтан. По материалам А. Мухтарова на территории гузара действовали два медреса /Мухтаров. - 1975. - с. 64/. В одной из них, один мудarris занимался с 20 учениками и получал 18 руб., а также 587 пудов зерна вакфного дохода, а вторая медреса с тремя преподавателями и 15 учеников, получали только 36 пуда зерна. По сведениям 1902 г. медреса Ходжаджон имел три мудarrisа и 35 учеников, то же самое наблюдалось и в 1913 г. /ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 920, л. 9; д. 955, л. 11/. Согласно расспросным сведениям мудarrisами состояли Зикриё домулло, Мулло Асрор, Мулло Назир, Мулло Насрулло и Мулло Солах /Инфор. Субханкулихон Муртазохонов, 1894 г. рожд. /.

Медреса Олжорон. Располагалась в одноименном квартале Охунской части города, ныне по ул. Коммунист. По устным сообщениям очевидцев в 1914 г. некий Кузайб Халифа, родом из Хаваста, выстроил у восточного угла мечети X худжр и снабдил их доходом /Инфор. Розиков Рауф, 1896 г. рожд. / . Сооружение было из сырца на деревянной конструкции. Мечеть и часть сооружения худжр ныне уцелели и заняты под жилье. При мечети действовала также корыхона и начальная школа для мальчиков, которые содержались также на доходах вакфов /Мухтаров. - 1975. - с. 78/. Мудarrisом состоял Мулло Норбой из кишлака Пошкент, учителя школы - Мулло Шукур, корнем корыхона - Домулло Кароматулло, кратко - Кироми /Инфор. Кори Файзи, 1906 г. рожд. /.

Медреса Сорбон. Располагалась северо-западнее медреса Кок-гумбаз, в одноименном квартале, ныне ул. Гулистон, в районе домов № 147-149. По устным сведениям основу медреса заложил Ходжа Ёкубджон, выстроивший у юго-восточного двора мечети около 8 худжр. Позднее его имя перешло и на название самого гузара.

В 1909 г. некий Ходжа Нияз Мухаммад также построил две худжры и установил на них вакф. Мудarrisом состоял Мулло Абдурасул из квартала Арбоб /Инфор. Дустмухаммедов Мулло Далобой, 1898 г. рожд. /.

Мадраса Дегрези. Располагалась в одноименном квартале Охунской части города, ныне ул. Тельмана. По распросным сведениям старожилов мечеть с пристройкой из 6 худжр выстроена была в 1891-1892 гг. зажиточными уратбинцами, проживавшими в Коканде/Инфор. Кори Соли Мансуров, 1901 г. рожд. /В комплексе построек, помимо перечисленных зданий, входили также баня, строительство которой относят некому Мирбокибсу/Мухтаров. -1975. -с. 54/. Один мударрис обучал 30-40 учеников, из которых часть училась на корья. До 1903 г. мударрисом состоял Кори Обид Миркомиллов, затем таковым утвердили Кори Срифджона, сына Зокир аьлама. Кори Сриф одновременно исполнял должности имама мечети. Там же группа учащихся под руководством Кори Рауф Орифджонова заучивали священный Коран.

Мадраса Намозгох. Располагалась в одноименном квартале Ходжа Тахридинской части города, ныне в районе Средней школы им. М. Горького. В районе Намозгох действовали два мадраса/ИТА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, л. 920, л. 9/, которые входили в ансамбль построек, включавших мавзолей Хаарати Тох, мавзолей Худояра Валами/Хмельницкий. -1961. -с. 137/, а также корыхона из 6 худжр/Мухтаров. -с. 91/.

Строительство первой половины мадраса/точнее худжр/, относят уратбинскому беку конца XVIII в. Худояру девонбеги, на редкость "самого смелого и искусного человека"/Мухтаров-1964. -с. 21/. Вторая половина мадраса принадлежала Саид Гозиходже. В перечне мадраса города Уратбе, составленном в 1902 г. названа только Намозгох, но с оговоркой, что она состоит из двух половин. В списке 1913 г. наряду с мадраса Рустамбек и Кокгумбаз, первым стоял имя Худояр-девонбеги, вторым-Саид Гози/.

Все постройки были из сырца на каркасной конструкции. По устным сведениям там насчитывалось около 37 худжр, расположенных и вгугу и восток от родника. А. В. Костенко, осмотрев мадраса, отмечал, что первоначально она состояла всего из 12 худжр/Костенко. -с. 447/, остальные были построены позже разными людьми в качестве дара.

Вектное имущество состояло из 80 дес. земли в кишлаке Каладуст, 80 дес. земли в кишлаке Иторчи, 4 дес. земли и 1/8 мера воды в кишлаке Чорбон Ганчинской волости. По другому документу, составленному в начале XIX в., мадраса принадлежали 8,5 меры воды с землей на территории кишлака Иторчи, 4,5 меры воды с землей в кишлаке Муджум, 1,5 меры воды с землей в Ходжакишлаке, 1 мера и три чоряка воды с землей в кишлаке Яхдон и три участка земли в местности Ол-

ти Айгир/Мухтаров. -1975. -с. 134/.

Одним из старейших мударрисов мадраса Намозгох был Мухаммад Софеходжа, утвержденный на эту должность в 1804 г. специальным ярлыком Амира Хайдара/Мухтаров. -1963. -с. 47/. Софеходжа пользовался хорошим расположением амира и местных правителей Уратбе. Например, квартал, где он остановился вскоре, был переименован его именем, гузарная мечеть, где он мшился, преобразована в пятничную/Там же. -с. 48/, его имущество было освобождено от налога и, наконец, в 1825 г. ему пожаловали звание Ходжакалона всей Уратбинской области/Там же. -с. 58/.

В 1870 г. в мадраса занимались 15 учеников старшего возраста, 10 среднего, 25-младшего возраста. Распоряжением городского пристава от мая 1892 г. мударрисом мадраса Намозгох был утвержден Порсохон Махмудханов. В апреле 1901 г. скончался мударрис первой половины мадраса, называвшийся "Худояр девонбеги". В связи с этим в рапорте уратбинского пристава особо подчеркивается, что он, "принимая во внимание необходимость сокращения слишком большого штата наличных мударрисов", решил замещать эту должность. Ревизия установила, что в мадраса занимается всего 15 учеников. Поэтому на место скончавшегося мударриса был переведен мударрис мадраса "Саид Роза Ходжа" Мухаммад Соли. В мадраса же Саид Роза Ходжа остались в качестве старших мударрисов Мулло Абдухамид и Роза Даврон. Ранее при 24 учениках в упомянутой мадраса числилось 3 мударриса/ИТА Уз. ССР. Ф. 47, оп. I, л. 601, л. 108/. В мае 1905 г. мударрис Порсохон Махмудханов был избран народным судьей Уратбинской волости, а вместо него мударрисом утвердили Мулло Саид Ксуфхон Порсоханова/Там же. -д. 804, л. 80/. В 1913 г. после кончины Мулло Солех Мухаммадова мударрисом был избран Кори Амиджон Кори Исметулло/Там же. д. 1303, л. 248/.

Мадраса Охунон. Располагалась в одноименном квартале Охунской части города, ныне в районе кинотеатра им. Фирдавси. По устным сведениям некий Мирсокиббай из квартала Талкавола в 1914 г. на месте обветшавшей мечети Бозори гуза/Мухтаров. -с. 22/ выстроил новую мечеть и к вгугу от нее для людей "жаждущих знаний" возвел более 25 худжр. Мечеть была пятничной, ее годовой доход равнялся 600 руб.

Соборудование имело прямоугольную планировку, тянувшуюся с востока на запад. В западной половине двора располагалась мечеть, колонны и потолки которой были богато декорированы резьбой и росписью. К югу и восточную половину двора занимали худжры, а на северо-западном углу двора, там, где бился родник, находились несколько

ко обильных помещений с айваном и комната для омовения. Вход был с того он был выделен порталом из жженого кирпича, который украшала двухстворчатая резная дверь. Напротив входа, за дорогой, располагалась серой Джемолбая, отданный в аренду индийцам, которые занимались торговлей и ростовщичеством. Всего в Уратыбе проживало 12 индийских торговцев.

По устным сведениям в медреса обучались 60-70 учеников, часть которых учились на корыев. Последним муэдарином состоял Ходжа Вафходжа, который скончался лишь в 1968 г. на 97 году жизни. При мечети действовала начальная школа, ее преподавателями были суфий Ходжи и Эшони Орифходжа. Одна из худжр была отведена под помещение козихона, где постоянно заседал Кози Обидходжа/Инфор. Р. Абдуллозода/.

Медреса Дахбед. Располагалась в одноименном квартале Охунской части города, ныне в районе ул. Крупчиняры, посещенной Эшомом, уроженцем самаркандского селения Дахбед/Мухтаров. - с. 95/. В западной половине квадратного в плане двора находилась мечеть, обращенная фасадом на восток. Вход был с северо-запада, выделен невысоким пештаком, по сторонам которого помещались худжры, число последних было семь. У входа в мечеть-медреса имеется водоем, действующий поныне. Количество учеников не превышало 15-20. Муэдарином Мулло Аминджон, славившийся среди горожан ученой репутацией, большую часть времени проводил в гостинной/мехмонхона/собственного дома, расположенного напротив мечети.

На этом сведения о медресе Уратыбе исчерпываются. Однако по устным сведениям при квартальных мечетях Мульчар, Ходжа Фахриддин, Курук, Арсобои и Кулолон также велись занятия по курсу медреса, которую здесь называли "дарси медреса"/"уроки медреса"/. Муэдарины этих своего рода "импровизированных" медреса были представители демократических слоев городской интеллигенции, для которых путь к главному доходному медресе города был закрыт.

Медреса Пенджикента. По литературным и устным расспросным сведениям в городе Пенджикенте в конце XIX-начало XX вв. существовали медреса Абдусаттор Махдум, медреса Олим додхо, медреса Хасан Халифа, а также медреса Мулло Азизбая. Согласно статистике 1900 г. в этих четырех медресах города обучались 55 учеников, их годовой доход составлял 374 руб./ЦГА Уз ССР. Ф. 1, оп. 1, д. 19, л. 353/.

Медреса Абдусаттор Махдума. Располагалась в юго-восточной части города, в бывшем квартале Дарвозан Бухоро, ныне на перекрестке ул. Нариманова и Ленина. Сооружена в 1908 г. на средства Рахима Абдусаттор Махдума/прозванного Ходжи Кози/, старшим сыном Халифа Мухаммеда.

Сооружение имело прямоугольную форму, тянувшуюся с запада на восток, входных ворот было двое: одни с южного крыла двора, другие с восточного. Всего в медресе имелось 25 худжр, уцелели частично лишь худжры южного крыла, они заняты были под жилье. В центре восточного крыла сохранилось здание мечети. По словам старожилов в медресе занимались от 60 до 70 учащихся. Муэдарины состояли Ходжи Кози, Мулло Тодибой, Кози Мусо и др./Инфор. Азизов Фахриддин, 1902 г. рождения/.

Медреса Олим додхо. Медреса Пенджикентского правителя первой половины XIX в., расположена в центральной части города, недалеко от городского рынка. К нашему времени уцелело лишь здание мечети, которое включает центральное квадратное помещение, перекрытое огромным куполом в виде барабана. С севера и с запада помещение венчают арочные галереи с четырьмя пролетами с каждой стороны. Все три свободные части двора некогда были обстроены худжрами, которых было не более 20. К северо-востоку от медреса располагалась резиденция пенджикентского правителя-урда.

Поэт Хумуди, исполнявший в те годы должность кози Ургутского тjemena/Собилов. - 1973. - с. 31/, в честь окончания постройки составил хронограмму следующего содержания:

...Мухандис пеши устои хирадманд,
Ки бар сахнаш носехи усто навиштанд.
Абурайхону Баталмусу Саборот,
Зи илму хикматаш мавло навиштанд.
Ба кори мулку дин усто Салимбой,
Ки бар номаш иморатхо навиштанд.
...Чу масчид рост шуд монанди мехроб,
Ба токи у иморатхо навиштанд.
Ба таърихи тамонаш ахли тоат,
Ибодатхонаш азло навиштанд.

Дата постройки мечети-медреса выражена в хронограмме "Ибодатхонаш азло", расшифровка которой означает цифру 1244 г. х. т. е. 1828-1829 гг.

Мадраса Мулло Авезбоя. Постройка крупного пенджикентского землевладельца Авезбоя, располагалась у северо-западного угла городского рынка. Мадраса строилась, примерно, в 90-х годах XIX в. Производителем работ был родственник Мулло Авезбоя — Мулло Бобо Мухиддинов, который впоследствии исполнял должность мутавалли мадраса.

Прямоугольный двор мадраса с трех сторон был обведен глинобитными одноэтажными худжрами. По подсчетам информаторов было не более 15 худжр. Западный угол двора занимало здание мечети с айваном, в центре двора находился водоем. К северу, за пределами мадраса, у откоса в нижнюю террасу Зарафшана располагалась саня, доходы которой шли на содержание мадраса. Мударрисами в разное время состояли Кози Мусо, Домулло Шодибой, Мулло Абдулхай.

Мадраса Хасана Халифа. Постройка известного ирригатора и общественного деятеля первой половины XIX в. Хасана Халифа. Располагалась в юго-восточной части города, ныне ул. Носира Усрав. В вахфных документах сооружение упоминается как мадраса Чубин. Хасан Халиф построил также еще одно мадраса в квартале Ходжа Зумрад города Самаркенда.

Его сооружение в Пенджикенте не уцелело, оно было из сырца на каркасной конструкции, всего там имелось 14 худжр. В центре прямоугольного двора рос караган, внушительного размера. Мударрисом и заведующим мадраса был сын Хасана Халифа Эшон Саади. По словам информаторов, мадраса считалась самой местной в Пенджикенте, здесь обучались более чем 100 учащихся из Матчи, Урметана, Варзианс и других горных селений старово Кухистана. При мадраса действовала начальная школа, учителем которой был Мулло Бобокалон из квартала Сари Чашма/Инфор. Бобоев Абдусамд, 1905 г. рожд. /.

Мадраса Канибадама и Исфаги. Группа сотрудников Северо-Таджикистанской археологической экспедиции при участии автора в 1974 г. провела обследование остатков мадраса городов Канибадама и Исфаги. Из семи зафиксированных здесь мадраса сохранились только лишь три: Мадраса Мирраджаб додхо и мадраса Абдуллохона в Исфаге.

Мадраса Мирраджаб додхо. Постройка канибадамского правителя второй половины XVII в., по имени которого названа мадраса, возведена в 1070 г. х. / 1659-1660 гг. н. э. / в местности Дхуи Ласи джар города Канибадама. В вахфной грамоте

Мухаммад Шарифа, датированной 1883 г., мадраса названа по имени ее мударриса Домулло Олима, а в другом месте — "Старой мадраса" / "Мадрасаи кушна". Мадраса в 1927 г. была осмотрена археологом В. А. Шинниковым и В. Э. Дружининым, а в 1961 г. разведочной группой Ходжентского отряда ТАЗ, а в 1962 г. в связи с предстоящими реставрационными работами была вновь обследована группой архитекторов и археологов во главе Н. Н. Негматова/Негматов. — 1964. — с. 34 /.

Мадраса сооружена из жженого кирпича на естественном высоком возвышении и своим северным фасадом обращена в сторону крупной городской улицы. Общая структура плана мадраса Мирраджаб додхо близка к классическим образцам среднеазиатских мадраса. Она до 1961 г. была занята под школу и, естественно, испытала ряд перестроек: место большинства худжр заняли обширные помещения с плоскими деревянными потолками и широкими окнами.

Всего в мадраса было 15 худжр. Сохранилась неизменной лишь одна худжра в восточной стороне двора. Она представляет собой стандартную комнату размером 4,65 x 3,20 м, с антресселем. Свет в худжру проникал через небольшое устроенное над дверью окно/тобдон/. Худжры снабжались нишами/Негматов. — 1980. — с. 340 /.

Главный вход в мадраса, расположенный в середине северного фасада, снаружи имеет традиционный пештак/портал/. Пилоны пештака украшены системой стрелчатых ниш/по три с каждой стороны/, взятых в прямоугольные обрамления. Фронтальную часть мадраса фланкируют ложные минареты, поднимающиеся над уровнем кровли. Половину дворового западного фасада мадраса занимает десятиколонный, шести-пролестный айван летней мечети. Судя по сохранившейся дате, айван сооружен в 1335 г. х. / 1916-1917 гг. / мастером Мухаммад Шукром.

По сведениям старожилов в мадраса обучались более 100 учащихся. Мударрисами состояли Еурихон домулло, Убайдулло домулло, Джувайд домулло, должность мутавалли исполнял Сайхон домулло. При мадраса состояли два сторожа, один циркульник, имам и суфи. В 1922-1924 гг. в пустовавшей здании мадраса была открыта новометодная школа "Дор-т-тадрис". В последней предмет географию и математику преподавал Убайдулло Есрихонов, грамматику арабского языка и каллиграфию Салохиддин Мадлиди.

Мадраса имела большие вахфные доходы. Так, в сентябре 1883 г. некий Мухаммад Тариф, сын Ашур Куйи, составил вахфную грамоту на половину водки "Старого арыка" селения Калписта в пользу мадраса Мирраджаб додхо и Оим/Егани. — 1968. — с. 274-278 /. Арык был куплен вакфодателем за 15 хольчих тилло по девятнадцать танга в каждом.

Одна треть доходов с рынка шла в пользу медресы Мирраджаб дохто, а две трети — в пользу медресы Оми.

Медреса Оми. Расположена на северо-восточной окраине Канибадама, вдоль древней дороги Патар, ведущей в Коканд, ныне усадьба колхоза им. "Москвы". Медреса сооружена дочерью Домулло Миромлима некоей Бибиной. Время ее постройки отмечено в хронограмме "Раду зам", что соответствует 1244 г. х. / 1828-1829 гг. /.

Медреса Оми представляет собой сооружение прямоугольной в плане формы с внутренним замкнутым двором. Медреса правильно ориентирована по сторонам света, длина всего здания по фасаду 36,5 м, по западному боковому крылу — 39,5 м. Размеры двора 17 х 20,5 м. По периметру двора расположены 25 худжр со сводчатым перекрытием и антресолями. Размеры худжр 2,4 х 3,8 м. Худжры освещались естественным светом через "тобдоны" — окнами, находившимися над входной дверью. На зиму тобдоны заклеивались промасленной бумагой.

Симметричный главный фасад с выступающим порталом обращен на север. Углы фасада фланжированы минаретами гюльдаста. Однако фойе не сохранились. По обе стороны главного входа расположены крестообразные помещения с купольным перекрытием. На барабане купола размещены 4 осветительных окна. От купола западной стороны сохранилась только часть барабана. С южной стороны двора на одной оси с главным входом расположен небольшой проход, который вел в сад.

Фундамент медресы сложен из гладких булыжников, который по верху обткан брусками квадратного сечения 0,16 х 0,16 м. Бруска соединены фигурными металлическими скобами. Площадка перед порталом и двор вымощены квадратными кирпичами.

Дверные створки главного входа не уцелели, вход заложен. К восточному боковому крылу медресы примыкает айван поздней надстройки. Его ширина 6 м, длина 10. Сохранился лишь северо-восточный угол айвана. Перекрытие айвана плоское, балочное, покоящееся на разных колоннах со сталактитовыми капителями и постаментами. Потолок айвана имеет следы росписи.

Сохранность медресы Оми сравнительно хорошая, по своей архитектуре и композиции она очень близка к медресе Мирраджаб дохто.

Согласно рассказам старожилов, в медресе обучались до 200 учеников, в штате медресы состояли четыре мудarrisа, один мутавалий, два имама, один суфий, цирильник и дворник. В 1891 г. рапортом В. Наливкина на должность мудarrisа был назначен Камолходжа Домулло-ша Уа ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 330, л. 77. После его смерти в 1909 г. на

эту должность был избран Мулло Бобоходжа Бузурхонджоев/Там же. — д. 1005, л. 29/. По словам тех же информаторов Мулло Бобоходжа обучался в медресах Северной Индии и имел также большие врачебные навыки. В разное время мудarrisами состояли также Охунджон Махдум и Мулло Мирвали Медвалиев.

Все земли кишлака Яктерак, размером около 35 тыс. тан., числились в актом медресы Оми. Полученные доходы мутавалий вкладывал в Кокандский банк, а весной получал проценты вклада и раздавал учащимся и служащим медресы. Ученик курса аъло, например, получал в год 25 руб., курса авсад — 12,5 руб., курса адно — 7 руб.

Медреса Ходжа Рушном. Располагалась на восточной окраине города Канибадама, в бывшем одноименном квартале, ныне перекресток улиц Ходжаалиева и Маданият, во дворе Профессионально-технического училища № 8. Медреса давно не существует. Уцелел лишь один минарет. В 1964-1965 гг. группа Ходжентско-Уструшанского археологического отряда во главе С. П. Марафиева обследовала минарет, произвела обмер и зарисовку. По словесному описанию очевидцев медреса имела следующую архитектурно-планировочную форму: вход был с севера и выделен невысоким пештаком, который вместе с куполом дарвозахона занимал доминирующее положение над остальными постройками. Замкнутый двор, площадь около 1 га, с севера, юга и запада был застроен одноэтажными худжрами с навесом впереди. В центре двора располагался водоем, который действует и по настоящее время. Известно, что обветшавшие помещения медресы были одно время отремонтированы приезжавшим на жительство в Канибадам в 1890-1895 гг. неким Кори Хисори, который затем до своей смерти оставался неизменным ее мудarrisом.

Медреса-Намозгох площади Машхад. Располагалась в самом центре города, в бывшем квартале/гузар/ Дукчиён — ныне северная часть ЦПК и О, в районе кинотеатра Гудистон. В прошлом с юга сооружение медресы примыкало к городскому кладбищу, с севера — к старой улице Дукчиён/ныне ул. Ленина/, с северо-запада — к базару. Медреса-намозгох была построена примерно в конце 40-х годов XIX в. на средства канибадамца Мулло Медкарима.

Сооружение было из жженого кирпича и своим фасадом обращено на восток. Вход имел невысокий портал и двухстворчатую резную дверь. Замкнутый двор с севера, юга и востока сплошь был застроен круглыми худжрами. Всего насчитывалось 21 худжра. Помещение мечети и даргохона располагались у западного крыла двора. В центре двора

имелся водоем, мимо него несли свои воды канала Джун джар. В 1923 г. жители селения Гешарин-Норчабой на свои средства построил во дворе медресы высший минарет, который стоит по сей день. В постройке минарета участвовали Усто Умарджон из Коканда и Усто Илдам из самого Канибадама.

Последним муэдарином был Мирзо Мазруф домулло, мутаваллием состоял Кори Турахон Мирзо Искандеров, отец нашего информатора/Турахонов Исмоил, 1890 г. рожд./. В медресе обучались около 70-80 учащихся.

Вакфное имущество располагались: орошаемая земля в размере 6 тан. на площади Бустон/ныне территория Средней школы им. Гегарина/, вакф Мулло Пари-2 тан. земли на территории конвального комбината, вакф Юсуф Дукчи в размере 3 тан. земли по ул. Гумбази, а также все лавки на базаре Собун, а также лавки, расположенные вдоль внешней западной стены медрес-намозгох.

Медреса города Исфара. В городе Исфаре отмечены лишь три медресы: Медреса Абдуллохона в Навгилеме, медреса Сари бозор и медреса Ходжиён в самом городе.

Медреса Абдуллохона. Медреса построена шейбанидом Абдуллохом II, правившем в 1583-1598 гг. Время сооружения медресы отмечено в хронограмме "Хайрах макдам", что соответствует 993 г. х./1585 г. н.э./.

Медреса впервые была отмечена в анонимной заметке "Туркестанских ведомостей". В 1951-1952 гг. памятник изучался Исфаринским археологическим отрядом во главе Е. А. Литвинского/Литвинский.-1955.-с. 195/. В 1952 г. группа сотрудников Управления по делам архитектуры при Совете Министров Таджикской ССР произвела графическую фиксацию сооружения.

Навгилемская медреса по своему архитектурно-планировочному решению чрезвычайно близка к Намозгох Средней Азии XVI-XVIII вв. Медреса-намозгох ныне включает комплекс центрального купольного помещения и многокупольного бокового крыла. Длина всего здания по фасаду-20,2 м, в том числе центрального помещения-10,47 м. Греческие стороны равны 15,15-15,85 м/Литвинский.-1953.-с. 44/. Портал декорирован поздней росписью по штукатурке. Северную, восточную и южную стороны двора занимали худжры. Ныне уцелели частично только худжры северной части. В 1327 г. х./1909 г. н.э./ в центре восточной части двора на средства некоего Саид Алибоя был построен минарет, который стоит по настоящее время. Навгилемская медреса нахо-

дит близкую аналогию с такими памятниками как Намозгох Касби/ХУ в./ и Намозгох в Самарканде/Маньковская.-1971.-с. 50/.

По сведениям старожилы в медреса преподавателями состояли муэдарины Домулло Мирабдулло, Мулло Махмудходжа, Мулло Сохиб, Мирзо Абдулло и Мухаммаджон Махдум. Мутаваллиями состояли Мулло Почоходжа и Мулло Нурудлоходжа. Занятия в медреса продолжались до 1928 г.

Медреса Сари бозор или Калъа. Располагалась в центральной части города Исфара, напротив южных ворот Центрального рынка. С севера и востока медреса тянулась старая дорога/ныне ул. 8 марта/ на западе примыкала к мечети Ходжиён/ныне район Гастронома и Центрального универмага/.

Согласно сообщению информаторов мечеть и медреса были построены в конце XVIII в. правителем Исфары Мухаммад Алибеком, находившимся в подчинении кокандского хана. Существует предание, что когда до хана дошли слухи о грандиозном строительстве, предпринимавшем в этом городе, он стал опасаться, что воздвигается крепость и вскоре низложил Мухаммад Алибека. Поэтому медреса и мечеть достроили горожане, собрав для этого деньги и продукты/Инфор. Мирзо Париф-Аззамзода, 1893 г. рожд./.

Медреса с прямоугольным двором, с севера, востока и юга был занят худжрами, которых было-15. Западное крыло двора было отведено под зданием мечети, которое существует ныне. Потолок мечети украшен многокрасочной и сюжетной росписью. Последним муэдарином состоял Рахматулло Ходжи домулло, который преподавал до самого преклонного возраста.

Медреса Ходжиён. Расположена на северо-восточной окраине города Исфара и представляла собой сооружение из разновременных построек вокруг квадратного замкнутого двора. С северо-запада медреса примыкает к общественному кладбищу, с юго-востока к общественной дороге/ул. Калинина № 89/.

Вход был расположен в северо-восточном углу двора и обращен на север. Через двор с юга на север проходит канал Угуртак. Восточное и южное крыло двора были сплошь застроены одноэтажными худжрами с балочной плоской крышей. Как передают, все 20 худжр были построены на доходы вакфа по инициативе городского судьи Кози Ашур домулло. Он же и назначил первых муэдаринов.

Худжры южного крыла разрушились, восточные-уцелели и используются под жильё. Здание мечети расположено в северо-западном углу двора. Мечеть многоколонная, с передним айваном. Мечеть была постро-

ена на средства Мирзо Абдукодирбоя, а айван на средства жительницы квартала Ходжиён-Биби Лутфинисо.

Мударрисами состояли Мулло Аъзам и его сын Мирзо Ахмед Махдум. В медресе занимались не более 30 учеников. Среди учеников были и из Худжанда. Медреса располагала более 120 тан. поливной вакфной земли, которым управлял Ходжи Аъзам домумло.

4. Сельские медреса. Среди сельских округов Северного Таджикистана в прошлом наибольшее число медреса действовали в селении Костакоса.

Медреса Бовор. Располагалась в восточной части Костакоса, у дороги Кинтирик, ныне в районе Колхозного рынка. Построена в 1893г./ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 70I, л. II/. Немат Усамбоевым. Постройка из сырца на деревянной каркасной конструкции, состояла из 17 худжр, дарсохны и мечети/Инфор. Шодиев Ходжибей, 1897 года рожд./ Вакфный доход всего 36 руб. По сведениям 1902г. один мударрис обучал 14 учеников, преподавателями состояли Ходжи Абдукодир и Мулло Саидид.

Медреса Аминпочо. Располагалась в костакоской местности Санчамазор, ныне у восточного угла Консервного комбината, построена в 1331г. х./1912-1913гг. н.э./, и по архивным сведениям - в 1876г./ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 70I, л. II/. Постройка Абдурахмон Амина, частично дошла до нас, но переделана под жилье, где проживает семья Героя Советского Союза Ходжи Кенджаев. В 1973г. одна из групп Северо-Таджикистанской археологической экспедиции с участием автора и архитектора Д. Рахматова произвела обмер и фотофиксацию уцелевших участков медреса.

Сооружение прямоугольной формы, вытянуто с запада на восток, фасадом обращено на север. Кладка комбинированная, фундамент и цоколь сложены из жженого кирпича, оставшаяся часть из сырца на деревянной каркасной конструкции. Фасадная сторона оформлена едва заметными арками. Дарвозахона с тамбуром, по краям прохода имеются суфы, портал оформлен клинчатой аркой с полуколонным основанием. Худжр-12, располагались они в южной и западной сторонах двора. К нашему времени уцелели помещение дарсохны и участок мечети. Через двор медреса несли свои воды канала Музул. По сведениям 1902г. вакфный доход составлял всего 14 руб., один мударрис обучал 16 учеников. Последними мударрисами состояли Мулло Носир Охун и Мулло Абдушукур. Оба жители селения Костакоса.

Медреса Бобо Нийё. Располагалась в Костакосе в районе здания Узла связи. Построена в 1885г. и названа по имени учредителя. По сведениям 1902г. вакфный доход медреса составлял 96 руб. Один мударрис обучал 10 учеников/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 70I, л. II/.

Медреса Мулло Асрори булус. Располагалась в костакоском квартале Таги Сада, ныне в районе Консервного завода. Построена в 1848г. и названа по имени учредителя. Состояла из 20 худжр, дарсохны и мечети, через ее двор протекали воды канала Музул. Вакфный доход 60 руб., один мударрис обучал 15 учеников. Мударрисами состояли Мулло Шокир Олим и Мулло Абдушукур/Инфор. Соситов Джура, 1887г. рожд./.

Медреса Шоаб или Худойдоха. Располагалась в Костакосе в 200м северо-западнее медреса Бобо Нийё. Построена в 1885г. Шоабом. Сооружение состояло из 9 худжр, дарсохны и мечети. Годовой доход 24 руб. Один мударрис обучал 10-13 учеников, последним мударрисом был Саид Валихом.

Медреса Намозгох. Располагалась в одноименном квартале Костакосе, у дороги Сари Оснй или Оби Чаппа, ныне в районе Средней школы им. Чкалова. Построена в 1841г., постройка была из сырца, имелось около 30 худжр, одна дарсохна и мечеть. Годовой доход 29 руб., один мударрис обучал 20-25 учеников. Отдельные ученики, как Мулло Дуст и Мулло Косид сочиняли стихи, в их худжах нередко собирались любители классической литературы. Последними мударрисами состояли Мулло Шукур Охунд, Сали Ашварходжа, Мулло Носир Охунд и Мулло Соджид Кози/Инфор. Абдурахмон Абдуллоев 1893г. рожд./.

Медреса Охунд. Располагалась северо-западнее здания Костакоского Сельсовета, у барама канала Музул. Построена в 1886г. на средства Мулло Рокя Охунда. Постройка была невелика, состояла всего из 8 худжр и одной дарсохны, ее ученики преимущественно были горцы, костакосцы их называли "задче мулло". Годовой доход медресе 293 руб./ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 70I, л. II/. По сведениям 1895г. доход медреса составлял свыше 400 руб. Наличие сумм медреса хранили в Ташкентском отделении Госбанка/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 60I, л. 69/. В 1892г. в стенах медреса обучались 14 ученика. В том же году вместе ушедшего в Караидмутталия Мулло Охунда Косилова таксым был избран Саидходжа Кнусходжаев. Согласно статистике 1893г. мударрисом состоял Мулло Марахм-Охунд.

Мадраса Ойхуда Эшена. Располагалась в костакоской местности Джавгай, ныне в 200м западнее Консервного завода, на дороге Исписар-Костакос. По устным сведениям построена в 90-х годах XIX в. Кери Абдусатором. Сооружение сырцовое, состояло из 15 худжр и мечети, на развалинах ныне сооружен артезианский насос. По сведениям старожитов мадраса имела около 3 га вакфных земель, расположенных в местности Джар, которым управлял мутаваллий Мулло Махкам Несиров. Один мудarris по имени Ойхуда Эшен преподавал свыше 20 ученикам.

Мадраса Гумбази. Располагалась на восточной окраине Костакоса в местности Хавзак, где проходили массовые народные гуляния в честь праздника Навруз. Дата постройки неизвестна, по свидетельству старожитов комплекс Гумбази — один из древнейших сооружений селения Костакоса. Постройка сырцовая, состояла из 7 худжр и одной дарсхонь. При мадраса функционировали также старая школа. Последнее время мудarrisом состоял Мулло Исраил, обучавший 15-20 учеников.

Мадраса Мулло Юсуфа. Располагалась в районе здания правления колхоза "Таджикистан" на берегу древнего канала Кинтирик. Постройка Мадами Махдума, время постройки не известно, названа по имени последнего мудarrisа. Сооружение сырцовое, имело 12 худжр, дарсхону и мечеть. Обучались 20-25 учеников, преимущественно окрестные киргизы. Одним из первых мудarrisов состоял сам учредитель, затем его сменил Охунд Машукур.

Мадраса Кери Хаким халифа. Располагалась в Костакосе, несколько южнее восточных ворот мадраса "Намовгох", недалеко от мельницы, воды которой протекали через двор мадраса. По устным сведениям, построена неким Мулло Сарымсоком, время постройки не известно, состояла из 8 худжр и дарсхонь. Напротив мадраса, за дорогой, действовала корыхона, ее преподавателем был Кери Час Часпон, владевший всеми манерами чтения Корана и знавший арабский разговорный язык. Обучались в мадраса 10-15 учеников. Мутеваллием состоял Мулло Зайниддин, мудarrisом же — Мулло Носир Охунд.

Мадраса Абдулхабора. Располагалась в 200м западнее вышеупомянутой Костакоской мадраса. Построена в 1905-1906 гг. и названа по имени ее учредителя. Сооружение сырцовое, имелось 14 худжр. Последним мудarrisом был Мулло Ином.

Мадраса Саиди рох. Располагалась на северо-западной окраине

Костакоса, у старой дороги Исписар-Костакос. Построена в 1901 г. неким Азизмджонбоем. Сооружение сырцовое, состояло из 7 худжр, дарсхонь и мечети. При мадраса функционировала также школа, ее учителем был Мулло Ибод. Обучались в мадраса 15-20 учеников, которым преподавал Мирмулло Халиф.

На этом наши сведения о мадрасах Костакоса исчерпаны, в них дети проходили лишь начальный курс программы мадраса, затем, возмужавшие, с определенными знаниями, отправлялись в Гухару, Самарканд, Худжанд и Коканд. В Коканде, в частности они обычно обучались в мадраса "Бахмалбоф".

Мадраса Бобоходжа. Располагалась в квартале Казар селения Кулянгир Унджинской волости, ныне в районе Детского дома. Построена неким Миррахимча, дата постройки не известна. Сооружение сырцовое, состояло из 37 худжр, дарсхонь и мечети. Здание дарсхонь стояло в стороне от других построек и было сооружено на средства некоего Файзибая Турсун Мухаммадова, по прозвищу Шодх Казок/Инфор. Зокиров Акрам, 1899 г. рожд. /Воды канала Казар протекали через двор мадраса, который был обильно обсажен фруктовыми и декоративными деревьями. По сведениям 1906 г. мадраса здесь было 2-го годового дохода — 41 руб. /ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 795, л. 27/. В 1913 году выборным путем мудarrisом был утвержден Мулло Шамси Саид Гамсинов, в приговоре учеников стоит 45 подписей/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, д. 1303, л. 140/.

Мадраса Маёна. Располагалась несколько восточнее упомянутой мадраса, ныне в районе колхозного автопарка. Время постройки и имя учредителя установить не удалось. Сооружение глинобитное, состояло из 10 худжр и дарсхонь, молились в пятничной мечети, расположенной за дорогой. Вакфное имущество состояло из 40 тен. земли, расположенной в окрестностях Кулянгира. Заведовал им Мулло Мурод. Число учеников колебалось в пределах 15-20, мудarrisом состоял Мулло Бобоходжа/Инфор. Урунов Абдулло, 1906 г. рожд./

Мадраса Ходжа Отамергана. Располагалась в худжандском пригороде Курук, ныне в районе сельского Кинотеатра. Построена в 1873 г. Отамерган Ходжа Ниязом/ЦГА Уз ССР. Ф. I, оп. I, д. 19, л. 240/. Сооружение из сырца на деревянной каркасной конструкции, состояло из 8 худжр, дарсхонь и мечети с колонным айваном. С востока к стенам мадраса примыкали караван-сарай и чайхана, а на западе — хлопкоочистительный цех фирмы Кегили, на севере, за дорогой, располагались ряды торговых лавок. По сведениям 1888 г. один

мударрис обучал 21 ученика/ЦГА Уз ССР.Ф.47, оп.1, д.283, л.68-69/, в 1906г. -15 учеников.Годовой доход мадраса состоял всего из 36руб. Последним мударрисом состоял Мулло Рахимбой.

Мадраса Турсунби. Располагалась в селение Нав, близ канала Джангоб, ныне ул.Набережная, в районе детской музыкальной школы. Построена в 1841г. неким Турсунбий/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.736, л.11/, впервые отмечается в статистических сводках за 1870г./Кушакевич.-1871.-с.37/. Сооружение сырцовое, состоит из 14 худжр, дарсоны и мечети. Южная фасадная часть здания была в два этажа, над парадной дверью располагалась дарсоны.

По устным сведениям, вакфное имущество состояло из 10 тан. земли, 2 тан. рисового поля в Янгикургане, а также арендная плата 6 торговых лавок и одной чайханы, пристроенных к стенам мадраса. Из дохода ученику курса "ахло" доставалось в среднем два пуда риса, среднего-"авсад"-1,5 пуда, низшего-"адно"-1 пуд.

В 1906г. в мадраса занимались 20 учеников, годовой доход составлял 150 руб./ЦГА Тадж.ССР.-Ф.1, оп.1, д.795, л.27/. Обучались в мадраса в основном киргизы из рода "Чучук" и "Тарайберди", преподавателем состоял Мулло Эшонходжи Эшонходжаев, закончивший бухарское мадраса Дивонбеги. В 1915г. между учениками упомянутых киргизских родов произошла крупная стычка, по объяснению М.С.Андреева, поводом к которой прослужила давняя родовая рознь. В 1916г. новым мударрисом был утвержден Мухаммад Шукур Файз Мухаммадов/ЦГА Уз ССР.Ф.47, оп.1, д.1304, л.430/.

Мадраса Домулло Шира. Располагалась в селение Гулякандоз, на дороге, ведущей к Новым воротам, ныне в районе Центральной усадьбы колхоза им. Абдугаффор Самадова. Построена в 1871г. Домулло Широм/ЦГА Тадж.ССР.-Ф.1, оп.1, д.701, л.11/. В отчетах А.Кушакевича также отмечается, что мадраса еще новая/Кушакевич.-1871.-с.37/. Сооружение было из сырца, состояло из 10 худжр и дарсоны, мечеть находилась напротив мадраса, за дорогой. По данным 1902г. годовой расход мадраса составлял 144 руб., один мударрис обучал 19 учеников. В 1914г. новым мударрисом был утвержден Мухаммад Рахим Мухаммад Собиров/ЦГА Уз ССР.Ф.47, оп.1, д.1304, л.416-417/.

Мадраса Мулло Афзала. Располагалась в селение Гулякандоз в пункте пересечения главных кишлачных дорог, в районе пятничной мечети Гулякандоза. Построена в 1898г. неким Эмирзо/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.701, л.11/. Сооружение сырцовое, состояло из 19 худжр, дарсоны и пятничной мечети. Мадраса и

мечеть занимала площадь, превышающую 1 га, во дворе располагались два водоема, один из них теперь зарыт. По некоторым сведениям доходы мадраса составляли 72 руб., по сведениям 1891г.-20 руб./Там же, д.320, л.17/, 1906г.-100 руб./Там же, д.795, л.27/. В мадраса числилось 26 учеников, из них шестеро были худжандами/ЦГА Тадж.ССР.Ф.47, оп.1, д.304, л.69/. В 1905г. мударрисом состоял Мулло Саид Бешдонбоев/Там же, л.68/. По устным сведениям мударрисами состояли также Мулло Шокир Махсум, Мулло Нумон и Мулло Мансур аълам/Инфор.Кобилов Абдувахоб, 1899г. рожд./.

Мадраса Исофони. Располагалась в селение Исофони Гулякандозской волости, основана в 1861г., годовой доход-40 руб., учеников-12/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.701, л.11/. Постройка из жженого кирпича, по периметру прямоугольного двора устроены худжры. Фасадом обращена на северо-восток. Ныне историко-краеведческий музей. По сведениям 1906г. во всем Исофанейском участке, включающем Исофони, Гулякандоз и Нав, имелись 14 мадраса, столько же мударрисов, учеников-171, доход от вакфа-1583 руб./ЦГА Уз ССР.Ф.1, оп.13, д.649, л.54-55/, 1907г.-1212 руб./Там же, д.711, л.45-46/.

Мадраса Сари Курум. Располагалась в кишлаке Ворух Исофаринского района, ныне к северо-востоку от здания Селсовета. Построена в 1903г. Сооружение сырцовое, из деревянной каркасной конструкции, состояло из 7 худжр, дарсоны и мечети. На сегодня уцелели лишь 4 худжры южного крыла. Худжры с плоской кровлей, семибалочные, потолок "вассадкут", снабжены окнами, нитями и очажком. Перед худжрами имеется узкая терраса из 27 колонн. Одна из худжр отведена для квартального лепешечного цеха, на востоке мадраса прикрывает обширное кладбище. По сведениям информаторов, там занимались 20-25 учеников, которых учил к грамоте и мусульманским наукам Мулло Юнусходжа аълам, у которого многие упражнялись также в искусстве каллиграфии/Инфор.Холматов Абдулхак, 1900 года рожд./.

Мадраса Джомеъи Мавлоно. Располагалась в одноименном квартале того же селения Ворух. Сооружение состоит из двух одновременных построек, древнейшей является мечеть, отделенная от мадраса невысоким паховым забором. Пятничная мечеть обширная, с хорошим декоративным убранством. Другая половина квадратного в плане двора вокруг была застроена худжрами из сырца на деревянной каркасной конструкции. В центре двора располагался водоем, ныне уцелели лишь 4 худжры северного крыла. По устным сведениям в мадраса обучались 30-40 учеников, которым преподавал Мулло

Абдулкарим домулло. При медресе функционировал также мактеб, где преподавателем состоял Мулло Исмаил/Инфор. Холматов Абдулхак, 1900 г. рожд. /.

Медреса Хазрати Бобо. Располагалась в северо-западной части кишлака Чорку Исфаринского района, во дворе известного мазара того же названия. Медреса поздней постройки, формировалась к западу от мазара и была отгорожена от последнего деревянной решеткой. Всего там имелось 10 худжр/Инфор. Абдулхак Солехзода, 1889 г. рожд. /, к четырем к северу от двора, шесть в южной части. Однако, ныне уцелели лишь худжры северной части. Некогда в центре двора располагался водоем, ныне он зарыт и весь двор обсажен фруктовыми деревьями. По устным сведениям там обучалось 30-40 учащихся, среди которых было немало киргизов, последними мударрисами были Мулло Шомухаммад и Мулло Сахобидинходжа/Инфор. Бурхон Рахимова, 1902 г. рожд. /; Турсунбой Рахмонов, 1905 г. рожд. /.

ГЛАВА III. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДРЕСА СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА.

I. Вопросы статистики, хронологии и архитектуры медреса. Среди городов Северного Таджикистана наибольшее количество медрес функционировало в Худжанде. По количеству медреса Худжанд занимает ведущее место и в Средней Азии, уступая лишь Бухаре.

Первые сведения о медресах Худжанды в русской и западно-европейской литературе появились в середине XIX в. Путешественник А. Вамбери, побывавший в Худжанде в начале 60-х годов XIX в. писал, что в городе существует 18 медреса/Вамбери. -1865. -с. 190/. Спустя менее одной десятилетия там же худжандский уездный начальник А. Кушакевич насчитал 24 медреса/Кушакевич. -1873. -с. 52/. В одной из статистических сводок за 1870 г. дается подробный перечень всех 24 медреса города с указанием на количество обучающихся учеников и учителей-мударрисов/ЦГА Тадж. ССР. -Ф. I, оп. I, д. 22, л. 10/. В этот же период в главном городе Туркестанского края-Ташкенте существовало всего 10 медреса/Княков. 1867. -с. 417/. Коканде-14/1894. -с. 98/. Хиве-22/Костенко. -1871. -с. 323/, в городе Оше-7, в Ошском уезде 88/Айтмбетов. -1911. -с. 25/, в Закаспийской области, включавшей пять уездов-43/ЦГА Уз ССР. Ф. I, оп. I, д. 711, л. 71/ и т. д.

В городе Бухаре по сведениям Н. Ханькова существовало 103 медреса/Ханьков. -1843. -с. 35-87/, в указателе к плану Фалина-185/Су-харева. -1966. -с. 70/, по материалам путешествия лейтенанта А. Бори-

са/1831-1833/-366/Борис. -1848. -с. 431/. Такая же цифра упоминается и в сводках В. Н. Стопина/1904. -с. 76/. Что же касается С. Айни, то он писал, что в "в городе/Бухаре/ имелось до сотни крупных и столько же мелких медреса/Айни. -1973. -с. 186/. Однако исследователь Бухары С. А. Сухарева пишет, что в конце XIX-начале XX вв. занятия проводились лишь в пятой части всех имевшихся в Бухаре медреса, а остальные были заняты под общежития/Сухарева. -1958. -с. 97/.

Особенно усиленный темп медресастроения в Худжанде наблюдался в 90-х годах XIX в. Если в начале 70-х годов в городе имелось только 17 медреса/Бенчуряч. -с. 12/, то за какое-то одно десятилетие эта цифра почти удвоилась и достигла 32 при 1366 учащихся/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. I, л. 5, д. 42/. По статистике 1893 г. в Худжанде уже действовало 47 медреса/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, д. 320, л. 22-23/, по В. В. Бартольд было столько же/Бартольд. -с. 317/. Аналогичный процесс прослеживается и в других областях Туркестанского края. Так, в Самарканде в 90-х годах XIX в. имелось 22 медреса, Коканде-14, согласно обзору Ферганской области, если в 1892 г. там числилось 199 медреса и 9700 учащихся, то в 1914 г. там было зафиксировано 368 медреса и 11056 учащихся/1917. -Прил. № 23/.

Из построек медреса Худжанды Л. Е. Костенко более замечательной считал три, сооружение из жженого кирпича. Одну из них начал строить бек Худжанды Ак-Бута, а окончила постройку его жена Мир Иззат Аълам. Медреса эта состояла из 20 худжр, где один мударрис обучал 50 учеников. Остальные два медреса были построены в XIX в., одна с 23 помещениями-худжандским беком Тохи Диванбеги, в которой один мударрис обучал 40 учеников. Другая медреса построена Мухаммад Садык Алимом, также с 23 худжрами, в которых жили 30 учеников и один мударрис. К числу медреса, построенных не из жженого кирпича, он относит также медреса Намозгох, которую строил в XIX в. Худжандский бек Халыкулимирза, в которой имелось 23 помещения. Медреса Шайх Муслихиддина построена была также в XIX в. Мирза Хаким мутаваллием, с 10 помещениями, в которых обучались 14 учеников. Медреса Мухаммад Гусара построена беком Хомбарканбаем в XVIII в. В ней имелось 13 худжр и один мударрис обучал 30 учеников/Костенко. с. 445/. Аналогичные сведения, вероятно, взятые у предыдущих авторов, имеются и в труде А. Шикова/Шиков. -1910. -с. 66/. Согласно мнению В. И. Масальского в Худжанде функционировало всего 20 медреса/Масальский. -1913. -с. 338/.

Отдельные неточности в статистике медреса Худжанды наблюдаются и в современной литературе. По сведениям Е. Н. Павловского в

Худжанде в 1899г. имелось всего 7 медрес и 286 мактабов/1945.-с. 99/. Эта же цифра повторяется и в работе М.Р. Шукурова/Шукуров.-1970.-с.27/. По мнению З.Ш.Раджабова в 1916г. в Худжанде функционировало 20 медрес/Раджабов.-1957.-с.228/, а в следующей работе -40/Раджабов.-с.15/. По П.А.Васильеву в "старом городе на 40100 человек приходилось 43 мактаба и 40 медреса/Васильев.-1948.-с.26/. Г.Х.Хайдаров полагает, что в 1916г. в Худжанде имелось 109 учебных заведений всех трех типов/Хайдаров.-1965.-с.114/. По подсчетам И.Обидова в 1913г. в Худжанде существовало 10 тыс. детей школьного возраста и в 30 мактабах училось 490 учащихся, в 8 женских мактабах-97 девочек, а в 40 медреса занималось 502 студента/Обидов.-1968.-с.19/. В исследованиях К.Е.Бендрикова, Т.Н.Кары-Ниязова, А.И.Ширматова, М.Гиясова и ряда других авторов количество медреса Худжанда также сильно занижено.

В прошлом по насыщенности медреса отличался и Уратюбе. По подсчетам А.А.Кушакевича в Уратюбе при наличии 9820 жителей насчитывалось 4 медреса и 160 учеников/Кушакевич.-с.52/. По сведениям А.М.Мухтарова в медресах Намозгох обучался 91 ученика, Рустамбека-40, Коктумбазе-30, Саид Гоши Ходжи-12/Мухтаров.-с.94/. В 1887г. был образован Уратюбинский участок в со- составе четырех волостей: Ганчинский, Уратюбинский, Саватский и Далянский. По статистическим сведениям тех лет во вновь образованном участке имелось 101 общеобразовательная школа. Из них 20 в самом городе Уратюбе, 81 в селениях. Количество медреса в городе увеличилось до 5 и в них обучались 490 учеников, мударрисами состояли 50 человек/ЦГА Уз ССР.Ф.47, оп.1, д.189, л.2/. По сведениям 1891г. в 5 медресах Уратюбе обучались 285 учеников, а в 128 школах участка-1170 учеников. В конце 90-х годов в медресах Уратюбе заметно вырос приток учащихся. Например, в трех медресах Ходжафаридинской части города занимались 336 учеников, в двух медресах Ахунской части-249/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.19, л.3107/. Согласно протокола заседания общественных организаций Худжанда от 26 апреля 1918г. в Уратюбе действовала 9 медреса/ЛФ ЦГА Тадж.ССР.Ф.370, оп.2, д.50, л.8/. Как видно из проведенного в первой главе списке, в Уратюбе нами зафиксировано всего 10 медреса, на одну больше упомянутой цифры.

По административно-территориальному делению до 1918г. в состав Худжандского уезда Самаркандской области входили также следующие сельские волости: Унджинская, Уральская, Костакоская, Исфанейская, Науская, Гулякандовская, Ганчинская, Уратюбинская, Шахристанская, Далянская, Саватская/Кошелева.-1948.-с.15/. Из общего количества ме-

раса Северного Таджикистана почти 1/3 приходится на долю сельских медреса региона. Наибольшее количество медреса находилось в селении Костакос. По сведениям А.Кушакевича в Костакосе существовало при наличии 1125 жителей одна медреса с 30 учащимися и 9 начальная школа/Кушакевич.-с.37/. В 1873г. в Костакосе действительно зафиксированы были 1 медреса, 3 каравансарая, 32 мечети, столько же мактабов и 1 базар/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.6, л.76/. В конце 80-х годов XIX в. в Костакосе заметно выросло число вновь построенных медреса, что явилось следствием перерастания сельскохозяйственно-го производства в товарное, в результате чего у обуржуазивающегося части сельского бая скапливался большой капитал, часть которого он отпущал на постройку и содержание благотворительных заведений. Так, в 1891г. в Костакосе уже существовало 5 медреса/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.320, л.23/, в 1902г.-7. В 1905г. в Костакосе функционировали 56 мечетей и столько же мактабов/Вирский.-1906.-с.102/.

Этнографы подсчитали, что до эпохи Советского строя при 8 тыс. жителей селения учащиеся составляли около 15% к общему числу детей школьного возраста/Ершов.-1954.-с.209/. В 1906 г. в Кишлаке Костакосе действовало 7 медреса и 15 мактабов. Накануне установления советского строя в Костакосе функционировало 13 медреса/1960.-№1, -с.8/.

В кишлаке Гулякандоз существовало всего 2 медреса, Унджи-2, Наве-2, Куруке-1, Исфана-1. Всех зафиксированных нами сельских медреса в Северном Таджикистане насчитывалось более 21.

Всего по Худжандскому уезду, без городов Пенджикента, Канибадама, Исфары и Ашта, по статистике 1871г. существовало 50 медреса, где обучался 591 ученика/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.5, л.30/. Согласно статистике 1893 г. во всем Худжандском уезде существовало 54 медреса и 222 мактаба. В медресах занимались 1605 учащихся, а в школах-2533 ученика, из них 408 девочек/ЦГА Тадж.ССР.Ф.1, оп.1, д.489, л.57/. В последующие годы количество медреса по уезду сильно увеличилось. Если в 1871г. имелись всего 30 медреса, к 1907г. их стало 58, в 1909г.-62, в 1910г.-60, в 1918г.-90/ЛФ ЦГА Тадж.ССР.Ф.370, оп.2, д.32, л.2/. Цифра девяносто для исследователей творчества М.С.Андреева показалась слишком высокой и они исправили ее на 9/Акрамова и Акрамов.-1973.-с.68/.

Первый исследователь творчества М.С.Андреева А.К.Писарчик писала, что в ведение М.С.Андреева при его вступлении в 1914г. в должность инспектора народных училищ Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области было 90 медреса и 700 мактабов/Писарчик.-

1960.-с.47.И в докладе самого М.С.Андреева Худжандскому исполнительному комитету от 10 июля 1918г. упоминается цифра 90, но не 9, на что мы уже ссылались. По сведениям другого источника от того же 1918г. в Худжанде и его окрестностях отмечено наличие 65 медреса/ДФ ЦГА Тадж. ССР. Ф.370, оп.2, д.50, л.9/. Согласно протокола заседания представителей общественных организаций Худжанды от 26 апреля 1918г. в Худжандском уезде существовали 4 высших начальных, 32 приходских, 4 русско-татарских, 2 железнодорожных училища и 65 медреса, в то время как на всю остальную часть Самаркандской области приходилось 39 медреса/Там же.-д.50, л.7/. Второй район Самаркандской области, куда входил Худжандский уезд, в учебном отношении был более развитым, чем первый район той же области.

Большое число медреса располагалось также в Пенджикенте. Город Пенджикент в конце XIX в. в административном отношении входил в качестве одной из тюменей Самаркандского уезда Самаркандской области. Сам Пенджикент был невелик, его главные административные и общественные здания, включая сюда и урду/крепость/ пенджикентского бека, группировались вокруг небольшой базарной площади. На северо-западе границы базара вплотную примыкали к урде, а на юго-востоке к мечети-медресе Олим дождо. Остальная часть базара была застроена преимущественно двухъярусными торговыми лавками. В 1974г. в Пенджикенте было зафиксировано 6 медреса, где обучались свыше 100 учащихся, мактабов было 40, во всем пенджикентском тюмене-527/Маев.-1974.-с.115/. Два года спустя в том же Пенджикенте Г.А.Арандаренко подсчитал 4 медреса с 80 учащимися. По его данным в 9 начальных школах города занимались 175 учеников, из которых 40 были девочками/Арандаренко 1889.-с.60/. В 1888г. впервые в Пенджикенте была открыта русско-татарская школа/Ибрагимов.-1971.-с.58/.

Согласно переписи 1897г. в Пенджикенте проживало всего 3658 человека. Грамотность среди пенджикентцев в процентном отношении к общему числу населения в том году равнялась 8,23% среди мужчин и 0,81%-среди женщин/Ирский.-1906.-с.340/.

В Канибадаме, Исфаре и в Айте функционировали всего 7 медреса, но в силу малочисленности городского населения число медреса в них резко относительно медленно.

В целом число медреса в Худжандском уезде, как и по всей Средней Азии, росло довольно бурно вопреки желаниям царской администрации Туркестана и лично генерала Кауфмана, который считал, что медреса мешают саям собор/Масальский.-1913.-с.338/. В.В.Бартольд напротив считал, что "мусульманская школа не только обнаруживает большие зна-

тельные силы, чем ожидали Кауфман и другие первые школьные деятели в Туркестане, но нашла себе союзников среди русских, на почве принципов консерватизма."/Бартольд.-1963.-с.313/. Численный рост медреса в городах и крупных селениях в конце XIX-начале XXвв., по-видимому, определялся также относительной стабилизацией экономики края, общественным и культурным развитием городов и, наконец, повышением товарности сельского хозяйства. Из особенностей наступившего во второй половине XIX в. нового этапа в жизни городов, по мнению М.Е.Массона, является то обстоятельство, что строителями медреса, мечетей, караван-сараяв и прочих сооружений выступали "не эмиры, не беки и даже не духовенство, а именно баян"/Массон.-1973.-с.67/. Эта новая характерная черта в жизни городов и медреса нашла правильное отражение и в многотомной "Истории Узбекской ССР"/1968.-с.399/. Так, в Худжанде среди учредителей более чем пятидесяти медреса только четверо были беками или крупными сановниками Кокандского ханства, постройка же более трети медреса принадлежит крупным баям, купцам, земельным арендаторам и старшинам ремесленных цехов. Впрочем, об этом лучше всего говорят названия самих медреса, носившие имена их основателей.

Переходя к вопросам хронологии медреса, отметим, что среди учившихся медреса Северного Таджикистана древнейшей по времени является мечеть медреса Кокгумбаз в Уратибте. Дата постройки ее была начертана над главным входом мечети, зашифрованная в хронограмме "манжли хайр"/"жилище благодеяния или благополучия"/. Расшифровка хронограммы означает цифру 937 г.х./1530-1531гг.н.э./.. Данные хронограммы подтверждаются и материалами археологических раскопок. Однако в качестве медреса Кокгумбаз начал функционировать только во второй ее строительный период, археологически датированном XVII в.

Медреса Абдуллохона в селении Назгиле Исфаринского района датируется второй половиной XVII в. Дата сооружения, начертанная над центральным арочным входом, зашифрована в хронограмме "Хайра манжам"/"доброе примествие"/, которое означает цифру 993 или 1594г.х., т.е. 1595-1586гг.н.э. Назгилемское сооружение по своему архитектурному решению входит в круг среднеазиатских намазгох XVI-XVII вв. В качестве медреса сооружение в Назгилеме начал действовать лишь в XIX в.

В Канибадаме к числу наиболее ранних медреса относится Мирраджаб Додхо/XVII в./ и Олим/начало XIX в./.. По словам старожилков дата постройки медреса Олим зашифровалась в хронограмме "Раду зам", что означает цифру 1244г.х./1827-1828гг.н.э./.

Время очень жестоко расправилось с архитектурными памятниками Худжанда.

По сведениям энциклопедического труда "Комус ая-аълаи" в прошлом в Худжанде имелось "несчетное число исторических памятников". Уцелели, однако, лишь несколько из них, а все более или менее крупные общественные здания безвозвратно утрачены. К числу наиболее ранних датируемых построек медреса Худжанда можно отнести медреса в квартале Денау, основанную в 1727 г. неизвестным худжандцем, а также медреса Хикматин, Шерби и Мухаммад Собир, основанные в самом начале XVIII в.

В первые десятилетия XIX в. оба общественных центра Худжанда — площади Чоршанбе и Панчшанбе — украсили монументальные медреса Намозгох и Шохи. Дата постройки медреса Шохи дохдо согласно стихотворной хронограмме Имам Али ал-Кухандиан была заключена в последних строках его стиха "забо медреса бунёд карда дохдо", которое означает цифру 1240 г. х. или 1825–1826 гг. н. э. По словам Коми, дата постройки медреса была вырезана на одной из степеней дверей главного входа.

Основная же масса медреса Худжанда, как уже отмечалось, сооружены в 80–90-х годах XIX в. и в первых десятилетиях нашего столетия. Самая последняя по времени — это медреса Аминпочо/1913/, в селение Костакон, дата строительства которой была помечена на одной из кирпичей цоколя медреса.

Медреса исследуемых городов топографически расположены обычно на перекрестках улиц, где традиционно размещался общественный центр квартала, на главных городских магистралях или в ремесленно-торговых центрах городов.

Выявлены два типа медреса — общегородской и квартальный. Сооружение первого типа исключительно монументальны, второе — из сырца, обычно на деревянной каркасной конструкции. По архитектурно-планировочному решению наиболее монументальны медреса-намозгох Абдуллохона в Навгилеме, Мирраджаб дохдо и Оми в Карибадаме, мечеть-медреса Кокгумбаз и медреса Рустамбек в Уратыбе, Оми дохдо в Пенджикенте, Шохин, Хикматин, Ходжа Амин, Намозгох и другие в Худжанде.

Все медреса Северного Таджикистана были сооружены по общим планировочным канонам среднеазиатских медреса: в основе их плана лежал квадратный двор, окруженный в большинстве случаев одностаканным сводчатыми хужрами, снабженными антресолями. Большинство медреса не имеют дорогостратного декоративного убранства. Симметричная фронтальная часть медреса с выступающим порталом обычно резбита на строгие линии, взятые в прямоугольные обрамления и украшены

круглыми угловыми гуддаста с фонариками, поднимавшимися над уровнем кровли/мадраса Оми, Мирраджаб дохдо, Шохин, Хикматин/. Несколько в ином плане была решена фронтальная часть медреса Рустамбека в Уратыбе. Центральные порталы целиком украшены ромбовидными фигурами геометрического орнамента, напоминающего очень близко местный текстиль. Аналогичное украшение портала мы наблюдаем в медреса Камал Кози города Коканда/Захидов. — 1969. — с. 154/. По обоим сторонам портала медреса Рустамбека на уровне второго этажа тянутся арочные галереи, открытые на фасад. Прием этот, как утверждают возник в связи с успехами градостроительства и характерен для бухарских медреса Кукалтош/XVII в./, Бозори густани/XVII в./, Чор банг/Ремпель. — 1962. — с. 227/, а также Саид Аталик/XVII в./ в Денау.

Медреса квартального типа по своей планировке также в основном соответствовали канонам провинциальной планировки монументальных сооружений этого типа, но в отличие от первых они имеют самую простейшую форму архитектуры: прямоугольный двор, по периметру хужры, на фасаде мало выраженный входной портал, чаще с тамбуром. Такой архитектурный тип медреса в XIX в. имел широкое распространение и зафиксирован в Бухаре, Коканде, Ташкенте, Хиве и в других городах Средней Азии. Рождение указанного типа медреса, очевидно, связано с появлением в социальной структуре среднеазиатского городского общества нового обуржуазивавшегося сословия "саи".

По сравнению с хужрами монументальных медреса, хужры квартальных несколько просторнее, что удачно компенсирует отсутствие антресоли. Кроме того, многие хужры в квартальных медреса снабжались кладовками, которые учащиеся лаконично называли "ганджина"/"сокро-винница"/. Окна и двери хужры выходили во двор, окна снабжались рамой и фрамугой и в большинстве случаев застеклялись. При отсутствии обитателей хужры запирались дверной ставней-дарица, которые в богатых хужрах украшены резьбой.

Помещение дарсоны располагалось слева или справа от главного хода, еще чаще на одной оси со входом и состояло из комнаты размером обычно в 13 балок, очень редко — 9. Во многих дарсонах Худжанда вместо обычного традиционного кухонного очага был устроен камин, символически названный "гулханафруз" — "озарявший костер".

Внутренние дворы квартальных медреса не имели вымостки, в центре двора находился пруд, а в медреса-намозгох — два. Они обычно обсаживались плодовыми и декоративными деревьями, цветниками, что редко наблюдается на внутренних дворах крупных монументальных медреса.

Вообще в городах Северного Таджикистана благоустройству и озеленению двора медреса придавали исключительное внимание. То же самое можно сказать и о городах всей Ферганской долины.

Наши наблюдения и анализ добытого материала показывают, что медреса, в отличие от мечети, мазара и гробницы, отнюдь не считались "божественным местом", ибо многие и практически горожане после утраты функций медреса и их опустения без "страха и риска" приспособили многие из медреса под жилье. Например, в Худжанде в восьми бывших медреса, приспособленных для жилья, проживает местное население. То же самое мы встречаем в Уратюбе, Канибадаме, Пенджикенте. Видимо, следует отказаться от привычки включения медреса в разряд культовых зданий только из-за того, что иногда имелись случаи захоронения в медреса. Нам думается, что медреса надо относить к разряду общественно-образовательных центров, чем к культовым памятникам. В городах Северного Таджикистана широко практиковалось совмещение мусаллах-намозгох с медреса. Например, намозгох или ансамбль Хазрати Шох в Уратюбе, медреса, намозгох Абдуллохона в Навгилеме, медреса в площади Машхад в Канибадаме, медреса-намозгох и медреса-мечеть в ансамбле Шайх Муслихиддин в Худжанде и др. В отличие от феодальных городов Средней Азии, где намозгох расположены за чертой города, мусалла Северного Таджикистана, все без исключения, сосредоточены в центре городов, а в Худжанде и Уратюбе их было даже по несколько. Расположение мусалла в центре города отнюдь не является последствием "кризиса" XVIII в. /Кочнев.-с.1976.-с.70/, а прежде всего, связано с объемно-пространственным ростом и монументализмом намозгох и изменением прежней их функции. Таким образом мусалла Северного Таджикистана имели двойное назначение—они были идолами/местами празднеств/ и образовательными заведениями. В основе классификации северотаджикистанских медреса лежит их материальная база.

II. Социальный состав и материальная база медреса.

По своему социальному составу учащиеся медреса были разнородны. Там обучались представители всех без исключения социальных групп общества. Известно, что класс эксплуататоров всегда составлял меньшую часть населения. Эксплуатируемое же ими большинство населения состояло из маловладельцев и безземельных крестьян, городских ремесленников, мелких торговцев и городской бедноты, не имевшей определенной профессии и работающей по найму. Со второй половины XIX в. к этой обездоленной массе городского люда начали при-

бавляться работники новых фабрик и заводов, шахт и других предприятий—новый отряд местного рабочего класса.

По материалам Всесоюзной школьной переписи 1927-1928 гг., на территории Узбекистана, куда до 1929 г. входили и Худжандский округ, всего было зарегистрировано 381 действующая старометодная школа, в их числе 70 мектеба, 5 медреса и 76 школ без указания их типа. В социальном отношении ученики этих школ представляли следующую картину: из общего количества учащихся 42,2% составляли выходцы из крестьянских семей, вторую по численности группу составляли ремесленники и кустари—17,9%, затем торговцы—11%, служители культа—4,4%, дети рабочих и служащих—2,6% /Суботин.-с.80-81/.

В Худжанде и Уратюбе с давними ремесленными традициями и развитой ремесленной промышленностью/в Худжанде из 146 городских кварталов в 26 почти все жители, в 55—более половины, в 53—менее половины занимались различными отраслями ремесла/Турсунов.-1967.-с.25-28/, очевидно, выходцы из ремесленников и кустарей составляли значительную прослойку учащихся. Помимо этого, существовало немало медреса, тесно связанных с ремесленными цехами города. Таковы, например, медреса мастеров уздечников, зеретельщиков, ювелиров, металлургов, котельщиков, текстильщиков и леденщиков в Худжанде, а также Олжорон, Кемухтарон в Уратюбе. Эти медреса, будучи квартальными, обладали незначительным вахфным доходом, которого едва ли хватало на поддержание самого здания медреса. К примеру, годовой доход медреса Конибобон в Худжанде равнялся 70 руб., медреса Гукчигари—48 руб., Дукчигари—16 руб., Кони сурби—32 руб., тогда как доход медреса Шохи доход достиг почти 4 тыс. руб. По словам очевидцев, ученики этих медреса, не дожидаясь доли от дохода вахфа, сочетали учебу с ремесленным трудом. Другие же худжандские студенты, как вспоминает М.С.Бекчурин, занимались перепиской учебников/Бекчурин.-1972.-с.12/. Конечно не все студенты медреса могли успешно сочетать учебу с трудом и несением всего бремени семейных забот и достаточно им было лишиться главы семьи, как они теряли возможности продолжать учебу/Кары-Ниязов.-1967.-с.27/.

Все медреса, тесно связанные с ремесленными кварталами в своей повседневной общественно-просветительской деятельности, выражали идеологию и нравы ремесленных кругов города.

Бесспорно, медреса, как и другие учреждения просвещения и культуры, основывались на канонах классового общества. Здесь нельзя не заметить также чрезвычайно крепкую связь господствующего аппарата ханов и эмиров с медреса, на неизбежность которой на примере буржу-

авных государств Запада указывал В.И. Ленин. Шейбанид Абдуллохон II, например, чтобы расположить к себе умов и многочисленных студентов, устраивал лекции и диспуты в построенном им медресе в Бухаре. Мангытский эмир Шахмурад, славившийся своей показной благочестивостью, иногда приглашал бедных студентов на совместные трапезы во дворец и по окончании выдавал по динару/Дониш.-1967.-с.33-34/. Его наследник эмир Хайдар, получивший образование в бухарских и кашгарских медресах, кичился своей ученостью и устраивал лекции и диспуты в медресе/Айни.-с.25/. Ахмади Дониш пишет, что эмир Хайдар "если всюду было спокойно, то он не выходил из медреса и ханеки и кроме ученых ни на кого не распространял свою милость"/Дониш.-с.36/. Эмир Музаффар, следуя своим предшественникам, в дни своего правления увеличил состав получателей дахьяка от 500 до 1000 танга, а получаемую доху от 40-50/в прежние времена/до 120 танга/Айни.-с.97/.

Во внутренней организации медреса как в фокусе отразились все классовые противоречия феодального общества. Например, все служащие и ученики делились на сословия избранных/ / и простых / / . Р. вахфнома медреса Бухаммаде Шейбанихана в Самарканде пишет: "Еще условие таково: пусть будет один слуга/ходим/, который присматривал бы скатерти, делил бы пищу между избранными и простым/народом/ и прочее"/Мукиинова.-1966.-с.304/. Классовая сущность медреса выступала также в строгом делении худжр на "орюки" и "орияти". Обитатели первой категории худжр, выходя в основном из зажиточных семей, проводили в медресе праздную жизнь и не помышляли о серьезных занятиях наукой. Интели худжр "орияти" были бедными, жили в вечной нужде и скитаниях. По словам С. Айни, худжры они снимали на последние деньги и часто им приходилось перекочевывать на одной в другую, живя в каждой по месяцу, редко-по году/ Айни.-1973.-с.166/. Бедным учащимся организовывали пользование даже библиотекой как таковой, не внушающей доверия. Так вахфнома медреса Сулхонкулихана в Бухаре содержала следующую оговорку: "Книги из библиотеки медреса выдавали только студентам, достойным доверия, но не бедным и нуждающимся. Заведующий библиотекой принимал их книги обратно"/Давидов.-1960.-с.117/.

Точное определение соотношения социальных групп в медресах-вазача не на легких. Известно, что выходцы из зажиточных семей имели лучшие моральные и материальные возможности в получении хорошего образования и достижения высокого интеллектуального совершенства. Однако сравнительные анализы показывают, что грамотность, как и обучение в медресах, не были привилегией только узкого круга господ-

ствующего класса, она проникла в сравнительно широкие слои городского и даже сельского населения. Например, Ал-Исфарайли-крупнейший ученый законоведения в Хв., будучи бедным студентом, работал к тому же, привратником. Другие экономили средства во время курса обучения тем, что спали на минарете/Адам Мец.-1973.-с.157/. В.В. Бартольд указывал на двух братьев из деревни Хартун из Самаркандской области, которые, будучи из низших социальных слоев общества, получили право на образование/Бартольд.-1961.-с.272/. Поэт XII в. Сузани Самарканди в период занятия в бухарских медресах овладел профессией игольщика/Саджиев.-1974.-с.46-47/. Описание жизни на чужбине босого и набого юноши-искателя знаний-дает поэт Навои в одиннадцатой главе своей поэмы "Смятение праведных". Е.В. Бертельс назвал этот сюжет о юноше, пускающемся в поисках знаний из своего города "фигурой довольно типичной для того времени/Бертельс.-1965 с.80-81/. Жизнь таджикского философа Хув. Джалалиддина Давоми в период его учебы в Шкразе была настолько бедной, что он не мог купить осветительное масло/Мирзабев.-1992.-с.26/. Зайниддин Восифи с грустью повествует о судьбе гератских студентов, обучавшихся в Самарканде, двое из которых в 919г.х./1513-1514гг.н.э./, не выдержав голода, продали и проеи свои аубы и от холода умерли/Восифи.-1961.-с.91/. Поэт начала XVII в. Мавлочо Назри Бадахшони обучался в медресе Мавераннахра и стал хорошим учеником. По словам мутриби, Назри Бадахшони жил в одной из худжр медреса Абусаидхона в Самарканде и в свободные часы занимался чеканкой печати и украшением колчана. Таджикский поэт конца XVII в. Мухаммадшариф Гулхани в период учебы в медресе Намангана днем работал поденщиком, а по вечерам занимался наукой/Мазсуми.-1962.-с.44/.

Писут, что Ахмади Дониш в период занятий в бухарских медресах после окончания лекций переписывал книги. Как он сам пишет, в месяц он переписывал один диван Бедия, который оценивался от 20 до 30 танга./Дониш.-1959.-с.185/. Прогрессивный поэт XVIII в. Вафои жил в медресе Арабхона Гургандже в Хорезме. В своей келье он не имел ничего, кроме кошмы и бердана. Все заработанное Вафои делил с обитателями медреса, а сам являлся одним из бедных его обитателей/Абдуллаев.-1958.-с.20/.

Некоторые правители в благотворительных целях учреждали для бедных и осиротевших детей так называемые Дор-ул-итим-Сиротские учебные заведения, где готовили чтецов Корана. В период правления Газанхана/1295-1304/ такая школа была учреждена в Тебризе. Там пять преподавателей обучали более 100 детей навыкам чтения Корана. Как

передает Рашидадин, после того как дети осваивали манеры чтения Корана, им выдавали праздничное вознаграждение, совершали обрезание и затем вместе с ними набирали новобранцев. /Рашид-ад-дин. -1957. -с. 239/.

В персидско-таджикской литературе и философско-этических трактатах среднеазиатских ученых содержится много нападений о преимуществах знаний, науки и несовместимости последней с богатством. Эти пререкания в определенной мере являются отражением исторической действительности. Например, поэт Шахиди Балхи/Хв./, знания и богатство считает понятием противоположными:

Донишу хоста/а/ст наргису гул,
Км ба як чой наркуфанд ба кам.
Хар киро дониш аст, хоста нест,
В-он киро хоста/а/ст, дониш кам.

Перевод: Знание и богатство подобны нарциссу и розе,
Цветут порошны и в разное время.
У кого знание-он беден,
Кто богат, тому и знание бремя.

Философ-моралист второй половины XV в. Джалолоддин Давони пишет: "Многие потомки богатеев, возгордившись состоянием родителей, отклонились от получения навыков в ремесле и образовании и вслед за насуплением перемен в жизни попадали в объятия пропасти и лишения" /Давони. -1893. -с. 213/. Эту мысль несколько раньше очень ярко выразил поэт-гуманист Савди Шероми:

Однажды в Сирии начались смуты.
Все побросали свои насиженные углы;
Разумные дехканские сыновья,
Стали везирами при пидментах.
А слабоумные сыновья везира,
Повили в деревне никчемствовать.

Мадраса городов и селений Северного Таджикистана в прошлом базировались не частные пожертвования, а документ юридически оформленный переводу недвижимого имущества в пользу мадраса, назывався "вакфом". Нередко на вакфные поступления содержались и мактабы, что исключало школьных учителей от уважительных приглашений родителей своих учеников. В то же время вакфлама являлась своего рода уставом мадраса, регламентировавшим весь внутренний распорядок: статус преподавателя, учеников, продолжительность курса, экономические и бытовые условия учащихся.

Институт вакф возник на базе древней храмовой собственности, однако до XVIII в. о нем ни в литературе, ни в праве ничего неизвестно, да и сами средневековые источники дают мало прямых сведений о происхождении вакфа/Ямпольский. -1964. -с. 110-111/. В конце XIX-начале XX вв. в Средней Азии насчитывалось сорок с лишним видов перечней имущества, которые могли быть переданы в вакф. Более чем двадцатью из них владели мадраса.

В вакф могли передаваться населенные земли, оросительные каналы, лавки, каравансарай, бани, дома, сады, мельницы, базарные площадки и др. имущество. В государстве Хулагидов материальное обеспечение студентов шло от джизьи-подати, собиравшейся с иноверцев/Рашид-ад-дин -1971. -с. 344/. Правителями кохандского ханства многим мадраса Ферганской области были переданы хараджные сборы с известных селений, что также заменяло вакф/Керенский. -1892. -с. 6/. Во второй половине XIX в. в связи с развитием ростовщичества в таких хлопкосеющих и зерносеющих районах как Худжанд, Канибадам, Уратьюбе и Истара в вакфы мадраса были переданы деньги, которые войдя в оборот, приносили соответствующие проценты/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, л. 90, л. 120-121/. В критические периоды XVIII-XIX вв. для выплаты пособия учащимся и мударрисам в отдельных мадраса Каршинской области средства брали из законтных сборов/Массон. -1973. -с. 62/. У туркмен Закаспийской области и казахов твердо установленных вакфных имуществ не было. В этих краях мадраса могли существовать за счет "заката", "фитра" и "иската". Кроме того, на содержание мадраса поступали деньги, вырученные от продажи шкур животных, приносившихся в жертву в день праздника иди "Курбан". В некоторых горных районах современного Таджикистана также не было установленного вакфа и здесь учащиеся мадраса кормились в определенной мере за счет населения. Для этого каждый учащийся прикреплялся на "куш"-постой к какому-нибудь отдельному дехкану, который обязан был его кормить. Мударрисы-преподаватели же обычно получали в свое распоряжение несколько ленных хозяйств, а также участок мирской земли./Кисляков. -1954. -с. 138/.

В хозяйственно-статистических сведениях о населенных пунктах Худжандского уезда за 1868 г. с большими оговорками указывалось, что число вакфных земель по Худжандскому уезду составляло 3120 тананов/ЦГА Тадж. ССР. Ф. I, оп. I, л. 2293, л. 8/. А. А. Кушакевич же определил количество вакфных земель по уезду в 7035 тананов/1380,4 га/. По сведениям того же года только в одном городе Уратьюбе вакфных земель было 1420 тананов, в 80-х годах общее их количество по Уратьюбинскому району составляло 10826/Мухтаров. -с. 62-63/.

По последним данным, относящимся к 1918г. в Худжанде имелось 14 тыс. тананов вакфной земли и 367 вакфополучаемых учреждений/ИГА Тадж. ССР. Ф. 6, оп. 1, д. 90, л. 150-151/, которыми уповаяли 409 мутаваллий. Там же, д. 1498. - с. 3/. Мутавалли, ведущий хозяйство мадраса, обычно сдавал эти земли в аренду крестьянам, взимая в качестве налога 1/4 или 1/10 часть урожая. Фруктовые сады арендовались по 3 руб. за каждый танеп. За аренду одного участка земли, например, крестьянин платил мутаваллию мадраса Намозгох Худжанда 20 руб., а за аренду земли в размере 1 джуфти гов в Соли Читгарон Худжанда - 40 руб. Арендатор участка земли "Лойка"/рисовое поле/ мером в 16 чойраков риса в местности Курук обязан был первый год платить 12 тилло, второй год - 20 тилло/80 руб./. Жители Худжанда Мирзо Хошим на вакфной земле в квартале Чорбог построил хлопкоочистительный завод и за аренду платил 30 руб./ИГА Ув. ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 10247, л. 43/.

Наиболее стабильные доходы получали мадрасы и другие культовые учреждения Худжанда от сдачи в аренду базаров, лавок, бань, мельниц и каналов. Например, в Худжанде каждая лавка в среднем приносила от 12 до 15 руб. дохода. Сарай Шохи в Худжанде с 64 лавками и одним навесом - 498 руб. дохода/ИГА Тадж. ССР. Ф. 1, оп. 1, д. 1216, л. 20/. Половина дохода каравансарая в Пенджшенбе в размере - 140 руб. поступала в казну мадраса Миразмзбая/Там же. - д. 65, л. 36/. Одна мельница на рынке Раззок приносила - 20 руб. дохода. Таких примеров много.

Примерно такая же арендная плата существовала и в других городах Ферганской долины. Так, мадраса Абдулкосым Фармоначи в городе Мергелане с двух лавок в шелковом ряду на городском базаре получала - 19 руб. дохода, с трех лавок в халатном ряду - 24 руб., с трех лавок в кузнечном ряду - 27 руб., с трех лавок мылоторговли - 32 руб., с одной чайханы - 25 руб./Махмудов. - 1973. - с. 46/. Арендная плата за лавки, очевидно, устанавливалась по номенклатуре и дефициту торгуемых товаров.

Вода также была одной из доходных статей мадраса. Куха воды в сутки в Худжанде стоила от 24 руб. до 50 руб., в то время как один пуд пшеницы стоил 30-40 коп. Жители Костакоса за 16 санг воды поставляли в мадраса Хиштин города 544 пуда пшеницы. Некий Мухаммад Шариф из Канибадама купил половину воды "Старого арыка" селения Каллисте за 15 ходячих тилло и пожертвовал в вакфы мадраса Сим и Мирраджаб дождо/Етани. - 1968. - с. 282/. Большая часть колодцев Каршинского кургана и вне его составляла вакфную собственность. За пользование водой полагалось плата в один медный пул/примерно 1/4 копейки/. Монетки бросались в корыта-сакия, которые каждый вечер обхо-

дил мутавалли, забирая из них дневную выручку/Массон. - с. 77/. Согласно существующему риваяту, мутаваллиям мадраса разрешалось также взимать плату с владельцев лавок, пристроенных к наружным стенам мадраса.

В 1907г. доходы 39 мадраса города Худжанда составили 9800 руб. деньгами и 2 пудов зерном/ИГА Тадж. ССР. Ф. 1, оп. 1, д. 813, л. 39/. В 1914г. они составили 9610 руб./Там же. - д. 920, л. 6/. Доходы только 12 мадраса Раззокской части города равнялись 1166 руб. Вакфы пяти мадраса города Уратйбе равнялись 2500 руб. По сведениям 1876г. вакфы мадраса и мактабов Пенджикента составили всего 518 руб. Всего в Пенджикентском районе насчитывалось более 1600 тананов вакфной земли. По всему Худжандскому уезду доходы мадраса от вакфов составляли 11530 руб. деньгами и 2008 пудов зерном.

Эти цифры весьма относительноны, они мало отражают подлинное состояние вакфного дохода мадраса исследуемой территории. Если годовой доход только одной мадраса Шохи города Худжанда составлял 3780 руб., а мадраса Шейх Муслимиддина - 2000 тыс. руб., т.е. половину всего дохода по уезду, следовательно, сумма дохода, получаемая всеми мадраса Худжандского уезда от вакфа, была гораздо больше. В Худжанде богатые вакфы имели также мадраса Хиштин и Намозгох. В Уратйбе мадраса Худояра Валами в квартале Намозгох. Доходы мадраса Котгумбаза составляли 1674 руб., Рустамбека - 1325 руб.

Обширными были вакфы мадраса Мирраджаб дождо и Сим в Канибадаме. Все вакфы четырех мадраса Канибадама и духовенства составляли свыше 555 десятин земли, которые в 1921г. были конфискованы и переданы безземельным крестьянам/Аминов. - 1965. - с. 90/. Однако, на общем фоне доходов мадраса городов Бухары, Самарканда, Коканда и Ишты доходы мадраса Северного Таджикистана кажутся более чем скромными. Так, в конце XIX в. Бухарском эмирате вакфное земледелие духовных феодалов составляло 24% всей земельной площади. Общий доход всех мадраса в Бухаре в начале XX в. доходил до 4 млн. 742 тыс. танга/Ремпель. - 1962. - с. 228/, а по другим источникам - всего лишь - 500 тыс. танга. В Бухаре наиболее доходными были мадраса Кукалтош и Диванбеги с годовым доходом 150 тыс. танга и Джаффарходжа, где преподавали более сорока мударрисов. По словам С. Айни, хотя мадраса Джаффарходжа была деревянной и очень сырой, однако непригодные для жилья худжры ценились по 5 тыс. танга, потому что у этой мадраса был очень богатый вакф./Айни. - с. 151/.

В конце XIX в. в городе Самарканде и Самаркандской области имелось 142 учреждения, которые владели вакфом. В их распоряжении

находилось 59991 тан. поливной земли, дававших доход в 34621 руб. 40 коп. в год, 210 лавок на базарах с доходами более 7 млн. танга, а также 7 каравансараев и 4 мельницы давали десятки тыс. рублей дохода/Вяткин. -1912. -с. 98/.

Мадраса Тиллукори, Ширдор и Улугбека имели больше дохода, чем все остальные мадрасы города вместе взятое. Так, две первые мадрасы города в 1874г. имели 25 участков земли в размере 11610 таннапов, 8 лавок с общим доходом 38000 танга в год. Мадраса Улугбека имела один участок земли в размере 400 таннапов, 2 базара, 211 лавок с общим доходом 3830 танга в год. Мадраса Мухаммад Амин иначе в Хорезме имела 33325 тан. поливной земли, Кутлумурад иначе - 24634 таннапа. Согласно сведениям П.П. Иванова доходы мадрасы Кутлумурада в 1858г. составляли 1880 сатманов, 10 сир и 40 агры/Иванов. -1940. -с. 150/. Мадраса Мухаммад Рахима занимала особое место в ряду других мадрас города Хивы. Ее крупное латифундальное хозяйство состояло из более чем 51141 тан. земли и множества другого недвижимого имущества.

В 1892г. средний доход 7 мадрас города Оша составил 3320 руб. Из них самой богатой была мадраса Алимбека додхо, имевшая 100 вакфуных лавок, приносящих в год 1600 руб. дохода. Большие вакфные доходы имели также мадраса города Коканда. Здесь на 34 мадрасы приходится свыше 64 тыс. руб. годового дохода.

Как известно, товарность и специализация сельского хозяйства Ферганской долины по выращиванию хлопка наметились несколько раньше, чем в других областях Туркестанского края. Царская администрация в интересах развивающейся промышленности метрополии полностью специализировала сельское хозяйство Ферганской области в производстве хлопка. Так, Ферганская область в 90-х годах XIXв. давала около 80% всего сбора хлопка-сырца в Туркестане. Соответственно и доходы мадрасы Ферганской долины были значительно выше, чем в Сырдарьинской и Самаркандской областях. В среднем доходы всех ферганских мадрас составляли - 147797 руб. В том числе свыше 2 тыс. руб. дохода в год имели 12 мадрас, от 1000 до 2000 руб. - 13 мадрас, совсем не имели дохода 15 мадрас. По отчету за 1892г. в Самаркандской области имелось 58 мадрас из них 40 городских и 18 сельских. Средний их годовой доход равнялся 28555 руб. Свыше 2 тыс. руб. дохода имели 12 мадрас, от 1000 до 2 тыс. руб. - 7 мадрас, не имели дохода - 9 мадрас.

Вакфы мадрасы Северного Таджикистана, за исключением незначительного числа вакфодателей, носителей государственного чина и круп-

ных духовных званий, повсеместно облогались податью в пользу государственного дивана. В тех случаях, когда государство отказывалось от получения подати, этот отказ закреплялся дополнительной грамотой хана. В Худжанде всего три мадрасы - Шохи, Уштин и Немозгох были освобождены от уплаты налогов. Например, вакфный документ на двадцать вакфных имуществ, завещанных беком Худжанда Халыкуль Мирзо в 1224 году хиджры/1809-1810гг./, приложена печать Худоярхана в 1274г. х. /1857-1858гг. н.э./ с особым указанием от освобождения от диванских поборов/ЦГА Уз ССР. - 12, оп. 1, д. 10247, л. 43/.

Колониальная администрация Туркестана также не была безучастна, когда вопрос касался вакфа. В.В. Бартольд отмечает, что администрация Туркестана вмешивалась в дела мадрасы только тогда, когда вопрос касался вакфов./Бартольд. - с. 314/. В вакфном вопросе, как и в учебном, царизм проводил тенденцию консервации и охраны пережиточных феодально-крепостнических институтов. Все вакфы считались действительными только при условии признания их правительством. Но признавались действительными далеко не все вакфные грамоты. В Ташкентском уезде, например, из 399 представленных экспертизе документов были признаны действительными, т.е. отвечающими закону, только 6. В Самаркандской области из 1758 представленных документов за отсутствием ханской печати были отклонены 1651 документа. По Ферганской области из 5800 документов отклонены были 4177 документа/Кудашев. -1969. -с. 72-73/.

Согласно протоколам комиссии по вакфному делу при Туркестанском генерал-губернаторе из 7509 документов на право владения вакфом, представленных в 1887г., лишь 737 имели ханские печати. Учреждения, вакфные документы которых не утверждались, вносили государственные сборы и подати, но не лишались окончательно получения доли вакфного дохода. Одним словом, из прежних вакфов мадрасам удалось сохранить далеко не все. В 80-х годах XIXв. были случаи передачи вакфов одной из ташкентских мадрас русскому благотворительному обществу. Многие мадрасы, в том числе и Худжанда, под предлогом "отсутствия" муэдириса и состояния "упадка" были упразднены, а их доходы зачислены в счет директора народных училищ Сырдарьинской области на содержание русских классов, открытие которых намечалось в здании упраздненного ташкентского мадрасы Шукурхан. Бесценой доход от упраздненных вакфов мадрасы Туркестанского края, а также вакфов бухарских мадрас, находившихся в пределах Самаркандской области составили свыше 9 тыс. руб. Эти средства, как не удивительно, по поручению Кауфмана были обращены в церковные имущества для последую-

шего финансирования строительства православного собора в Самарканде, а также для поддержания личного персонала этого собора/ЦГА Тадж. ССР. Ф. 1, оп. 14, д. 89, л. 3-5/.

Колониальная администрация обложила также все медреса Туркестанского края различными налогами в пользу города. Согласно донесению 3-го Инспектора народных училищ, в Самаркандской области, начиная с 1873 г. проводилось отчисление части вакфных доходов медреса в распоряжение областной администрации. С 1878 года медреса области были обложены сбором в городской бюджет. Так, из дохода меньше 100 руб. отчислялись 8%, от 100 до 500 руб. - 10% и более 500 руб. - 15%. Эти средства расходовались, главным образом, на нужды русской части города Самарканда/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 373, л. 171/.

В 1887 г. особым распоряжением генерал-губернатора края повсеместно были проведены опись и оценка вакфных имуществ для взимания с них однопроцентного дохода в пользу благоустройства городов. Работы по описи и оценке были закончены в 1891 г., причем только сумма дохода от вакфов медреса Самарканда составили 600 руб. В 1894 г. медреса Шохи додхо Худжанда отчислили в этот счет 37 руб., уратубинские медреса Кокгумбаз - 10 руб., Рустамбек - 12 руб.

Эти поборы тяжело оказывались на материальном положении медреса. Н. А. Бобровников пишет о жалком состоянии многих медреса Самарканда, Н. П. Остроумов - о кокандских медресах, за которыми не были утверждены все вакфы, что приводило к недовольствам. В 1895 г. учебная администрация края обязала всех мутаваллиев медреса внести имеющиеся у них наличные деньги в ближайший банк. Мутаваллиям выдавались только проценты с капитала/ЦГА Уз ССР. Ф. 47, оп. 1, д. 601, л. 69/. В ведении Российского министерства народного просвещения было 20 медреса с общим капиталом 12 тыс. руб. В том числе Худжандская медреса Масобир эшад имела 200 руб. капитала, Усто Мухаммад Али - 600 руб., Костюковская медреса - 400 руб./Там же. - л. 77/.

Средства, поступившие от вакфа после уплаты налогов, отчисления на ремонт вакфных имуществ и благоустройства зданий медреса, согласно воле учредителя вакфа, выраженной в документе, распределялись между служащими и учениками медреса. Как известно, во всех медреса Средней Азии существовала трехступенчатая система обучения и поэтому при распределении пособия учащимся учитывалась степень курса.

Служба в медресах и посещение занятий в назначенные дни были обязательными. Специальное лицо регистрировало явку служащих и учащихся. Пропустивший службу или занятия без уважительной причины

лишался довольствия за пропущенные дни. В "Вакфнома" Мухаммада Сайсанихана по этому поводу говорится: "Еще условие таково: следует назначить одного человека, ставящего точки, для того, чтобы он отмечал точками/имена лиц, не присутствовавших на службе/, и сколько у ставящего точки соберется этих точек в отношении мударриса, музиды, мусдира, учеников, хатифов и слуг-мутавалли соответственно /числу точек/ должен определить содержание"/Мукиинова. - с. 301/. Еще условие таково: каждый из мударрисов, музидов, мусдиров, студентов и хатифов, кто без законного оправдания в дни занятий пропустит службу, установленную в упомянутые дни, /тот/ пусть не получает довольствия за этот день". В медреса Насириддина Туси в городе Маргара/Хиив./ содержание выплачивалось факультативно. Например, студенты, обучающиеся на философском факультете за день получали 3 дирхема, медицинского факультета - 2 дирхема, на факультете теологии - 1 дирхем, инженерный факультет - 0,5 дирхема и т. д. Здесь явно сказывается стремление Насириддина Туси к развитию естественно-научных дисциплин, которые после набегов монголов и господства реакции находились в состоянии упадка.

По словам Дониша, вакф и мутавалли существовали лишь для того, чтобы "собрать долю бедных учеников и вовремя выдавать им, дабы не было помех для их учебы"/Дониш. - с. 70/. Однако учащимся доставалась самая ничтожная часть дохода и часто им самим приходилось изыскивать средства для существования. Так, в Ташкенте в некоторых медреса учащиеся получали от 50 коп. до 1 тилло в год. Размеры содержания колебались от 4 до 40 руб. в год. А. Вамсери писал, что самые нуждающиеся ученики Бухары получали пенсии от эмира/Вамсери. - с. 181/.

В медресах северных районов Таджикистана 1/10 часть дохода получал мутавалли, в потомственных вакфах 1/5/. Мударрису доставалась обычно 1/5 или 1/3 часть, а иногда половина дохода. Например, в медреса Шамсиди города Худжанда мутавалли получали 1/10 часть дохода, мударрис - 1/3, ученики - 2/3 части дохода. В 1903 г. мударрису медреса Намозгях Худжанда было выдано жалование в сумме 80 руб., мутавалли - 40 руб., 5 ученикам высшего курса/аъло/-по 17 руб., 7 ученикам среднего курса/авсат/-по 12 руб. 75 коп., 6 ученикам низшего курса/адно/-по 8 руб. 80 коп., 4 ученикам того же курса - по 8 руб. и еще двум по 4 руб./ЦГА Уз ССР. Ф. 13, оп. 1, д. 10247, л. 50/.

Доля дохода, получаемая учащимися Ферганских медреса, была сравнительно велика. По словам Туркаты, в богатых медреса ученики высшего курса получали до 15 золотых в год, низшего курса - 7,5 зо-

лостях/фуркат. -1960. -с.137/. В мадраса с частными художями раздача дохода производилась исключительно по художям. Так, художя мадраса Дюми в Андижане приносила его хозяину в год 200 руб., при этом художы там оценивались до 700 руб. Художы бухарской мадраса Кукаль-тош стоили от 100 до 120 тилло и приносили 5 тилло дохода, мадраса Мирараб-90-90 тилло и 7% дохода. Обильный доход-до 25 тилло в год получали обитатели мадраса Джуйбор/Вамбери. -1865. -с.181/. Значительную долю дохода присваивали себе мударрисы и мутавалли. В богатых мадраса мударрисы получали от 50 до 80 тилло. Мударрис мадраса Нодир Мирза Тагай в Самарканде получал в год 720 чистых серебрянных тенге и 200 батманов хлеба, старший мударрис мадраса Тиллокори в том же Самарканде-700 руб., а мударрис мадраса Сарай Милл Хеним-100 тилло. По свидетельству Ахмада Дониша, месячное жалование мударриса бухарских мадраса составляло 300 динаров/Дониш-1959. -с. 201/. Месячная зарплата мударриса мадраса Ибния в городе Султание /ХII в./ составляла 1015 динаров, репетитора-750. Алишер Навои пожаловал мударрисам построенного им мадраса 1200 золотых и 15 мешков зерна. Шести ученикам высшего курса 24 золотых и 5 мешков зерна, восьми средним-по 16 золотых и 4 мешка зерна, еще восьми учащимся низшего курса-по 12 золотых и 3 мешка зерна/Навои. -178/. В Каш-мадраса Мухаммеда Шайбонихона двум мударрисам выплачивали каждому ежемесячно 600 медных динаров, что в году составляло 7200 медных динаров. Для оплаты жалования и пособия учащимся мадраса Низомия Багдада/ХIV в./ ежегодно употреблялось 1500 динаров./Сейд Нафиси. -с.5/. По условиям многих вакфсдателей пособие выдавали только в течение восьми лет, после истечения указанного срока содержание не выдавалось/Мукминова. -с.301-302/.

Помимо пособия натурой и в денежной форме в отдельных мадраса выдавали горячее питание и одежду. Например, ученики мадраса Мустасирия Багдада/ХI-ХII вв./ ежедневно получали из продуктового склада мясо, хлеб, сладости, фрукты, мыло и т.п. По словам арабского путешественника Ибн Батуты/1304-1377 гг./, ежедневный рацион учащихся мадраса города Басры состоял из риса, фельфеля/перца/каренного в масле, ципленка жаренного, хлеба и халвы/Ибн Батута. -1348. -с.202/. В городе Тебризе в мадраса Сарй ангушт учащиеся в тяжелые голодные годы отпускали варенную баранью голову и хлеба, в мадраса Ихлосия Герата особе нуждающимся ученикам по рекомендации мударрисов на зимний период выдавали меховую шубу, ученики, теплы кафтаны.

Порядок выдачи горячего питания и одежды ученикам мадраса практиковался и в позднее время. Согласно сведениям К.Д.Жакова

дневной рацион питания состоял из двух лепешек, чашки супа, в неделю один раз/по пятницам/ чашки плова, а в месяц 20 коп. В конце года учащиеся получали халат, пару сапог, калоши, ситец на две рубешки и двое пароваров./Жаков. -с.417/.

В мадрасах Северного Таджикистана горячее питание выдавали лишь в "благословенные" дни, в остальное время учащиеся/обычно сселятники/складывались и покупали продукты питания, топлива на зиму или же привозили из дома и хранили в специально устроенных кладовках, которые назывались "танчина".

В северных районах Таджикистана вакфы были ликвидированы в ноябре 1928 г. Однако со времени победы Советской власти и до окончательной ликвидации частного землепользования решением Всетуркестанского съезда Советов от декабря 1922 г. на доходы вакфов содержались культурно-просветительские учреждения, советские и новометодные школы. В городах организовывались отделы вакфов, работу которых координировало "Главное управление по вакфам" в Ташкенте.

Вакфная собственность составляла одну из форм землепользования и являлась источником дохода как реакционного духовенства, так и многочисленного сословия демократической интеллигенции, а также неимущих учащихся. Поскольку мадраса основывалась на сословно-классовых принципах, беднейшим учащимся доставалась самая ничтожная часть доходов и им приходилось, как это не раз подчеркивал С.Айни, самим изыскивать средства для существования.

III. Роль и место мадраса в общественно-политической и культурной жизни городского общества. Общественные функции мадраса были весьма обширны, их роль не сводилась только к подготовке лиц духовных званий. Успешно окончивший полный курс мадраса в зависимости от социального и материального положения обычно получал должностную казину, эълэма, муфти или их помощников, а также различные государственные должности. Наиболее отличившиеся ученики оставались при мадраса, терпеливо ожидая объявления вакансий мударриса.

Получать должность мударриса было задачей не из легких, она сопряжена была со многими трудностями. Чтобы стать мударрисом, - пишет С.Айни-надо было долгие годы выпрашивать должность у казначейона, кулбеги и других важных лиц/Айни. -1971. -с.91/. А что же касается получения должности в ведущих мадраса, следовало не менее десяти лет проработать мударрисом в какой-нибудь маленькой мадраса, а затем, постепенно, в три-четыре приема достичь эту должность.

Отдельные предприимчивые ученики, чтобы получить должности, а таких по горькому признанию Дониша было немало, прилежно ходили на лекции козы и раисов, несущих административные должности. С. Айни вспоминает, что "в последние годы обучения комната верховного казие не могли вместить всех, кто хотел слушать его лекции. Такое рвение учеников объяснялось просто: верховный казий распределял должности в государстве и назначал чиновников на различные посты. При этом, он, понятно, отдавал предпочтение ученикам, окончившим обучение у него, а не у других преподавателей"/ Айни. -1974. -с. 160/. Основную массу выпускников медреса "поглощали" многочисленные административные и придворные чиновнические должности. Структура государственного аппарата и придворные чины времен аштарханидов и мангитов Бухары подробно исследованы В.В. Бартольд, А.А. Семеновым, М.С. Андреевым, А.Б. Вильденовой, поэтому, видимо, нет необходимости останавливаться на них подробно. Каждый бек, амлордор, хоким, мир и др. имели штат собственных мирзо-писца и канцеляриста. В трех среднеазиатских ханствах таких административных единиц насчитывалось до тысячи и все они пополнялись за счет выпускников медреса. Объем знаний, даваемых в медресах, вполне отвечал природе бюрократического аппарата Среднеазиатских государств. Но окончившие курс медреса, не желавшие иметь дело со службой, подобно поэту-просветителю Тохсиджа Асири, предпочитали заработать на насущный хлеб своим ремеслом.

В иерархической лестнице Бухарского эмирата мударрисам отводилось четвертое место. В трактате о чинах и званиях указывается, что мударрисами могут быть зачислены и те лица, которые пока не пользуются известностью как ученые, но большую часть своего времени тратят на преподавание ученикам/Семенов. -с. 140/.

Должности мударриса в крупных медресах обычно закреплялись за представителями родовитой аристократии, находившимися под опекой верховной власти и являвшимися носителями государственного чина. В частности, мударрисы бухарских медреса делились на несколько разрядов. Высшим был охунд, который назначался в медреса Кукалтов, за ним следовал эфенд, назначавшийся в медреса Гоккушон, затем несколько муфтий, которые назначались в медреса Розийн, Ходжа Би-хол, Мир Араб и др./Сухарева. -1958. -с. 98/. Особыми званиями, казначейскими в определенных медресах, были также "мударрисы банораспуш" и "мударрисы бекасабпуш". Каждому духовному чину и степени соответствовала и определенная одежда. Небольшой привилегией пользовались "мударрисы банораспуш", которые могли быть приглашены, в частности, на торжество по поводу коронации эмира.

Следующую крупную мударрисов составляли потсметственные ишаны, сенды, ходжи и представители суфийских орденов и сект, выступавшие религиозными оберегателями и проводниками идеологии ислама. Но значительную часть мударрисов, муфтидов во всех медресах обычно составляли рязовые представители общества, происходившие из средних и низших слоев городского населения и выражавшие часто прогрессивные мысли и настроения народа. Наиболее четко последнее, как известно, проявилось в литературе, общественно-политической, философской и педагогической мысли таджикского народа.

В условиях средневековья, где медреса нередко пользовались автономией и не часто подвергались контролю, роль мударриса была исключительно велика. От его мировоззрения, интеллекта и знаний целиком зависело содержание и идейное направление занятий. Например, в XIII в. Насриддин Туси основал в городе Мерога медреса, где сам и его окружение из Мероганской обсерватории читали лекции. Причем занятия проходили факультативно и главным предпочтением отдавалось светским наукам, таким как философия, медицина, инженерные науки. Светская наука преобладала над богословскими и в знаменитой улугбекской медресе в Самарканде. Знаток истории культуры Средней Азии А.Г. Якубовский по изображению звездного неба на изразцовой декорации портала улугбекской медресы установил, что "медресе не только место преподавания высших богословских дисциплин, но и наук точных, в том числе и астрономии"/ Якубовский. -с. 18/. К такой же мысли склонился и В.В. Бартольд, который отмечал, что "монгольские ханы поощряли точные науки вследствие их практического значения"/ Бартольд. -1964. -с. 134/.

По свидетельству историков Абдуразака Самарканди, Мирхонда и Давлатхои Самарканди в медреса Улугбека, Ахмада Ходжибека, Фазлуллы Абуллайса и др. ученые вели научную работу, поэты и писатели создавали художественные произведения, составляли диваны стихов. Малехо Самарканди в своей антологии сообщает, что он имел келью в Мирхонда Вафо и всегда у него собирались утонченные поэты и писатели той эпохи. Например, Алишер Навои постигал азы философии, труды Платона, Аристотеля и Ибн Сины в медреса Ходжа Джалаллидина Фазлуллы Абуллайса в Самарканде. Очевидно, под непосредственным впечатлением мударрисов Самарканди и прогрессивных ученых Герата он в последствии высказал мысль, что "Они/мударрисы/ должны духовные науки знать, а людей светским наукам обучать"/ Навои. -1970. -с. 21/. И в поздние века в Бухаре, Самарканде, Коканде, Худканде имелись не-

мало мударрисов, у которых учащиеся постигали тайны точных наук. Один худжандский книготорговец по имени Сиддикходжа Тоджири кутуб в письме, адресованном мударрису одной худжандской медресы, писал следующее: "...Пусть впредь не будет скрытой от господина/моего/, что в истекшем номере м-це из Индии и Стамбула, мною получены около семидесяти названий учебников медресы, относительно наук геометрии, математики, астрономии, космологии, в том числе, сборники интересных рассказов и приключений, сочинителями которых являются арабские и восточные авторы. Все/книги изданы на хорошей бумаге, переплет их восхитительный. Заодно направляю Вам списки этих книг"/Рахим Джаали.-1974.-Ф.106/. Подготовивший это ценное письмо писатель Рахим Джаали писал, что "в книжной лавке торговца продавались труды древнегреческих авторов, сочинения индийских и арабских путешественников. Всего в Худжанде в начале ХХ в. существовало шесть книжных лавок/ЦГА Тадж.ССР.-Ф.6, оп.1, д.30, л.28/. Упомянутый Тоджири Кутуб держал постоянную связь с издателями Бомбея, Лакнау, Нулкишвара в Индии и Стамбула в Турции. В частности, два его сына в 1918-1919 гг. были определены в медресу Девбанда по личной инициативе хозяина типографии города Лакнау. Книжки, таким образом, могли попасть книготорговцу уже по заранее составленным заявкам, где книготорговец учитывал запросы худжандских учащихся и горожан на ту или иную литературу.

На наш взгляд, между фактами деятельности уроженца Худжанды астронома и конструктора второй половины Хв. Абу Махмуда Худжанди, высказыванием анонимного автора о Худжанде "как о городе-обиталище звезд астрономической науки", конструированием Ходжи Юсуфа Мирфаязова третьего по числу глобуса на Востоке, сочинением последнего популярного трактата по астрономии и письмом упомянутого книготорговца лежит глубокая связь научной традиции Худжанды, которая однако остается по сей день мало исследованной.

В прошлом мударрисы, мактабдоры и учащиеся медресы в известной мере составляли наиболее образованную прослойку населения города. Так, из 145 поэтов, отмеченных в тазкира Вокса, 20 были мударрисами медресы, II школьными учителями, II студентами медресы/Расул Ходигода.-1968.-с.26/.

В научных кругах Худжанды большой славой пользовался Домулло Мухиддин, мударрис медресы Накиб. По словам писателя Рахим Джаали, мударрис Мухиддин являлся выпускником самаркандского медресы Улугбек, он являлся глубоко эрудированным человеком, имел дружбу с поэтом Тохтоджем Асиям, ученым Ходжей Юсуфом, народным певцом Содир-

хоном, презирал чванство и лицемерие. За вольнодумство и критику ансакала Худжанды, рапортом от 18 августа 1914 г. был обвинен в психическом расстройстве и отстранен от занимаемой должности. Однако, вскоре мударрис был восстановлен на прежней должности, очевидно, стараниями Ходжи Юсуфа. Домулло Мухиддин с теплотой встретил новую Советскую власть.

Другим прогрессивным мударрисом худжандского медресы был знаток географии, математики, астрономии и один из первых организаторов новометодных школ в Худжанде Хусейн Роджи. Сведения о жизни и деятельности этого деятеля культуры весьма скудны. По словам худжандских старожиллов Хусейн Роджи был воспитанником университета в Стамбуле, некоторое время преподавал в одной из медрес города, в 1907 г. в своем доме, в квартале Намозгох, открыл новометодную школу.

Следующим влиятельным деятелем худжандской культурной среды был мударрис медресы Ладжомгарон/узбечников/ Абдурафур Махдум Фавзи, известный в народе по прозвищу Махдуми Булбул. Абдурафур Махдум считался превосходным каллиграфом, музыковедом, певцом и поэтом. Его перу принадлежат несколько превосходных газелей, впервые опубликованных в монографии А. Мурадова/Мурадов.-1971.-с.128/. Нем мударрис был также составителем дивана Абдулатифа Хисори-крупного каллиграфа Средней Азии, поэта и путешественника, у которого Абдурафар некоторое время состоял учеником.

Призванный лирик XIX в. Мухаммадминходжа Кошиф/Кошиф.-1962.-с.4/, сын мударриса медресы Хиштин-Бузурукходжа, некоторое время преподавал в медресе квартала Боён. Отец и сын являлись горячими поклонниками литературы и искусства Худжанды. В частности, народный певец Содирхон Хофиз теорию музыки изучал именно в доме Кошифа.

Большим знатоком приспуденции, астрономии, медицины, географии и музыки был Мулло Абдурахим, у которого мелодой Кошиф, будучи учеником медресы Намозгох, обучался этим наукам.

О преподавательской деятельности главы худжандских деятелей культуры рубежа XIX-начала XX вв. Ходжи Юсуфа прямых сведений нет, но по свидетельству его дочери Шарафисо, некоторые ученики худжандских медрес приходили в дом Ходжи Юсуфа и занимались с ним науками, в частности, она указала на ученика медресы Ходжанамола, Корихусайна.

Многие Худжандцы в поисках знаний и работы по призванию покидали пределы родного города и прославлялись в других краях. К числу первых таких деятелей принадлежит уже упоминавшийся Абу Махмуд Худжанди. Худжандский ученый занимался научной работой в стенах Академии Махмуда в Хорезме, работал в Райской астрономической обсерва-

тории, воспитал целую плеяду учеников, о чем с благодарностью вспоминали Бируни, Намсиддини Тохини и другие. Шохин писал:

Агар Буалиро сарбаланди гирифт,
Зи ыни хакими Хучанди гирифт.

Перевод: Если Буали/Ибн Сина/ прославился на мир,
То лишь благословением хакима/ученого/Худжанди.

В ХІ в. в Исфагане прославился ученый педагог Садр ад-дин Худжанди. В 483 г. х. /1040-1041 гг. н.э./ Низам ал-Мулк основал в Исфагане медресе, по имени первого его мударриса Садр ад-дина Худжанди назвал ее Садрия. Наш земляк, очевидно, для чтения лекций, приглашался и в медресу Низамия Багдаде. Путешественник Ибн Джубейр из Андалусии, посетивший в апреле 579 г. х. /1183-1184 гг. / Багдад, передает, что он присутствовал и слушал в Низамии проповедь Садр ад-дина Худжанди, с которой он выступил перед огромной восторженной аудиторией/Ибн Джубейр. -1964. -с. 196/. Путешественник добавляет, что проповедь Садр ад-дина читал на двух языках, декламируя каждый раз определенными стихами.

В Исфагане жили довольно много выходцев из Худжанды. По словам автора книги "Истории Ямینی", все они являлись учеными людьми, у них существовала своя библиотека, которая по имени ее основателей называлась "Китобхонаи Худжандиён". Выходцем из Худжанды являлся также выдающийся медик Фахриддин Худжанди. Исследователи его творчества пишут, что Фахриддин внес много поправок в книгу ученого-медика из Багдада Абдуллатифа Исуфа, а также дополнил известный всему миру труд Ибн Сино "Канон врачебной науки".

В XII в., в эпоху правления Караханидов, протекало творчество поэтов Ачабики Худжанди, Шихсони Ризоли Худжанди, Зиёуддина Худжанди. Согласно автору тазкира "Лубоб ул-албоб" Авфи, Зиёуддин Худжанди "был из числа знатоков мудрости и философии". Он считался обладателем дивана стихов, его скрепляла творческая дружба с поэтом Сайфи Исфагани, который посвятил Зиёуддину много газелей/Сайфидин. -1974. -с. 16.

После захвата Худжанды монголами в 1221 г. в городе на некоторое время прекратилась культурная жизнь. Например, в это время худжандец Мавлоно Ахмад судьба забросила в город Сарай на Волгу, к двору Беркехана/Тизенгаузен. -1884. -с. 461/. Несколько позже поэт Мавлоно Ахмад покинул двор Беркехана и нашел убежище в покое в одном из городов Индии/Мухтаров. -1984. -с. 129-140/. Другого худжандца судья-назир Джалаледдин Мехмуда судьба забросила в город Керекорум. Он здесь, при дворе монгола Менгу хаана/1251-1260 гг. /Джалаледдин Мех-

муд исполнил должности судьи и являлся одним из влиятельных деятелей его двора/Рашид-ад-дин. -1960. -с. 142/. Надо отметить, что после насильственного захвата Мавераннахра те же монголы относились весьма благосклонно по отношению представителей мусульманского культа. Это был, как сказать, жизненный интерес завоевателей. К примеру, историк Джувайни, современник монгольского завоевания, подробно рассказывает о том, что хан Джучи, отец Берке, приказал воспитать сына по мусульманским обычаям и обучить его в Худжанде Корану у "одного из ученых благочестивцев этого города"/Тизенгаузен. -с. 16/.

С музыкальной жизнью Худжанды, Самарканды, Бухары и Герата была связана деятельность теоретиков и исполнителей музыки Мухаммад ибн Абунаसर Худжанди. Он родился в конце XIV-начале XV в. Передает, что его отец был ученым. Абунаसर начальное образование получил в Худжанде. Затем выехал в Самарканд и Герат. В Самарканде Абунаसर Худжанди изучил теорию музыки у Абдулладина Гуянда и Мавлоно Кутбиддина. Нашему земляку приписывают ряд трактатов по музыке, в том числе "Рисола дар илими мусики"/"Трактат о науке музыки"/, "Шархи рисолат-ул-атдор"/Комментарии к трактату о музыкальных кругах или циклах/ и другие.

Богата и разнообразна была также литературная жизнь старшего Худжанды. По подсчетам литературоведа С. Султанова, только за последнее тысячелетие до установления Советского строя, из Худжанды вышло более трехсот поэтов и прозаиков.

Список поэтов, оставивших Худжанду и прославившихся в других городах, возглавляла поэтесса-и музыкантша Махасты Худжанди. В Азербайджане ее знают как Мехести Гейджени. Поэтесса обладала прекрасным голосом и очень любила исполнять песни. Она получила достаточное образование по уровню своей эпохи. Махасты еще юной девочкой овладевает в совершенстве известные на Востоке 12 разделов и 24 части музыкального искусства. Особенно больших успехов она добилась в игре на арфе-уде. Как свидетельствуют современники, Махасты в двадцати лет приезжает в Ганджу/Раджабов. -1986. -с. 225/. Затем выезжая в Балх, Мерв, Зендак, Карабах, Мешхед и другие культурные центры того времени она восхищала всех своим поэтическим дарованием и исполнительским мастерством. Махасты являлась свободной женщиной, ее стихи были направлены против бесправия и угнетения женщины Востока/Усмазов. -1960. -с. 18-43/.

Из Худжанды, квартала Намсгох, позже переименованного в честь поэта в "Ходжа Камол", происходил признанный лирик классической таджикской поэзии Камолитдин Масъуд, известный как Камол Худжанди/умер в 1400 г. /Прах поэта хотя покоится в живописной местечке Велиёнхук,

находящийся недалеко от города Тебриза, однако, когда в Худжанд пришел известие о его кончине, то благодарные земляки соорудили в его честь, по древней архитектурной традиции, поминальное надгробие-кенотафту, ставшему позже местом попомничества любителей творчества Камола Худжанди. В XVII в. мазар посетил историк и географ, автор книги "Море тайн" Ибн Вали. Мазар, в виде киоска с барабанным куполом, до 50-х годов XX в. покоился во дворе гостиницы "Худжанд". Постройка была цела и невредима. Ее видели Мирзо Турсунзаде, известные литературоведы Шарифджон Хусейнзаде, Сохиб Табаров и другие.

В первой половине XIX в. в период правления эмиров Хайдара/1800-1826 гг./ и Насрулло/1828-1869 гг./, в одной из бухарских медреса читал лекции поэт, худжантисец Домулло Ходжибой, поэтическое прозвище которого было Лисони. Последний занимая ряд государственных постов в эпоху правления эмира Насрулло, но за свои демократические взгляды попал в немилость. По словам С. Айни, Лисони был истинным ученым/улемом хаккони/, в один из вечеров эмир Насрулло пришел в гости к поэту, уходя разрушил его дом, а самому запретил преподавание в медреса. Садриддин Айни также пишет, что когда он жил и занимался в медреса Мири Араб, то брал уроки по книге "Мухтасари викия" у худжантисца Мулло Авеза. Писатель добавляет, что Мулло Авез хорошо знал свой предмет и объяснял уроки намного лучше других. Он был очень беден, жил и занимался в темной худжре, такой маленькой, что в ней с трудом помещались два ученика/Айни.-с.211/. Большой известностью среди бухарских медресисов пользовались также выходцы из Худжанды Мулло Абдулхакими Савдан и Домулло Аминходжа, отец замечательного таджикского поэта Мухиддина Аминзаде. Поэты Хотиф Худжанди, Мутриб Худжанди и Волий Худжанди прославились в литературных кругах Кокандского двора еще будучи учениками кокандских медреса./Азиз Каюмов.-1961.-с.13-41/.

В Худжанде подавляющее большинство медреса являлись квартальными, что еще больше сближало их с повседневной общественной и трудовой жизнью простого населения. Почти каждый второй квартал города имел свои медреса. Размеры квартала и плотность населения в разных частях города разными. Этнографами установлено, что наибольшей плотностью населения отличалась территория древнего шахрстана города. В начале XX в., например, квартал Намозгох, занимавший небольшую территорию центральной части города, состоял из 75 мелких домовладений, Дари Шикоф из 38, а квартал Хазрати Бобо состоял из 58 двора/Турсунов.-1971.-с.58/. В упомянутый период в районе квартала Намозгох имелось три медреса, в последних двух, по одной.

По приблизительным подсчетам на 250-300 жителей квартала прихо-

дилось по одному мактабу, корихона, мечети, медреса и чайхона. Эти квартальные учебные и общественные учреждения вместе взятое образовывали своеобразный "квартальный культурный микроцентр" и активно воздействовали на общественную жизнь и идейное формирование жителей квартала. Учредители квартальных медреса как правило сами были его членами и персонал медреса при наличии образованного и достойного муэдрина часто назначался из жителей того квартала, где располагался медреса. В выборе муэдрина, помимо самих учащихся, активное участие принимали также и жители квартала, - их заключение нередко являлось решающим при подборе кандидатуры нового муэдрина. В своем прошении на имя начальника Худжандского уезда муэдрина медреса Мухаммад Али Мирзо Санд Усмон, например, писал: "пять лет уже нахожусь я в названной медреса муэдрином, учу учеников, настоящее время сам Мухаммад Али умер, махаллинцы заявили народному судье назначить другого муэдрина/ИТА Тадж. ССР. Ф.1, оп.1, д.1341, л.10/. Муэдринами и учащимися старших курсов медреса города являлись неизменными участниками всех общественных и культурных мероприятий, проводимых в рамках квартала и города в целом. При их участие в чайханах и других общественных местах собирались художественные чтения-"типа "бедихона", "хофизхони" и др., при которых, как вспоминает Т.Н. Кары-Ниязов "многочисленная чайхана обычно притихала/Кары-Ниязов.-1967.-с.86/. Старожилы Худжанды вспоминают, что наиболее красноречивые, поэтически одаренные муэдрины и их ученики приглашались на традиционные товарищеские вечера-гап. При удачном выборе гостей, говорят они, - "гап" превращался в настоящий музыкально-драматический и литературный вечер. Фанатично настроенные муллы, при этом, вежливо покидали такие вечера.

Традиции культуры Уратье также уходит в глубь веков. В 1971 г. академик А. Мухтаров в мечети-медреса Коктумбаз обнаружил "Антологию" уратьинских поэтов, живших в XIX и начале XX столетий. В рукописи сохранились имена более десяти поэтов, их псевдонимы и занимаемое общественное положение. Факт находки такой "Антологии" в самой медреса еще раз доказывает, что научная и литературная жизнь города Уратье исследуемого периода также была сосредоточена в пределах медреса города. Одним из крупнейших общественно-образовательных центров города считалась медреса Рустамбека. Примерно в первой половине XX в. лекции по фикху здесь читал ученый Домулло Тароимурод-отец поэта Мирзо Содика/Фано/. Фано первоначальное образование получил в мечети квартала Сафед, некоторое время жил в одной из худжр медреса Намозгох. Последние годы учебы поэта протекали в медресе Рустамбека. Фано являлся не только поэтом, но и музыкантом, и, возможно, - певцом.

После смерти поэта Нахиди Истаравшани, Фано руководил собранием уратибинских поэтов. Об этом сам поэт пишет так: "Группами у меня, маджнуна, собирались маджнуны знания, бутонь в цветнике науки и извещали желание учиться у меня" /Мухатров. - с. 96/.

С мая 1905 по 1917г. старшим муадрисом медреса Котгумбаза состоял поэт Саид Буфархон Назмизода Истаравшани, поэтическая псевдоним Джавхари /ИГА Уз ССР. Ф. 47, оп. 1, л. 804, л. 165-186/. Буфархон Джавхари 1860-1945гг. / был одним из одаренных поэтов начала XXв. Его отец Саид Махмудхон Назми Истаравшани /скончался в 1888г. / тоже был поэтом и занимал должности муадриса в медресе Рустамбека. Согласно тазкира Мухташама, Джавхари получил высшее образование в бухарских медресах. Джавхари дружил с поэтом-просветителем Тохидкой Асир, Садриддином Айни и другими прогрессивными поэтами своей эпохи. Интересна личность другого муадриса медреса Ходжаджон-Мулло Мир Солеха, который являлся искусным каллиграфом.

В прошлом разные должностные лица Уратье, определяли своих сыновей в медреса Бухары, Самарканда и отчасти Коканда. Согласно статистическим сведениям 1888г. из 120 учителей мактабов и муадрисов города, 19 являлись выпускниками бухарских медрес, остальные - 101 учились и завершили учебу в медресах города Самарканда /ИГА Уз ССР. Ф. 1, оп. 1, л. 76, л. 15/.

Население города Уратье по уровню грамотности согласно переписи 1897г. среди всех уездов и городов Самаркандской области стояло на первом месте. Из общего числа населения мужского пола грамотными, например, были 13,52%, среди женского пола - 2,28%.

С. Айни в своих "Воспоминаниях" говорит об уратибинцах Мирсолехе и его отце Миризам, знатоке литературы Мулло Холе и киргизе уратибинце Мулло Туйчи, с которыми С. Айни в медресе Ходжи Зохида стоял соседом по хуторе /Айни. - 1962. - с. 88, 171, 274/.

Поэт Хумули, родом из Пенджикента, 15-летним мальчишкой ушел из дома и в 1790г. приехал в город Сахрисабз, где поступил в медреса Улбой Кенегаса, а по окончании был назначен казыем Ургута /Собиоров. - 1972. - с. 31-38/.

В прошлом ученики медреса составляли значительную прослойку горожан. В последних десятилетиях XVIIIв. по подсчетам П. П. Иванова число учащихся в бухарских медресах достигало рекордного количества - 30 тыс. человек. /Иванов. - 1958. - с. 219/. По сведениям 1909г. в 130 медресах Улгийского ханства обучались 9300 учащихся, в 50 медресах Коканда - 6589 учеников, муадрисами состояли - 406 человек. Во всех 368 медресах Ферганской области по сведениям 1914г. обучались 11056 уча-

щих. Более 1000 учащихся обучались в медресах Худжанда, одних мутаваллиев, занятых управлением вакфных учреждений, имелось здесь 409 человек /ИГА Уз ССР. Ф. 1, оп. 1, л. 1498, л. 8/. Большая масса этих людей будучи оторванными от дома, семьи, родителей, являла реальное существование и при случае могли представлять сильную угрозу политической власти. Так, по имеющимся сведениям в восстании сарбодоров 1365г. принимал активное участие ученик медреса Самарканда Махмудхон Самарканди. В 1715-1716гг. в ответ на произвол властей, ученики бухарских медрес направились к воротам арва и требовали правосудия /Абдурахмани Тали. - 1959. - с. 42/. В 80-х годах XIXв. немущие ученики нескольких тегеранских медрес восстали против управления вакфа. В восстании 1916г. в Средней Азии, которое началось в Худжанде, наряду с дехканами, ремесленниками, кузнецами - главной движущей силой восстания, активное участие также принимали ученики многочисленных медрес, а также муадрисы как Маъсумхон Осими, Мулло Бободжон Ахмадов, передовые интеллигенты Коржаохид Фозилов, Болтухон Акромов, Яхёхон Олими, Мулло Саидхмедов, которые позднее были арестованы и брошены в тюрьму. Медреса Хинтин и Намозгох, по воспоминаниям очевидцев, служила своего рода штабом восстания.

Более выразительными стали и выступления отдельных муадрисов за реформу школ и медрес, однако, такие требования не находили нужной поддержки властей и подавлялись с большой жестокостью. Так, в 1813г. за попытку реформы ислама был приговорен к смерти выпускник бухарской медресы Абунасыр Курсави. С. Айни повествует о судьбе самаркандского поэты Абусаида, гилдуванского муадриса Мулло Фозида, вахкентского Муминходжи, Мулло Худойберди из Байсуна и многих других, которые были сурово наказаны эмиром Бухары /Айни. - 1926. - с. 15-16/. Неудовольствие муадрисов обвинялось в "политическом расстройстве", как это бывало уже с упоминавшимся худжандским муадрисом Мухиддинходжаи Накибом.

Благотворный дух просветительства, охвативший во второй половине XIX и в начале XXв. общественно-политическую жизнь народов Средней Азии, оказал чудотворное воздействие и на средневековые казавалось бы неизменные основы медрес. В частности, разными путями среди учащихся бухарских медрес нашел распространение русский язык. В медресе Мир Араб пропагандистом русского языка оказывались ученики Мулло Турон, Цирая и сам С. Айни /Айни. - 1974. - с. 170/. В 1913-1917гг. в некоторых медресах Ташкента были введены уроки русского языка, правда платные. Известно о занятиях русским языком и в медресах города Коканда и Самарканда в 1913г.

В быт медреса активно стала входить газета, содействовавшая расширению кругозора учащихся и пополнявшая их жизнь новым духовным содержанием. По статистике 1911г. более 223 медреса Туркестанского края получали бесплатно газету "Туркестан". В городе Худжанде такую газету получали медреса Сарымсохонда, в Уратье-медреса Конгумбах, в Пенджикенте-медреса Халифа Хасан и др. /ИГА Уз ССР. Ф. 1, оп. 1, д. 1150, л. 374/. Классовая и идейная борьба, наметившаяся в медреса еще в начале ХХв., получила особый накал в годы революции и гражданской войны. Немало лиц высокого духовного звания в годы Советского строя и гражданской войны оказались втянутыми в лагерь контрреволюционеров,

Прогрессивно настроенные муэдирисы и учащиеся с первых дней революции активно включились в борьбу за установление и укрепление Советского строя в Таджикистане. Бывшие муэдирисы медреса и их ученики возглавляли Советы/Макашов. -1976 ; 1977гг./, участвовали в управлении народным хозяйством, они развернули активную работу по организации новых школ, интернатов, клубов и других культурно-просветительских очагов. Вот текст телеграммы Худжандского Совдепа Турк Циклу от 18 января 1921г.: "Среди населения желающих ехать на курсы инструкторов нет. Прошу разрешить мобилизовать восемь человек из трудящихся мусульман грамотных/имеется ввиду выпускники медреса-М.А./, для отправки к вам распоряжение. После окончания курсов они займут должности инструкторов при уездном отделе Управления"/ЛГ ИГА Тадж. ССР. Ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 1./-. Например, ныне персональный пенсионер, заслуженный врач республики, один из зачинателей дела народного образования в Худжанде-Уамиджон Умаров, до Советского строя являлся корнем одной из корнях Худжанде и учеником курса русско-туземной школы. В 1914г. окончив школу, Умаров был уже довольно образованным человеком своего времени: в 14 лет он имел звание "корня"-чтеца Корана, умел читать и писать по-арабски и по-русски, знал счет. После установления Советского строя в Худжанде ему была поручена организация в городе школ нового типа.

Член клуба революционной славы Худжанда, один из участников установления Советского строя в Худжанде, пенсионер Ислом Бобоев был учеником медреса Ходжа Намола в Худжанде. Видный советский работник Хотам Салибев вспоминает, что в школе-камусе/ныне школа им. А.С. Пушкина/, куда он в 1920г. поступил учиться, предмет "родниоведение"/"История Туркестана"/ вел Абдулгатор Саттсоров, который в учительских кругах был известен как Абдулгатор Махдум. Он происходил из бедной семьи, учился в медресе, затем окончил курсы по подготовке

учителей.

Образование сына поэта-просветителя Тошходжа Асири, Саътохона Асири, в прошлом сельского учителя и камнетеса, начиналось также с медреса, а завершилось в советском педагогическом училище.

С первых лет Советского строя во многих пустовавших зданиях медреса открылись краткосрочные образовательные курсы, ликбезы, интернаты, библиотеки. В частности, такой курс в 1919г. был организован при медреса Бохи города Худжанда, где арифметику преподавал сын бывшего муэдириса этой же медреса Валихон Саидходжаев. По сообщениям старожилов, аналогичные курсы-школы были организованы при медреса Рустамбека в Уратье, Миррадиаб дохто и Оми в Канибадаме, медреса Абдуллохона в Исфаге.

12 мая 1918г. в Худжанде был организован Худжандский уездный совет народного образования. Выборным путем в этот совет вошли двое муэдирисов: Ходжа Абдулло и Саид Бокихон Махсум/ЛГ ИГА Тадж. ССР. Ф. 370, оп. 2, л. 52, л. 11/. В 1919г. заведующим Отделом по делам национальностей бывший выпускник одной из медреса Худжанда Мулло Умар Бободжанов докладывал Худжандскому исполкому, что отделом открыты некоторые зауставшие медреса, что муэдирисами назначаются лица "знакомые с устройством нашей Республики и новыми идеями"/Там же, д. 64, л. 8/. В том же году в разные медреса были назначены 33 медреса//Там же, д. 64, л. 164/. Специальным циркуляром СНК Туркестана от 10 февраля 1923г. всем отделам народного образования разрешалось открытие мактабов, медреса и еврейских хедеров. Несколько раньше аналогичное решение было было принято и правительством БНСР.

В Канибадаме активным организатором народного образования проявил себя бывший ученик одной из маргеланских медреса, ныне Заслуженный учитель школы республики Ахмеджон Абдурахмонов. В Исфаге такими были Салохиддин Маджиди, Коризский Ахмадов из Чорку, Носир Саидов, Абдулазиз Бобоев, Исниямин Исмиадинов, Пулатхон Каимов и др.

Стремясь к максимальной степени поставить все культурные достижения прошлого на службу народу Советский строй придавал особое значение кадрам старой интеллигенции, использованию любой ценой тех знаний, которыми они располагали. Правительство Туркестанской Республики в 1919-1920гг. открыло в Ташкенте, Самарканде и Коканде краткосрочные курсы учителей, куда принимались учителя дореволюционных мактабов, медреса и их ученики, а также все сколько-нибудь образованные люди, пожелавшие работать на благо народного просвещения. Так, в мае 1920г. Самаркандский подготовительный курс выпустил первых своих питомцев. Из 132 слушателей краткосрочного курса 47 человека были

из Худяндского уезда. Всего в 1920г. было подготовлено 150 учителей из числа таджикской национальности и 800 учителей-узбеков. В 1922г. в этих курсах из Худянда учились бывшие ученики медреса К. Осими, Я. Орифи, О. Собитов, Абдулловода, А. Гаффаров, И. Инъомов, М. Хакимов и другие. Они по завершении шестимесячных курсов заведовали городскими, районными отделениями народного образования. В 1919-1920гг. на эти краткосрочные курсы только из Костакоса были отправлены более 20 человек.

В последующие годы подготовка учительских кадров из числа бывших учащихся и выпускников медреса еще более увеличилась. В 1929-1930гг. Таджикский институт просвещения в Ташкенте принял 563 слушателя-таджика. И как бы ни утверждали, что советская школа в Таджикистане строилась буквально на голом месте, все же первое поколение учителей советских таджикских школ в основном комплектовалось из числа бывших выпускников медреса и русско-туземных школ, опыт и знание которых были приложены к задачам созидания новой национальной культуры. И примечательно, что у истоков этого невиданного по значимости в истории процесса обновления культуры стояли и самоотверженным трудом и примером вдохновляли основоположники таджикской советской литературы Садриддин Айни и большая плеяда прогрессивной старотаджикской демократически настроенной интеллигенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период XVI-начало XXвв. характеризуется важными событиями, преопределившими дальнейшую судьбу таджикского народа на пути созидания и культурного прогресса. Важнейшим из них явилось присоединение края к России, во многом изменившее социально-экономическую и политическую структуру среднеазиатского общества.

В сфере экономики это выразилось в ломке старых феодальных общественных институтов, развитии товарно-денежных отношений, в разрушении замкнутости территориально-хозяйственных единиц, а также в еще большем разделении и кооперации труда между городом, селом и скотоводческими оазисами, в специализации и известной концентрации производства. Главное же наступил в крае долгожданный мир. Прекратились междоусобные войны, ведавшиеся между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством с одной стороны, Хивийским ханством и Бухарой, с другой стороны. Наступивший мир сразу сказался в росте населения, грамотности, образовании и градостроительстве, оживлении торговли, развитии средств связи и транспорта, коммунальном хозяйстве, складывании региональных связей и рынков, усилении роли банковского капитала.

Перемены в социально-экономической и духовной жизни непременно коснулись и казалось бы неизменных средневековых основ медреса. Конец XIX-начало XXвв. были периодом наибольшего развития медреса-строения в Северном Таджикистане. В Худянде, например, количество медреса увеличилось от 13 в начале 60-х годов XIXв. до 47 в 1897г. и среди Среднеазиатских городов Худянда по числу медреса выдвинулся на один из первых мест после Бухары, где в начале XXв. действовало более 206 медреса. Подобные же тенденции наблюдались также в Уратобе, Пенджикенте и в Костакосе.

Медреса-строение в рассматриваемую эпоху охватило и сельские округа. Впервые за многие столетия жители селения Костакос, Унджи, Гва, Гулякандоз, Нав, Испони и другие, наряду с горожанами получили доступ к знанию на месте своего жительства. Вместе с ростом медреса наследились и большой наплыв учащихся в них. Эта тенденция в свое время была замечена и школьными деятелями Туркестана. Развитие хлопководства в Ферганской долине, соответственно и высокие доходы вакуфных участков, а также частые эпидемии и значительная смертность в Бухаре, заставляло многих учеников медреса отдавать предпочтение медресам Самаркандской и Ферганской долины, включая и Северного Таджикистана. Учащиеся медреса, вместе с муэдринами, мутаввалиями, корыбши и учениками корыхона, составляли значительную культурную и образова-

тельную прослойку городского общества.

Число выпускников мадраса нередко опережало потребности чиновнического аппарата, поэтому многие выпускники, не находя работу по призванию, пополняли ряды ремесленников и крестьян. В ходе сбора материала для данной книги мне приходилось встретиться неоднократно и беседовать с такими людьми или с их прямыми потомками.

Мадраса Северного Таджикистана отличались также демократичностью организации, что прежде всего определялось социальным составом учащихся. В Худжанде, Канибадаме, Исфаге и Уратюбе с давними ремесленными традициями, определенное число мадраса было тесно связано с ремесленными кварталами или ремесленными цехами города. Они нередко носили название последних. В этих мадраса в основном обучали детей ремесленников и других низших сословий городского общества. В такой трудовой среде не имело место и религиозному фанатизму. Например, мадраса Худжанде будучи в массе своей квартальными, они были органично связаны с повседневной трудовой и общественной жизнью населения. К тому же в Северном Таджикистане, в отличие от Бухары, где центрами общественной жизни являлись мечети, здесь в городах Северного Таджикистана, в силу исторически сложившихся традиций, мечети не стали общественными центрами кварталов, последний утвердился за мадраса и чайханой. В частности, в Худжанде в среднем на 150-200 жителей квартала приходилось по одной мадраса, которая, вместе с мектебом, корыхона, мечетью и чайханой, образовала квартальный культурный микроцентр и активно воздействовала на общественную жизнь и идейное формирование махаллинцев.

Высокий уровень товарности сельского хозяйства и продукции ремесла, развитие денежных отношений, а также наличие местной весьма проворной буржуазии, определили содержание и материальные ресурсы мадраса Северного Таджикистана. В конце XIX в. все операции по начислении стипендии учащимся и мударрисам мадраса в основном производились в денежной форме, за исключением сельских мадраса, где еще жалование получали в натуре. В последние десятилетия XIX в. отдельные доходы мадраса были активно втянуты в орбиту ссудных и ростовщических операций, что редко наследовалось в других районах Средней Азии.

Известно, что деятельность мадраса в Северном Таджикистане, как и в других районах Средней Азии, протекала на стыке двух эпох — заката феодализма и начала развития капитализма. Каждая эпоха наложила свой отпечаток на характер северо-таджикских мадраса, однако, социально-экономические перемены затронули лишь внешнюю оболочку, классная и

идейная сущность мадраса, как духовное орудие и выразитель идеологии господствующего строя, по-прежнему остались непоколебимыми. Хотя из стен мадраса вышло немало прогрессивных интеллигентов, деятелей науки, литературы и искусства, однако в силу определенных обстоятельств мадраса стояли в стороне от производственной жизни, ограничивая сферу своей деятельности пассивным просвещением. Иначе говоря, мадраса не сумели и не могли стать активной преобразующей и производительной силой общества, однако, мадраса при всех своих недостатках, присущих естественной эпохе господства феодализма и мусульманской идеологии, как ведущий образовательный институт досоветской Средней Азии сыграла значительную позитивную роль в области образования, науки и культуры.

- Абду Рауф. Рассказы индийского путешественника/Бухара как она есть/ Самарканд, 1913
- Абу Тахир Ходжа. Самария. -СКСО. -Вып. VI. -Самарканд 1899
- Адам Мец. Мусульманский ренессанс. -М., 1973
- Ам-Насиб-ас Самаркенди. Кендия Малая. -СКСО. -Вып. VIII. -Самарканд, 1906.
- Ародеки Бадр-Эддин. Медресе. Первые университеты Арабского Востока. -Курьер ЮНЕСКО. -1978, январь
- Айни С. Алишер Навои. Таджикистосиздат. -1948
- Айни С. Бухоро инкилоби таърихи учун материаллар. -Ташкент, 1963
- Айни С. Воспоминания. Пер. с тадж. и предис. А. Розенфельд. -М., 1960
- Айни С. Таърихи амирони мангитияи Бухоро. -Асархо. Ч. X. -Душанбе, 1966
- Айни С. О моей жизни. Соч. -Т. I. -М., 1971
- Айни С. Смерть ростовщика. -Соч. -Т. III. -М., 1973
- Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М. Востоковед Михаил Степанович Андреев. -Душанбе, 1973
- Арендаренко Г. А. Досуги в Кухистане. -Спб., 1889
- Бабур-наме. Записки Бабур. -Ташкент, 1958
- Бедялов М. Е. К вопросу о преподавании математики в Средней Азии с IX по первую половину XIX в. -Автореф. канд. пед. наук. -М., 1965
- Бертольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. -Соч. Т. I. -М., 1963
- Бертольд В. В. История культурной жизни Туркестана. -Соч. Т. 2 Ч. I. -М., 1963
- Бертольд В. В. Церемония при дворе узбекских ханов в XVII в. -Соч. Т. 2, Ч. 2. -М., 1964
- Бертольд В. В. Улутбек и его время. -Там же.
- Бертольд В. В. Ислам. -Соч. Т. 6. -М., 1966
- Бертольд В. В. Двадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. -Соч. Т. V. -М., 1968
- Бертольд В. В. Историко-географический обзор Ирана. -Соч. Т. VII. -М., 1971
- Бертольд В. В. Отчет о командировке в Западную Европу. -Соч. Т. VIII. -М., 1973
- Бексуреи М. С. Туркестанская область. -Казань, 1873
- Беленицкий А. М., Располова В. И. Древний Пенджикент. -Душанбе, 1971

- Беленицкий А. М. и др. Средневековый город Средней Азии. -Л., 1973
- Бируни. Памятники минувших поколений. -Избр. произ. -Т. I. -Ташкент, 1957
- Бобровников Н. А. Русско-туземные училища, школы и медресе Средней Азии. -Спб., 1913
- Большаков О. Г. Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде. -Страны и народы Востока. -Вып. X. -М., 1971
- Борис А. Путешествие в Бухару. -Ч. 2. -Спб., 1848
- Буддист Р. В. Религиозно политическая история Нишапура в XIV в. -Мусульманский мир. -М., 1981
- Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. -Спб., 1865
- Васильев П. А. Некоторые сведения о народном образовании в Ходженте и Уратье в 1910-1917 гг. и первые годы после Октября. -Сооб. ЦИАН СССР. -Вып. 9. -Сталинабад, 1948
- Вильданова А. Б. Подлинник Бухарского трактата о чинах и званиях. -Письменные памятники Востока. -1968 г. -М., 1990
- Вяткин В. Л. О вакуфах Самаркандской области. -СКСО. -Вып. X. 1912
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. -М., 1972
- Гегонидзе Ю. М. Из истории грузино-иранских взаимоотношений. -Кавказ и Средняя Азия в древности и средние века. -М., 1981
- Геродот. История. -Л., 1972
- Гулом Джалол. Разна ва разнавиён. -Кобул, 1351
- Джувейни. Тарихи джахонгушом. -Лондон, 1929
- Егани А. А. Документы к истории аграрных отношений в Северных районах Таджикистана в XVI-начале XX вв. -Диссерт. канд. истор. наук. -Душанбе, 1968
- Ершов Н. Н. и др. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. -Т. XXIV. -М., 1954
- Захидов П. Ш. О школах зодчества Узбекистана/XIX-начало XX вв. / -Искусство зодчих Узбекистана. -Вып. IV. -Ташкент, 1969
- Исф. Батута. Сафарнома. -Тегеран, 1348
- Исф. Сина. Трактат о домоводстве. -Избр. произв. -Т. 2. -Душанбе, 1980
- Исмаилов А. И. Цитадель древнего Пенджикента. -Душанбе, 1977
- Исо Сидди. Тарихи фарханги Эрон. -Техрон, 1342
- Карв-Наизов Т. Н. Размышление о пройденном пути. -Избр. произв. -Т. VII. -Ташкент, 1967
- Касталье И. А. Древности Уратье и Шахристана. -ПТКЛА. -Вып. 20. -Ташкент, 1915
- Кетмов А. Мокандская литературная среда. -Ташкент, 1961

- Керенский Ф. М. Медресе Туркестанского края. - СПб., 1892 г.
- Кисляков Н. А. Очерки истории Каратегина. - Сталинабад, 1954
- Костенко Л. Е. Туркестанский край. - СПб., 1880
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. - М., 1972
- Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. - Ташкент, 1976
- Крыков К. С., Немцева Н. Б. Мечеть Кок Гумбаз в Уратобе. - Известия ОН АН Тадж. ССР. - 1965, № 3/41/.
- Кушакевич А. А. Город Ходжент и Уратобе. Ежегодник. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. I. - СПб., 1873
- Кушакевич А. А. Очерки Ходжентского уезда. - Туркестанские ведомости. 1872, № 13
- Литвинский Е. А. Мечеть-намозгох в кишлаке Навгулем/Исфаринский район/. - Док. АН Тадж. ССР. - Вып. IX, 1953
- Литвинский Е. А., Зеймаль Т. И. Аджиатепа. - М., 1971.
- Маджи А. Е. К истории феодального Ходжента. - Материалы по истории таджиков и Таджикистана. - Сталинабад, 1945
- Макдиси Дж. Суннитское возрождение. - Мусульманский мир. - М., 1981
- Массальский В. И. Туркестанский край. - СПб., 1913
- Массон М. Е. Регистан и его медреса. - Вып. 3. - Ташкент, 1926
- Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. - Ташкент, 1973
- Мирбабаев А. О работах Советско-Афганской археологической экспедиции в 1971-1972 гг. - Изв. ОН АН Тадж. ССР. - 1974, № 1/75/.
- Мирбабаев А. Изучение архитектурных памятников Северного Таджикистана. - Изв. ОН АН Тадж. ССР. - 1974, № 4/78/.
- Мирбабаев А. Материальная база медреса Северного Таджикистана. - Изв. ОН АН Тадж. ССР. - 1976, № 2/84/.
- Мирбабаев А. Из истории учебных заведений эпохи Абуали ибн Сино. - Абуали ибн Сино и его эпоха. - Душанбе, 1980
- Мирбабаев А. К истории медресы Герата XV-XVII вв. - Материалы по истории культуры Таджикистана. - Душанбе, 1981
- Мирбабаев А. Учебные и научные центры Ближнего и Среднего Востока в древности. - Душанбе, 1983
- Мирбабаев М. К. Этика Джалалидина Давони. - Душанбе, 1992
- Монтгомери Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу. - М., 1974
- Мушкинова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVII в.
- Мурадов А. Из истории каллиграфии Средней Азии. - Ташкент, 1971
- Мухтаров А. Город Ура-тибе. - Археологические рассказы. - Сталинабад, 1959
- Мухтаров А. Очерки истории Ура-тибского владения в XIX в. - Душанбе, 1964 г.

- Мухтаров А. Гузары города Ура-тибе. - Материалы по истории городов Таджикистана. - Душанбе, 1975
- Наливкин В. П. Очерки благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края. - СКСО. - Вып. У. - Самарканд, 1897
- Наливкин В. П. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области. - Сборник материалов по мусульманству. - Т. I. - СПб., 1899
- Наливкин В. П. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. - Ежегодник Ферганской области. - Т. 3. - Симедев, 1904
- Нафиси Саид. Мадраса Низомии Бардод. - Техрон, 1313
- Наршахи. История Бухары. Перев. Н. С. Лыкошина. - Ташкент, 1897
- Низами Арузи Самарканди. Четыре беседы. - М., 1963
- Негматов Н. Н. Из истории послесредневекового Ходжента. - Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. - М. - Л., 1959
- Негматов Н. Н. "Хмельницкий" С. Г. К истории архитектурного комплекса Хазрати Гусо. - Изв. ОН АН Тадж. ССР. - 1960, № 1/22/.
- Негматов Н. Н. Ходжент во второй половине XIX и начале XX в. - Изв. ОН АН Тадж. ССР. - 1967, № 1/47/.
- Негматов Н. Н. Абу-л-хумуд Худжанди. - Изв. ОН АН Тадж. ССР. - 1967, № 4/50/
- Негматов Н. Н. Основные исторические процессы эпохи Абуали ибн Сино. - Абуали ибн Сино и его эпоха. - Душанбе, 1980
- Немцева Н. Б. Археологические исследования у мавзолея Шеха Муслихиддина в г. Ленинабаде. - Труды Института истории АН Тадж. ССР. - Т. 34, 1962
- Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. - Вып. I. - Ташкент, 1896
- Остроумов Н. П. Мусульманская высшая школа/мадраса/. - Исламоведение. Ташкент, 1914
- Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев/1873-1948 гг./. - Сталин., 1960
- Пугаченкова Г. А. Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях. - История Иранского государства и культуры. - М., 1971
- Пулатов У. П. "Дом огня" в Уструшане. - Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. - Душанбе, 1977
- Раджабов Э. Ш. Поэт-просветитель таджикского народа Асири. - Душанбе, 1974

- Раджабов Э.Ш. Дорогой знаний. - Душанбе, 1975
 Рашид ад-дин. - Переписка. - М., 1971
 Рахим Джами. Дом родной. - М., 1973
 Сарганиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. - М., 1977
 Семенов А.А. К прошлому Бухары - Послесловие к книге С.Айни. Воспоминания. - М.-Л., 1960
 Солибоев И. Замон ва одамон. - Душанбе, 1975
 Ставский Б.Я. Место буддийских институтов в системе древнего города. - Тезисы докл. - Ташкент, 1973
 Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. - Ташкент, 1958
 Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодалного города Бухары. - М., 1976
 Терентьев-Катанский А.П. С Востока на Запад. - М., 1990
 Турсунов Н. Ходжент и его население. Уч. зап. ЛГПИ им.С.М.Кирова. - Вып. 30. - Ленинград, 1967
 Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII-начале XXвв. - Душанбе, 1991
 Хейдаров Г.Х. Краткий очерк истории Ленинабада. - Душанбе, 1965
 Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. - Спб., 1843
 Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. - М., 1970
 Хмельницкий С.Г. Исследование архитектурных памятников Уртыбе в 1959г. - Археологические работы в Таджикистане. - Вып. VII. - Душанбе, 1961
 Ходжент. Энциклопедический словарь. - Т. 37. - 1903
 Нукуров М.Р. История культурной жизни Советского Таджикистана/1917-1941 гг. / - Ч. I. - Душанбе, 1970
 Джаков Д.Д. Сарты или таджики. - Отечественные записки. - Спб., 1867
 Влассев А. Аграрные отношения в Туркестане/конец XIX-начало XXвв. / - Ташкент, 1969
 Якубовский А.Ю. Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои. - Алишер Навои. - М.-Л., 1946
 Ямпольский Э.И. К вопросу о происхождении вакфа. - НАА. - 1964, № 4

ИЛЛЮСТРАТИВНОЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

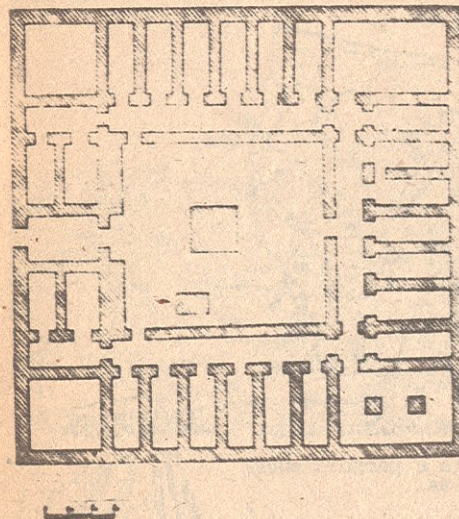
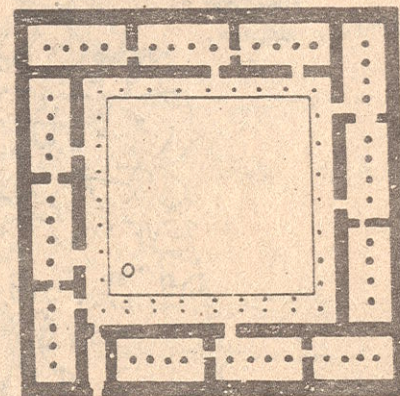

Рис. 1. Олтым-Ю. План.

Рис. 2.

0 20 м.

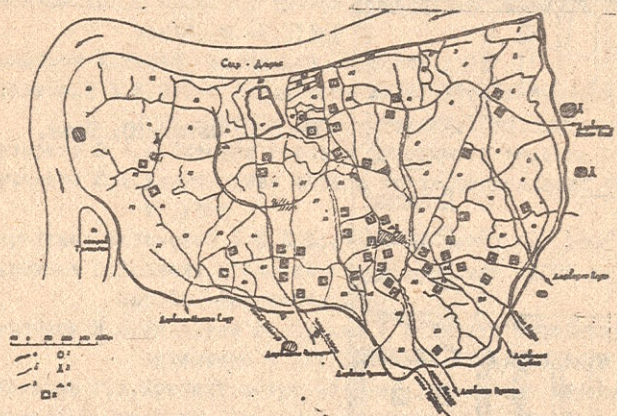

Рис. 3. Схема плана г. Худжанда с расположением мадраса XVIII-начала XIX вв.

Рис. 4. Схема плана Ура-Тобе с мадраса.

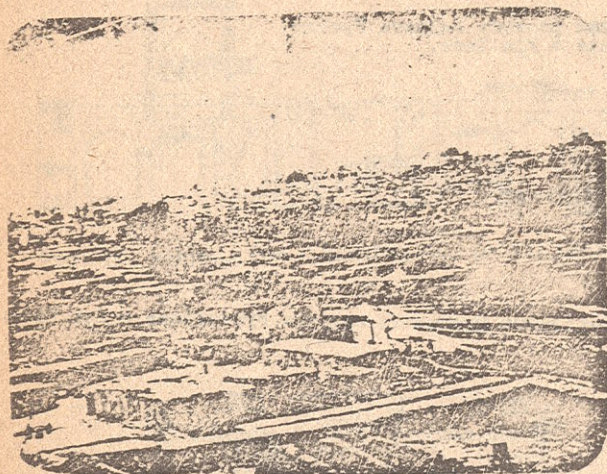
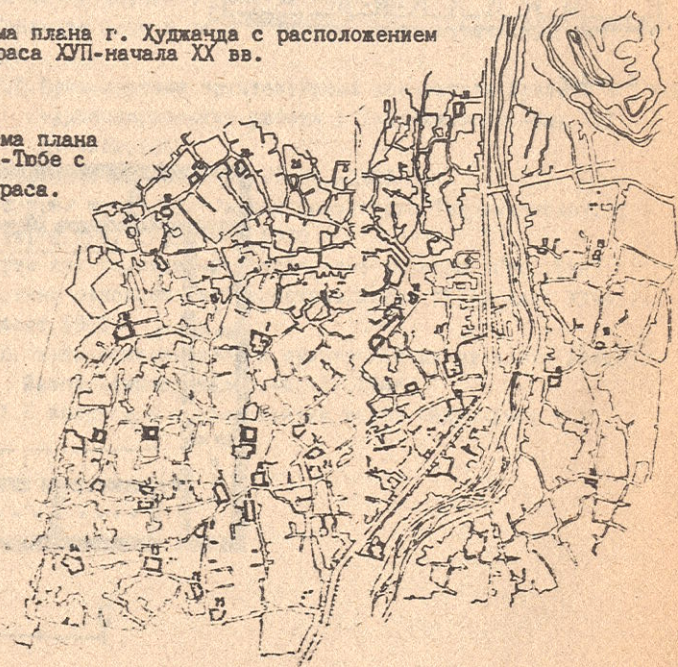

Рис. 5. Ура-Тобе XIX в. с видом на мадраса Рустамбека и Кокгумбаз.

Рис. 6. Мечеть-мадраса Кокгумбаз.

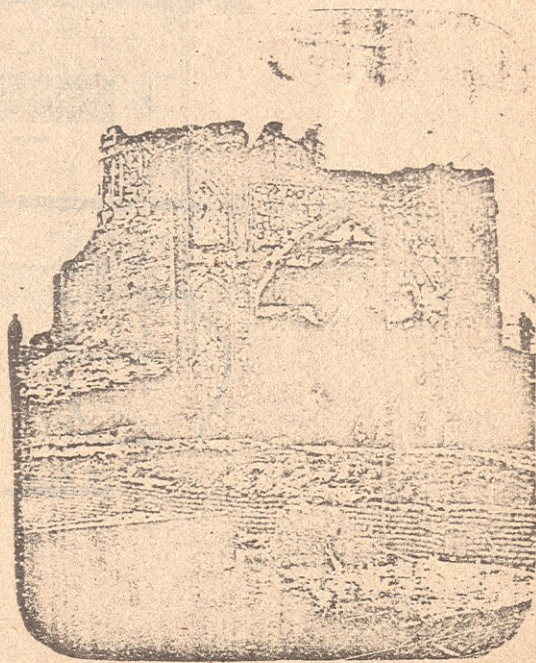

Рис. 7. План раскопа мадраса Рустамбека в Ура-Тюбе.

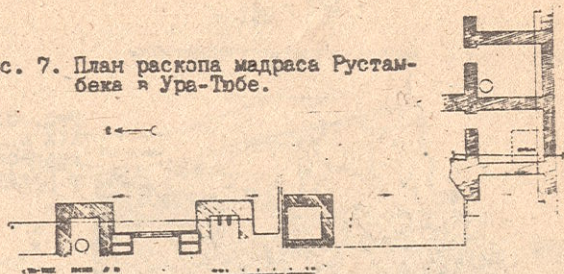

Рис. 8. Отдельные фрагменты мадраса Рустамбека в Ура-Тюбе.

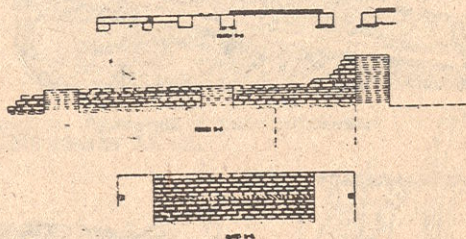

Рис. 9. Керамика из мадраса Рустамбека в Ура-Тюбе.

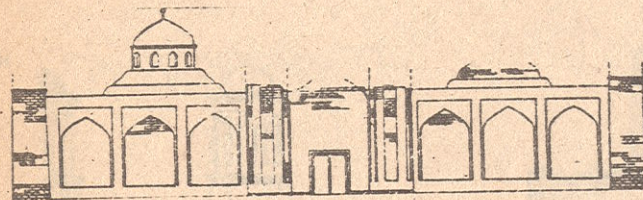
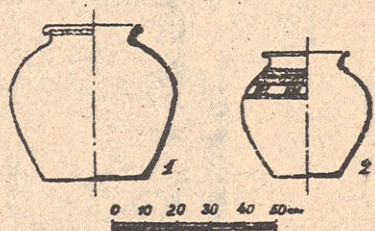
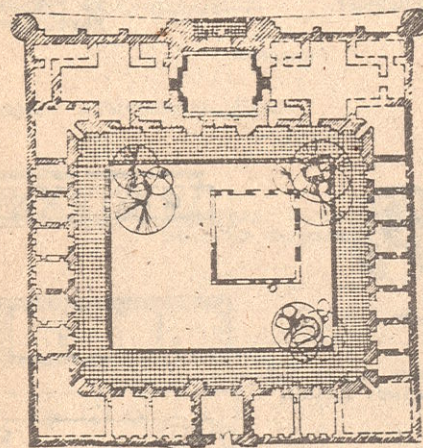

Рис. 10. Мадраса Оим в Канибадаме. Фасад, план.

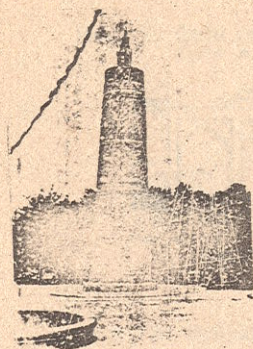

Рис. 11. Минарет мадраса Майдони
Машхад в Канибадаме.

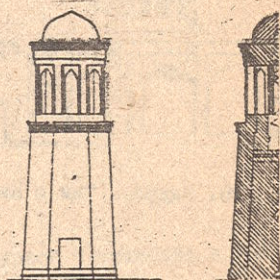

Рис. 12. Минарет мадраса Ходжа
Рухнои в Канибадаме. Фасад, разрез

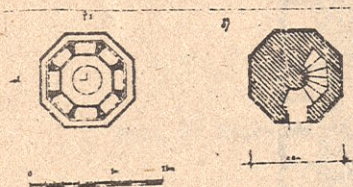

Рис. 13. Минарет мадраса Ходжа Рухнои в Канибадаме. Планы.

Рис. 14. Мадраса Олимпоча в Костакозе. План.

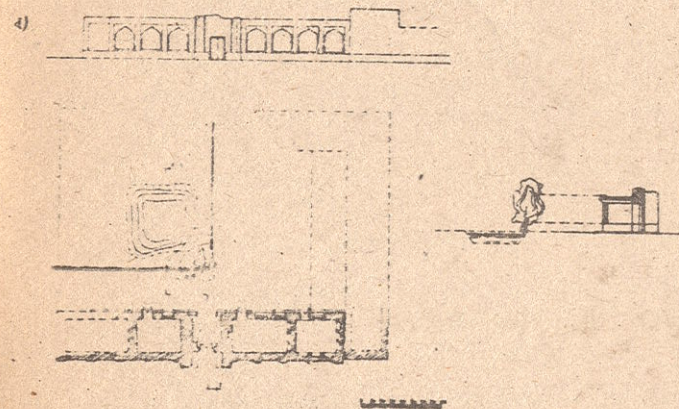
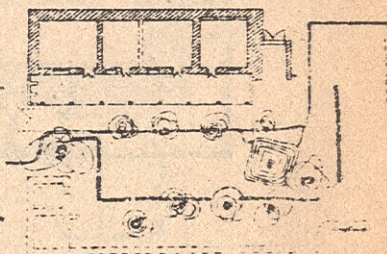
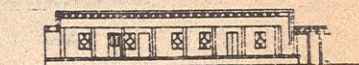

Рис. 15. Мадраса в Костакозе. План.

Рис. 16. Костакоз. Кирпич в цоколе с датой построения мадраса.

Абдуллохон Мирбабаев. История мадраса Таджикистана /часть первая/.
Отв. редакторы Н.Негматов, Р.Кулимов. -Душанбе: Мерос, 1994.- 125 с.
М : 63. ББК 86.38.

Настоящее исследование посвящено истории возникновения и становления мадраса на территории исторического Таджикистана и за его пределами. Автор на большом фактическом материале, используя ранее неизвестные источники и архивные материалы, исследует мадраса городов Худжанда, Канибадама, Исфаги, Ура-Тобе и Пенджикента. В круг затронутых тем также место мусульманских институтов в системе среднеазиатского города.

Расчитан на историков, архитекторов и студентов исторических и архитектурно-строительных вузов.

Илл. 16, список лит. 118 названий.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Таджикского научно-исследовательского института проблем архитектуры и градостроительства.

Рецензенты: Бойматов Л.Д., кандидат исторических наук
Научно-производственное проектно-внедренческое акционерное общество "Мерос" Союза архитекторов Таджикистана
Художественное оформление: архитектора Брагиной Н.В.

Спонсор издания: ПРОИЗВОДИТЕЛЬНО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА "ДУМАЛ" и "К"

С Мирбабаев А.К., 1994

Заказ № 3932, подписано к печати 2 июня 1994, формат 60х84/16, бумага типографская. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 8.7.
Тираж 500 экз., цена договорная.

Первая типография, 734025, Душанбе, проспект Рудаки, 37